

ОЛЕГ БЫСТРОВ

УКРАДИ МОЮ

ЖИЗНЬ

Annotation

Мир, в котором люди получили возможность расплачиваться днями и часами собственной жизни наравне с деньгами. И то, и другое можно заработать, накопить, сохранить... а можно и украсть. Естественно, новую валюту будут охранять, но ловкому человеку это не всегда преграда.

Сегодня его назначили в бригаду, обслуживающую вокзал. Могли бы послать в супермаркет или на рынок, в Семигорске много людных мест. Но начальство распорядилось — в линейную бригаду. Значит, так тому и быть, будем работать с электричками. Поезда дальнего следования имеют собственные группы сопровождения, отвечающие за безопасность пассажиров. А вот пригородные электрички полностью на совести линейной службы. И территория вокзала тоже.

Себастьян вышел из дому ровно в семь. На службе он должен появиться не позднее восьми, но до этого времени нужно успеть заглянуть в ви-пункт. Жетоны на витайк позвякивали в кармане. Для многих такой перезвон — радостная, будоражащая кровь мелодия, обещание многих лет жизни. Но только не для Баса. Какая жизнь у человека, страдающего пороком сердца? Автобус на остановке не догнать — задохнёшься; на третий этаж без остановки не подняться — одышка, и ноги слабеют; чуть поволновался — то же самое. Поэтому без подпитки животворной субстанцией Басу никак. То, что для других — здоровье и долголетие, для него — возможность двигаться, думать, чувствовать...

И исполнять свой долг.

Бас, пыхтя, шагал по Беговой. Так его называли ещё со школьных времён. Счастливая пора беззаботной юности минула семь лет назад, но где бы он не появился, теперь уже эксперт Себастьян Лагерь, все почему-то быстро начинали называть его Басом. Да и ладно, пусть зовут, ему так даже больше нравится. Жаль только, что нет радости в перезвоне жетонов.

Улочка выводила прямо к вокзалу. Справа, за лесопарком, возвышался массив Центрального района. Высотные здания, выстроенные по оригинальным проектам, казались легкими, праздничными, будто талантливый мастер составил их из гигантских разноцветных кубиков фантастического конструктора.

Слева тянулись унылые типовые пятиэтажки старой застройки: приземистые бетонные коробки, похожие друг на друга как неказистые близнецы. Этот спальный район для рабочих городских фабрик издавна называли Фуфайкой. Кто-то метко подметил сходство: укроет от непогоды, и жить можно — человек ко всему привыкает, — но всё мрачно, серо, в дырах и заплатках. В приличное место в таком виде вряд ли пустят.

За Фуфайкой простиралось предместье: хлипкие домики в запутанных лабиринтах узких улочек, с покосившимися палисадниками и облупившимися ставнями. Казалось, по Беговой пролегла граница двух миров.

Да так оно, по сути, и было. С одной стороны удобные комфортабельные жилища обеспеченных людей с внушительными вкладами в валютных банках и номерными счетами в ви-хранилищах. Мир серьёзных денег и больших возможностей. С другой — убогое жильё и прозябание, промзона, покосившиеся лачуги предместья: пьяный бред воскресенья, тоска понедельника и беспросветная работа — как ярмо — изо дня в день, до следующего выходного.

Но сейчас несправедливость мира мало волновала Баса. На Беговой находился ближайший ви-пункт, застеклённый павильон в ярких пятнах рекламы: «Проведите купленный у нас месяц жизни на Канарах!». Бас всегда притормаживал возле глянцевого

постеров с растрёпанными ветром пальмами на фоне изумрудно-синего моря. Вот уже и видел их тысячу раз, а всё равно не мог оторвать глаз — так манила далёкая, сказочная, нездешняя жизнь. Несбыточная мечта.

Днём здесь служил всегда один и тот же оператор, улыбочивый мужичок средних лет. Имени его Бас не знал, да этого и не требовалось — мужичок встречал его всегда приветливо. Оператор давно приметил, что парень в круглых очках с толстыми линзами, курчавой шевелюрой и щекастым лицом добродушного пса всегда расплачивается казёнными жетонами службы ви-контроля. С таким человеком стоило быть приветливым.

— О, господин Лагерь! — неизменно улыбался служащий. — Вам как обычно, три единички?

— Да... — так же неизменно смущался в ответ Бас. — Жалование, знаете ли, не прибавляют...

— Но и не уменьшают! — пытался подбодрить оператор, принимая три латунных кружочка. Каждый по одной единице витакса, каждый — по двадцать четыре часа жизни.

Здоровому человеку — три лишних дня пребывания на этой грешной земле. А Себастьяну — дожить бы до завтрашнего утра. До следующего своего прихода сюда же, к этому улыбочивому мужичку.

Бас прошёл во внутреннее помещение, где располагалась ви-клеть. Внутри конструкции из блестящих металлических прутьев в руку толщиной, действительно похожей на огромную птичью клетку, помещалось кресло, до отвращения напоминавшее зубоврачебное: с высокой спинкой и мощными подлокотниками. Только вместо подголовника здесь имелась полусфера, накрывающая голову, а на подлокотниках — широкие захваты. В верхней части клетки и под креслом виднелись блины конденсаторов по полтора метра диаметром.

Оператор пропустил Баса к креслу, закрыл дверцу клетки и отошёл к пульта. Произнёс обычную формулу:

— Расслабьтесь, господин Лагерь, думайте о чём-нибудь хорошем.

Бас привычно прикрыл глаза, постарался расслабить мышцы и начал дышать глубоко и ровно.

Раздалось тихое гудение. Потом щелчок. По телу прокатилась тугая горячая волна, а под ложечкой образовался нежный тёплый шар, легкий и пушистый. Он представлялся Басу солнечным зайчиком, неведомо как попавшим под сердце. Забрался случайно, ещё миг — и чудесное существо выпрыгнет наружу, да вот понравилось, видно, и решил не уходить.

К сожалению, приятные ощущения подпитки скоротечны. Уже через секунду шарик начал рассасываться, таять, разноситься с током крови по всем уголкам организма. Зато в теле появилась сила и бодрость. И желание действовать.

— Готово! — радостно возвестил оператор.

Да, готово, можно топать на вокзал. Без подпитки выполнять служебные обязанности — нервные, полные напряжённого ожидания, часто с беготнёй и неприятными неожиданностями — было бы Басу весьма затруднительно. Потому что работу эксперта по несанкционированным переводам витакса ни один человек не посчитает спокойной и безопасной. Впрочем, экспертами их называли редко, в основном тогда, когда этого требовал официоз. А между собой и за глаза — ищейками. Да они и сами себя так звали, чего уж там...

Без четверти восемь Бас прибыл на место. В линейном отделе полиции собралась оперативная бригада: три пары, в каждой полицейский и ви-контролёр. Полицейских

эксперт знал по именам, эти ребята несут службу на линейном объекте постоянно. Контролёры же все были людьми новыми. Почему-то отдел ви-контроля предпочитал тасовать кадры, присылая на объекты каждый раз других сотрудников.

Такая тактика раздражала Себастьяна: казалось бы, постоянным составом работать легче — люди притираются, им легче взаимодействовать. В то же время, все знали о конкуренции между полицией и ви-контролем: и те, и другие норовили приписать заслуги по задержанию тягунов себе. Межведомственные дразги мало волновали эксперта, его дело учуять тягуна и сказать «фас». Вот только полицейским Бас доверял больше: крепкие и жёсткие ребята с сержантскими нашивками казались ему более надёжными партнёрами, чем пижонистые, глядевшие на всех свысока контролёры.

Начальник линейного отдела привычно проводил инструктаж.

— Работаем обычную схему, господа. Первая пара контролирует вокзальные помещения. Кассы, кафе, камеры хранения, ну сами знаете, не первый раз... Вторая — за вами перрон. Третья — территория перед вокзалом, стоянка такси и автобусная станция. Все на связи с экспертом. В случае появления объекта вышлю усиление. С богом, господа...

Группа двинулись на выход. Бас пожимал руки знакомым, кивал новым людям. Контролёры на ходу настраивали сканеры, похожие на короткие толстые жезлы. Сейчас все разойдутся по маршрутам, начнут контролировать свои зоны ответственности. Эксперту же предстояла своя, особая часть работы — свободный поиск. Почувствовать, уловить в вокзальной сутолоке тягуна, опознать его в конкретном человеке и указать ближней паре.

Другого занятия, кроме как быть ищейкой, Себастьян себе не мыслил. После того как исследования биополя привели к обнаружению витакса — уникальной составляющей, напрямую связанной со здоровьем и долголетием человека, ви-технологии начали развиваться стремительно. Даже деньги, извечное мерило человеческого преуспевания, проигрывали порой этому новому допуску в мир избранных.

Достаточно быстро учёные разработали установку, позволяющую забирать из поля, — или вливать в него — определённое количество животворящей энергии. На глазах появлялись и множились ви-пункты, где любой мог обменять кусочек своей жизни на звонкую монету, или наоборот, купить несколько дополнительных дней, месяцев, а если есть деньги, то и лет пребывания под солнцем.

Однако быстро обнаружилось одно «но»: если сброс витакса удавалось проводить без ограничений, то обратный процесс имел предел, регулируемый некими, не изученными пока законами природы. Закачать в поле энергии сразу на тысячу лет оказалось невозможным, но ничто не мешало удлинить жизнь регулярными подпитками в небольших дозах. Поэтому как грибы после дождя стали появляться ви-банки: гигантские хранилища витакса. Так рождался мир бессмертных: обладателей огромных запасов чужой жизни.

Вот только если можно купить, то можно и украсть.

Криминальный мир быстро сориентировался в изменившейся обстановке. Вокруг витакса крутились и мелкие перекупщики, и мошенники всех мастей, и нечистые на руку операторы ви-пунктов, сливающие новую валюту по подложным документам прямо в портативные конденсаторы. Вплоть до крупных теневых дельцов, владельцев собственных незарегистрированных ви-клетей и огромных резервуаров ворованного витакса. И всеми этими беспокойными ребятами занимался отдел ви-контроля совместно с полицией, но Бас охотился за другими.

Слив и забор витакса требует сложной и дорогостоящей аппаратуры, но существовала

особая воровская каста. Как появились эти уникальные воры, сегодня сказать трудно. Где-нибудь в полицейских архивах наверняка лежат документы, запечатлевшие хронику зарождения и развития феномена тягунов, но Бас к архивам доступа не имел. Да и вопрос — обладают тягуны своими необычайными способностями от природы, или появились они как раз в результате игр человечества с собственным биополем? — его не слишком занимал. Для эксперта было важно другое.

Некто имеет возможность залезть в поле человека, словно в чужой карман. Без спросу, без разрешения и согласия. И аппаратура этому затейнику не нужна: как и карманник, он действует руками. Или чем-то ещё, что заменяет ему в столь деликатной сфере ловкие пальчики. Влезает и тянет, сколько сможет — несколько единиц, или десятков единиц, — а потом «заглатывает», вбрасывает в своё поле. И уходит незаметно, исчезает...

Вот таких воров и выслеживал Себастьян. Выслеживал и сдавал контролёрам. Потому что карманников ловили во все времена и били нещадно.

Бас прошёл через зал ожидания, мимо касс, вышел на перрон и смешался с толпой ожидающих электричку пассажиров. Вдохнул полной грудью прохладный воздух с запахом креозота и сгоревшей солянки. В Семигорске наступала осень. Небо с утра затянуло тучами — сырыми, серыми, переполненными влагой. Вот-вот собирались они, эти тучи, разразиться затяжным и скучным дождём, холодным и безнадежным.

Бас прикрыл глаза и увидел словно наяву: пальмы с растрёпанными ветром причёсками над лазурным морем. «Проведите купленный у нас месяц жизни на Канарах!» Ах, как всё это было шикарно и недостижимо!..

В это время толпа двинулась к платформе, уплотняясь и закручиваясь водоворотами из человеческих тел. Баса толкнули с правого бока, задели каким-то баулом слева, пихнули в спину. Видение развеивалось, как принятый в клетки витакс, оставляя чувство потери и сожаления. А потом кто-то гаркнул над ухом: «Ну, что стоишь столбом!» — и картинка заветного парадиза упорхнула испуганной птицей.

Разноголосый гомон толпы сливался в сплошной монотонный гул, но вскоре все эти привычные звуки перрона накрыл резкий и протяжный гудок электровоза. Себастьян, влекомый потоком людских тел, подался к платформе. Из-за поворота выползала змея электрички — серое, членистое, длинное тело. Гудок прорезал стылый воздух ещё раз, и будто услышав команду, полил дождь: сразу и сильно, словно в небе включили на полную мощность фантастический душ.

Вик заметил девушку, как только та вошла в вагон, и сейчас старался на неё не смотреть. Это была удача. Третий час он колесил по маршруту, меняя электрички. То удалялся от города, то возвращался, а то и вовсе трясся по перегонам кольцевой ветки. Поезд нырял между холмами, рассекал унылое пространство между неказистыми одноэтажными домиками предместья, но результат оставался прежним — объекта не находилось.

Надо сказать, что время Вик выбрал неудачно. Известно, работать в электричках хорошо к вечеру или в субботний день. Молодёжь едет в город — на дискотеки, в кафе и бары. Все возбуждены в предвкушении развлечений, разогреты общением, и скандал запустить в такой атмосфере несложно. Только тронь кого — взорвётся как петарда! И девчонок полно, а с девушками работать легче.

И не то, чтобы Вик не знал особенностей пригородных электричек, их ритмов и дыхания. Он давно изучил, кого и где втягивают поезда в своё чрево, в какое время и в какой точке пространства выплёвывают. Но так сложились обстоятельства — деньги потребовались срочно.

Да и когда они были лишними, деньги-то? Выходные и праздники, они ведь не каждый день, а кушать хочется всегда. Он, Виктор Сухов — профессиональный тягун, для него охота за витайсом есть добывание хлеба насущного. Тут ещё задолжал, и долг требовалось срочно вернуть... В общем, пошёл во внеурочное время и на не слишком жирное пастбище. Настоящий профессионал должен уметь работать в любых условиях.

С другой стороны, что ещё придумаешь вот так — без подготовки, с колёс. Супермаркеты, рынок, распродажи — всё это поляны знакомые, много раз возделанные, но и опаснее они многократно. Сейчас в каждом уважающем себя крупном магазине собственный штатный эксперт. Это в полицию идут служить единицы, а у коммерсантов ищек хватает. И ни одна крупная распродажа без них не обходится. А за углом — полицей с контролёром. Стоп, господин хороший, браслет к досмотру. А теперь, будьте любезны, общее сканирование. Ого! — двадцать единиц незарегистрированного витайса?! Ну, ты парень хват! Пройдёмте, господин хороший, для выяснения — и хана...

Всякие там массовые тусовки — спортивные матчи, концерты, празднования — та же песня. Здесь снимать витайс, конечно, одно удовольствие. Общий настрой толпы такой, что и расшатывать поле особенно не надо, жизненная сила готова пролиться от малейшего прикосновения. Однако, во-первых, и там контролёров достаточно, а во-вторых, — и это главное, — попробуй в таких условиях ухватить оптимальную дозу!

Несанкционированный съём штука капризная. Одно дело ви-клеть, настроенная на клиента. С резонатором биополя, контролем напряжения и страхующим блокиратором на случай избыточного оттока. И совсем другое — «дикий» съём на глазок, без всякой подготовки. Тут нужна сноровка и тонкое чувство клиента. Можно хватануть столько, что донор грохнется наземь от резкой деформации поля и прямо на глазах начнёт помирать. Этого тягуну совсем не нужно. Никаких скандалов и неожиданных смертей, только так — тихо, мирно, незаметно. Снял — ушёл.

И второе, сам тягун может не унести большую дозу. Это как взвалить на плечи обычного человека, — не профессионального грузчика, не спортсмена — ну, скажем, пару мешков

цемента. И заставить его при этом взбираться в гору. Не каждый на такое способен, тут и сердце может не выдержать.

Поэтому к подобным акциям опытный вор готовится заранее. Рассчитывает маршрут, время, прикидывает усилие. Чтобы съём был молниеносным, как удар ножа! Наскок — захват — бегство. Всё. Опять же, нужно заранее выбрать точку сброса витакса на конденсатор, договориться с приёмщиком. Нюансов здесь много, и каждый нужно учитывать. Вик, тягун опытный, всю эту азбуку прошёл давно, сдавая зачёты по профессии потом и кровью. Порой, за успешно проведённую операцию вполне могли навесить орден, привинтив его через грудь.

Оставались ещё дети. Их поле полностью незащищено перед вмешательством, и находились пауки, высидывающие добычу у школ и детских садов. Таких Вик презирал, и сам у детей не тянул никогда. Принципиально. Вот и получается, что в электричке ему сейчас сподручней. Улов здесь меньше, но и обстановка для работы спокойнее. И гарантия уйти целым — если вообще можно говорить о каких-либо гарантиях в этом деле — немножко больше.

Тягун ещё раз оценил объект. Вскользь, лишь мазнул взглядом, чтоб не потревожить раньше времени. Девушка что надо — симпатичная, личико свеженькое, лет, наверное, около двадцати. Но главное — бойкая. На окружающих смотрит с вызовом, глаза бесстыжие. Одним словом — современная раскованная девушка. Вот и хорошо. У таких оттягивать — одно удовольствие! Поле у них постоянно напряжено, за счёт собственных, так сказать, усилий. Подтолкни немножко — и потечёт. А из этой чертовки аж брызжет жизненная энергия!

Искусству поиска объекта тягуны учатся в первую очередь, и здесь есть некоторые особенности. Во-первых, у женщин тянуть легче, чем у мужчин, это знают даже начинающие. Женщины более эмоциональны, открыты. Бывают, конечно, исключения, но они-то как раз и подтверждают правило.

Да, барышни живут чувствами, ахами, вздохами — переживаниями, а это всё нестабильность поля. Не всегда слабость его, отнюдь, но изменчивость, подвижность, текучесть — обязательно. А что ещё нужно тягуну, как не перетекание?

Во-вторых, и женщины подходят не всякие. Скромницы, забитые серые мышки зажаты и скованы: в поведении, общении, в привычках и манерах. И поле заперто, будто навесили тяжёлый амбарный замок. Попробуй, подбери ключик — сто потов сойдёт!

Зрелые дамы слишком уверены в себе и одновременно осторожны. В транспорте с первым встречным не знакомятся, цену себе знают и вот так запросто не раскрываются. И помнят о тягачестве, поэтому с незнакомыми мужчинами разговаривать опасаются вдвойне. Бывало, конечно, и таких взламывали, и оттягивали положенную дозу витакса как «здрасьте», но сегодня рисковать не хотелось. Нужно долг отдать.

С объектом Вик определился, но и основ мастерства никто не отменял. Для полноценного тяга нужна атмосфера, и более всего подходит для этого ссора, скандал, вагонная свара. Лучше с матом и прихватыванием друг друга за грудки.

Сейчас вагон заполняли в большинстве своём мужчины: рабочие с фабрики, отстоявшие дневную смену. У всех одинаковые дешёвые куртки, одинаковые изношенные джинсы, одинаковые потёртые физиономии. И одна на всех угрюмая тоска. Доберутся до Фуфайки, осядут в недорогих забегаловках и напьются копеечного пойла до зелёных чертей. А завтра снова на работу...

Ссору, конечно, можно затеять и здесь. Мужики в состоянии глухого раздражения, вспыхнут как свечи, но предприятие может оказаться себе дороже. Примутся сообща морду бить, тут не до витакса станет.

Тут и там по вагону попадались коренные обитатели предместья, собравшиеся в город по каким-то своим надобностям. В основном тоже мужики, но имелось и несколько пожилых женщин в старенькой простой одежде. Ехали молча, с угрюмыми усталыми лицами. Ни дорожных разговоров, ни обсуждений. Хоть бы мэра поругали сообща, что ли. Благо, повод всегда найдётся. Но нет...

Девушка стояла в проходе. А чуть ближе по ходу движения восседал благообразный мужчина в приличном пальто и шляпе. Краснолицый, с седыми висками, на крупном носу и круглых щеках сеточка сосудов. Ясно — гипертоник и любитель пива по вечерам. С некоторым достатком и высоким самомнением. Такие обычно заводятся с пол-оборота.

— Девушка, девушка!.. — Вик нахально полез через толпу пассажиров. Сзади зашикали, но это тоже было на руку. Пусть всё произойдёт в обстановке лёгкого общественного резонанса.

Биополе шлука тонкая. И чуткая. Если окружающие люди возбуждены, если они в эмоциональном напряжении, поле жертвы тоже теряет устойчивость, становится более подверженным воздействиям извне. Каким бы крепким орешком ты ни был, но когда вокруг скандал, или, к примеру, паника — ты уязвим.

Тягуны это отлично знают, и Вик частенько замечал намётанным взглядом: если где-то вспыхнула заварушка, заговорили на повышенных тонах, загомонили, то приглядевшись, можно различить рядом с участниками действия невзрачного гражданина неброской наружности.

Он скромно стоит чуть в стороне, стараясь не глазеть на возбуждённых сограждан. По лицу видно, что скандал ему крайне неприятен, может быть даже, он испытывает чувство стыда за соотечественников. За их покрасневшие лица, распяленные в крике, брызжущие слюной рты, за вцепившуюся в чужой ворот пятерню. Но и не уходит он, такой вот скромный и интеллигентный. Не бежит, сломя голову, от ругани и чужого хамства, а наоборот, жмётся к спорщикам поближе. И снимает витакс.

Вику сейчас было нужно именно это.

— Девушка! — под возмущённый ропот пассажиров он наконец-то пробрался к объекту. — Это не вы обронили?..

Он обозначил движение рукой с зажатой женской перчаткой, и тут же всем своим весом стал на ногу благообразному.

Брови девицы взлетели кверху, даже рука слегка потянулась, но перчатка, не имевшая к ней, конечно же, никакого отношения, осталась в кулаке тягуна. А вот мужик буквально взвился:

— Ах, чтоб тебя!.. Ты что, ослеп?! Куда ноги ставишь, олух, хоть смотри!..

— Ладно-ладно, папаша, — Вик придал интонации по возможности больше развязности, — не сердчай... И это, не голоси так, я ж тебя не раздавил.

— Не раздавил?! — мужик чуть не подскочил от такой наглости. — Да ты мне ногу мало что не оторвал!..

Ситуация развивалась согласно плана. Девушка чуть отстранилась, и брезгливо изогнув чувственные губки, постреливала глазками на спорщиков. Пока она считает себя непричастной, а нужно сделать из неё союзницу. Чувство соперничества открывает поле

как ничто другое.

— Ты же сидишь, дед!.. — ещё подзавёл Вик гипертоника. — С комфортом, в мягком кресле! Тебе бы ещё и вагон пустой, да? Чтоб никто к тебе не прикоснулся?

— Какой «прикоснулся»! — не унимался мужчина, явно среагировав на обидное «дед». — Ты по мне топчешься как стадо коров!.. Хоть под ноги смотри!

— Вот все они, старики, такие! — Теперь Вик апеллировал к девице. Приглашал её как бы разделить с ним справедливое негодование. — Всё им плохо! Везде первые, везде им дорогу уступи, всегда уважение окажи... Чуть зазевался, не заметил дедушку — и вот ты уже хам, сволочь и грубиян!

Девушка произвольно кивнула. Ещё бы — с таким самомнением, ярко выписанным на смазливом личике, она наверняка рассуждала так же. Искренне считала, что дорогу должны уступать ей. И лучшее место в вагоне тоже. И не только в вагоне. А то ведь за этим старичьём не протолкнёшься! Вот так станут на дороге затором, непреодолимой преградой, и можно не успеть, опоздать, не дай бог, к кормушке под названием «жизнь».

— Это вы, молодёжь, распоясались!.. — голосил благообразный. — Прёшь не глядя, по головам! Будь ваша воля, вы б всех нас, пожилых, в мешок — и в яму! Чтоб жить не мешали!..

— Да уж, вас в мешок засунешь, пожалуй! — зло выплюнула в ответ девица. — Сами кого угодно...

Ну вот, вмешалась, влезла в интеллигентное общение, теперь затянет. Коготок увяз, всей птичке...

Мужик тем временем распалялся всё больше. Кто-то из толпы поддакнул, кто-то из женщин запричитал, девушка огрызнулась, но Вик уже не слушал. Теперь скандал будет раскручиваться по своим законам, втягивая в орбиту всё новых участников. Тягун сосредоточился на объекте. Но не на лице, не на выражении глаз или произносимых словах.

Он увидел девушку как бы через мутное стекло. Контур, окружённый розоватым размытым ореолом. Ореол этот подрагивал, зыбился, медленно перетекал сверху вниз. Вику казалось, что он может потрогать поле рукой. Но это, конечно, иллюзия, а вот лиловый всплеск станет сейчас реальностью.

И он слегка подтолкнул. Будто всё же коснулся едва заметно, но не рукой, а чем-то иным, чему и сам не смог бы подобрать названия. Может мыслью, может чувством... А может, желанием вытянуть витакс. И всплеск не заставил себя ждать — сиреневый язычок, будто колыхнулось пламя свечи под порывом сквозняка.

Правая рука ещё сжимала комочек перчатки, носимой как раз для таких случаев, но левая сделала произвольно хватательное движение. Никому не заметное, только под ложечкой вдруг что-то тяжело охнуло, ёкнуло, защемило горячо и сладко... Оп-па-на-а! — единиц десять, не меньше! Ноги слегка подогнулись, и Вик еле сдержался, чтобы не застонать от наслаждения. Во время приёма он испытывал почти оргастическое чувство. Задержал дыхание, сглотнул, ухватился за поручень, но принятый витакс уже утрамбовывался внутри него сообразно своим каким-то, неведомым законам. Укладывался, притирался, занимал в поле Вика необходимое положение и объём. И вот уместился, наконец. И затих. Осталась только лёгкая слабость в теле, и воспоминание о пережитом кратком миге восторга.

А вагонная ссора набирала обороты. Пассажиры неразборчиво гомонили, никто не заметил его кратковременного замешательства, бледности и вздоха-всхлипа. Вик уже настроился, было, дать дёру, когда почувствовал, что гипертоник тоже готов разродиться.

Вор застыл. Снимать выплеск у мужчин много труднее, и дело не только в особенностях психики. Поле другое, выброс не такой яркий. Ощущение, что собираешь витакс пригоршнями, а он утекает меж пальцев...

Но главное — он только что снял! Он сейчас как таракан беременный полон этой странной, эфемерной, летучей субстанцией. Одна единица которой содержит тысячу четыреста сорок минут, или двадцать четыре часа — сутки чужой жизни. Один день движения, дыхания и сердцебиения. Шестнадцать часов восторга и злости, удовольствий и унылого труда, покорности и ярости. И восемь часов сна, покоя, забвения.

Но кто ж откажется, когда оно само в руки плывёт?!

В скандале уже участвовали две пожилые тётки, мужчина средних лет, похожий на инженера, работяга и, конечно, красномордый с девицей. Перебранка шла яростная, с обвинениями во всех смертных грехах. Слышалось и «проститутка», и «старый козёл», и «ворона облезлая!» и много чего ещё неслось по вагону.

Уровень злости и раздражения краснолицего дошёл до того предела, когда и подтолкнуть-то не пришлось. Вик немного выждал, чуть коснулся, и — хлоп! — отчётливо уловил сиреневый всплеск. Снято! И упаковано... Или не поместилось? На миг ему показалось, что чужой витакс стал где-то между горлом и грудью, стал поперёк, перекрыв ток кислорода в лёгкие.

Показалось, сейчас его разорвёт, как осколочную гранату — липкими кровавыми клочьями плоти по стенкам вагона...

Или придавит к полу многотонной тяжестью — ни встать, ни пошевелиться, ни заплакать.

Но устоял. Проглотил — удержал — усвоил. Выпрямился.

Пора, однако, делать ноги.

— Господа! — слабым голосом пробормотал он. — Господа, что-то мне дурно... Ох, кажется, я что-то не то съел...

С этими словами вор двинулся к выходу. Пошатываясь. Прилёг всем телом на одного пассажира, безвольно провалился между двумя другими, третий учтиво уступил место сам — испугался, что Вик сейчас сблюёт на его приличный плащ. Оказался у двери, вцепился в поручень.

И перевёл дух.

В это время электровоз протяжно загудел: приближался вокзал. Как по нотам — именно к выходу из поезда тягун и подгадывал окончание съёма. Второй гудок, и за окном хлынул дождь. Как по команде.

Наплывали вокзальные постройки, приближался перрон. Предстояла самая тонкая и опасная часть охоты — бег с добычей в зубах.

Дождь оглушил Баса. Такое с ним случалось: порой он терял ориентацию, путался в пространстве. Левое становилось правым, правое — левым. Очки в таких случаях отчаянно потели и только мешали. Случалось это нечасто, необязательно в дождь, и проходило быстро, само собой, но на какой-то краткий промежуток времени Бас становился беспомощным, словно слепой котёнок.

Вот только работе это не мешало. Потому что тягунов эксперт чувствовал нутром. Какая-то тонкая ниточка — струнка, жилка, как лучше сказать-то? — натягивалась вдруг внутри и начинала вибрировать и зудеть под ложечкой, отдаваясь серебристым звоном в ушах. Отзывалась мелкой дрожью в пальцах рук. И чем ближе подходил тягун, тем ощущения эти становились ярче.

И сейчас, хлынувшая навстречу толпа людей принесла эту дрожь и этот звон, да такой, что Бас вмиг очутился на грани обморока. Такое случалось, если рядом находился «сытый» тягун — вор, совсем недавно снявший жизненную силу с объекта. Чужой витакс, схваченный впопыхах, без подготовки, по структуре своей оставался ему чужеродным. Он не усваивался полем полностью, требовал своеобразного переваривания, и уходило на это до двух часов времени.

Но именно в этом и состоял расчёт. Тягун за этот срок должен добраться до конденсатора у подпольного перекупщика. Те платят полцены, но за ворованное всегда давали меньше. Контролёры же, с подачи Баса, будут стремиться взять вора на горячем: разница показаний браслета (счётчика собственного, «природного» витакса) и сканера, улавливающего общее поле в данный момент времени, покажет свежий съём. Такой витакс с полным основанием можно считать «левым», потому что ви-клеть не только адаптирует приём, вводит витакс сразу в поле, но ещё и оставляет на браслете отметку о произведённой операции. Количество, время, источник — как положено.

Однако до браслетов и сканеров нужно ещё дожить. Для начала необходимо увидеть тягуна, точно его идентифицировать, и вот как раз с этим у Баса сейчас появилось затруднение. Отъезжающие пассажиры обступили выход из вагона, оставив лишь небольшой коридор. Покидающие электричку, в свою очередь, плотной группой проскакивали перед Басом без задержек. Да ещё эта пространственная слепота — хоть и краткая, но мешавшая схватить облик, запечатлеть вид того, кто проносит мимо ворованные дни чужой жизни.

И уже совсем не мог предположить эксперт, что тягун потащит такой груз. Появление вора больше походило на взрыв: будто из распахнувшейся двери электрички ударило горячей плотной волной. Какие там звон и дрожь — у Баса в миг перехватило дыхание и подогнулись ноги! Он мог бы упасть, благо толпа не позволила — чужие плечи и спины подпирали со всех сторон. А мимо скользили силуэты людей, сливаясь в неразличимую пёструю ленту.

Пока Бас приходил в себя, выравнивал дыхание, поток приезжих иссяк, и в проход ринулись отъезжающие, чуть не затянув его с собой в вагон. Эксперт отбил, вырвался, но те, которых нужно было разглядеть, «обнюхать» уже рассыпались по перрону, растворились в вечной вокзальной суете. Бас протирал очки, растерянно крутил головой — тягун только что прошёл мимо него и пронёс крупный куш. Судя по ощущениям — двойной куш, как минимум. Это говорило кое-что о его способностях. И о его опасности.

Только опытный, матёрый вор мог взять такую дозу и тащить её до логова. А такого не вычислишь по чуть растерянному и натужному выражению лица, какое бывает у начинающих воришек, по шаткой походке и лёгкой заторможенности. Бас легко отличал новичков по общему виду — насмотрелся. Этот же прошёл мимо — бодро, резво, без внешних признаков напряжения, и с почти двойным грузом за пазухой.

— Второй, ответь, — крикнул Бас в рацию, озираясь вокруг. На этот позывной откликнулась пара, контролирующая перрон.

— Слушаю, эксперт, — откликнулся динамик.

— Объект вышел из электрички. Сейчас где-то на перроне. Класс тяга четвёртый... Если не пятый. Передайте первому и третьему — всем быть наготове. И вызывайте усиление, нужно отрезать его от стоянки такси. Я продолжаю локацию...

— Принято. Мы на подхвате, эксперт. Только укажи пальчиком.

Бас отходил к зданию вокзала. Вряд ли преступник будет торчать на перроне, ему нужно срочно уходить. То, что их пасут на выходе из поездов, тягуны знают отлично. И прощек тоже знают, больше того, — частенько чувствуют эксперта в работе. Существует даже теория, что эксперты, это те же тягуны, только несостоявшиеся. Чуть-чуть не хватило способностей, не одарила природа какой-то капелькой этого удивительного таланта — и вот сам человек тянуть не может, но чувствует на расстоянии того, кто этим занимается.

Поэтому нужно было отойти в сторонку, туда, где потише, и сосредоточиться. Почувствовать тягуна, увидеть направление его движения. Тогда начнётся гон. Бас нырнул за ларёк, торгующий всякой мелочью. Стал лицом к стене, прикрыл глаза...

— Слышь, мужик, — толкнул кто-то в плечо. — Давай вмажем, а? Одному запахло, а душа горит.

Обернулся — пропитая рожа с многодневной щетиной, мешки под глазами, устойчивый запах перегара.

— Пшёл вон! — зло выплюнул Бас.

Мужик опешил. Чуть отступил, прижимая к груди бутылку. От рыхловатого, совершенного безобидного на вид паренька он такого отпора явно не ожидал.

— Ты чё?.. — протянул мужик ещё удивлённо, но уже и с ноткой угрозы.

— Я те дам щас «чё»! — Бас сунул удостоверение эксперта прямо под сизый нос любителя выпить. — Ви-контроль! Браслет к досмотру!

Мужик отпрянул:

— Начальник, да я чё? Я просто...

— Пшёл вон! — остервенело каркнул Бас и мужик испарился.

Чёрт, да что сегодня за день такой... То одно, то другое. Ещё этот клятый дождь! Сложись всё чуть-чуть иначе, он дышал бы уже тягуну в затылок, уже вёл бы его на визуальном контакте. А так...

Дождь действительно лил как из ведра. Куртка пропиталась влагой, сырость уже чувствовалась на плечах и под мышками. С козырька кепки текло ручьём.

Бас привалился к глухой стенке ларька. Сосредоточился, прислушался к себе — тягун был в здании вокзала. Спроси его сейчас, как он это определил — не ответил бы. Сам не понимал, почему и как это происходит, но чувствовал, точно знал — парень в здании: выжидает, оглядывается. Он тоже наверняка чувствует ищейку. И патрули, конечно, уже заметил. И придётся ему идти на прорыв — к стоянке автобуса или такси. Но там должна разворачиваться уже группа усиления — контролёры со сканерами повышенной

чувствительности.

Эти железки определяют дозу «зависшего» витакса на раз. И носителя укажут, потому что вокруг будет фон из формалов — людей с гармоничным полем, выполняющих все формальные правила обращения витакса.

И тогда капкан захлопнется.

— Всем патрулям — в здание! — Бас вылез из-за ларька. — Он там, в правом крыле — или около касс, или в буфете!

Припустил и сам неуклюжей рысью к серому двухэтажному зданию вокзала. Бежал, шлёпая по лужам, без церемоний расталкивая опаздывающих на электричку людей. Ту самую, на которой приехал преступник. Поезд вот-вот тронется, и запоздалые пассажиры вприпрыжку устремлялись к посадочной площадке.

Бас спешил, как мог. Эх, кабы не сердце! Знал, ему только кажется, что он бежит, а со стороны видно — плетётся. Полицейский с контролёром, что прочёсывали перрон, появились откуда-то слева и резво заскочили в двустворчатую дверь вокзала. Бас направлялся туда же, остальные патрульные уже должны быть там. Эксперт задыхался, даже принятого утром витакса было уже недостаточно.

Оставалось с десятков метров. Только б дотянуть! Внутри-то он быстро локализует тягуна, укажет его патрулю и всё — можно будет расслабиться. Присесть, отдышаться, даже заказать кофе в буфете. Обжигающий напиток в такую промозглую холодину — что может быть лучше!

«С первого пути отправляется электровоз по маршруту...» — забубнил казённый голос оповещения...

А через секунду вокзальная дверь распахнулась, словно от удара. Прямо навстречу вылетел человек. Именно вылетел, по-другому и не скажешь: будто запущенный баллистой снаряд! Наклонив голову так, что и лица не рассмотреть, чуть сгорбившись, он ринулся к перрону. И тут же задрожала заветная струна под ложечкой, в ушах серебряно звякнули колокольцы.

— Стой! — выдохнул Бас. Растопырив руки, будто хотел поймать беглеца в объятия, он двинулся навстречу. Пытался заступить дорогу, хотя ноги уже сбивались с шага — полусогнутые, они ещё несли Баса, но готовы были отказать в любой момент. — Стой! Отдел ви-контр...

Не снижая скорости, человек легко, будто играючи сбил его плечом. Бас с размаху полетел в лужу, поднимая фонтан брызг. Очки отлетели в одну сторону, рация — в другую. Эксперт заворочался в ледяной жиже, словно жук, перевёрнутый брюхом кверху. Руками он лихорадочно шлёпал вокруг в поисках очков и рации.

С трудом перевернулся, стал на колени. Нашёл очки! Наскоро обтёр, водрузил на нос, продолжая разгребать жидкую грязь в поисках рации — есть! Водонепроницаемый чехол позволял прибору работать даже в таких условиях.

Оглянулся — чёрт, уходит! — беглец достиг перрона и с ходу запрыгнул в электричку. Тут же двери схлопнулись, щелкнув уплотнителями. Гудок прорезал пелену дождя, стылое пространство над вокзалом и путями, будто крикнула улетающая птица. И поезд тронулся, застучал колёсами, прогудел ещё раз на прощание...

Себастьян поднялся. Его шатало. Стоя по щиколотку в луже, — вода лилась с одежды ручьём, — преодолевая себя, просипел в микрофон:

— Он ушёл! Запрыгнул в электричку и двинул обратным маршрутом! Сообщите

начальнику отдела — срочно нужна машина!

Да, нестандартный попался парень! Где это видано, чтоб тягун рванул не в город, а из города?! С изрядной дозой витакса за пазухой! А то, что доза была неслабой, говорил весь его опыт, все его чувства вопили — этот чёртов тягун скачет зайцем с парой мешков картошки на плечах!

И разглядеть-то его толком не успел: молодой, судя по живости характера. Тёмная куртка с капюшоном, джинсы. Лица не разглядел совсем. Высокий, хоть и сутулился на бегу, жилистый. Хорошая лёгкая фигура, Себастьян даже позавидовал слегка — ему б такую! И вроде даже что-то знакомое показалось в движениях... Померещилось, наверное...

Далеко вору, конечно, не уйти. Краденный витакс, — несбалансированный, несовместимы с полем, требует сброса, требует конденсатора! А ви-клетки — не павильоны с пивом в розлив, на каждом углу не стоят. Тем более подпольные. Значит, что? — значит, далеко он не поедет, всё равно будет стремиться в город.

— Машину! Срочно дайте машину, пропади оно всё пропадом! — орал Бас в рацию.

— Есть! — откликнулся динамик. — На привокзальной площади, около стоянки такси.

Эксперт припустил из последних сил. Проскочил здание вокзала насквозь, выскочил на площадь. Сбоку от жёлтых машин с шашечками на бортах прижался тёмно-синий фургон с полицейской эмблемой. Рядом топтались патрульные, кажется из третьей пары, той, что контролировала прилегающую к вокзалу территорию.

— Едем! — просипел Бас, задыхаясь, втискивая слабеющее тело в фургон. — Дорога, что рядом с путями!..

Патрульные запрыгнули следом. Фургон, взрыкнув двигателем, тронулся, начал разворачиваться. В окно Бас увидел, как невдалеке мнутя сотрудники усиления, с длинными, похожими на дубинки сканерами в руках. Толку от них теперь мало, а вот ещё одна патрульная пара не помешала бы.

— Отпустите группу усиления, — обернулся Бас к полицейскому, с трудом переводя дыхание. — И где остальные патрули?

— А хрен их знает, — зло отозвался тот, доставая рацию. Звали его, кажется, Петром. Себастьяну уже приходилось работать с ним раньше. Нормальный парень. — Контролёры чудят, проверяют кого-то...

Он зыркнул на своего партнёра, тот сидел с независимым видом.

— Оба? — удивился Бас.

— А кто им указ? — огрызнулся кажется Пётр.

— У нас инструкция, — спокойным голосом проговорил контролёр. — Если во время проведения операции появляются подозрительные объекты, мы обязаны их досмотреть.

— Чёрт с ними, — отвернулся Бас. И подвинулся к пожилому водителю: — Гони, батя! Нужно поспеть за этой электричкой. Тягун далеко не поедет. И включай печку на полную, промок и промёрз я до костей...

Это ж надо было случиться такому невезению — сразу же на выходе нарваться на ищейку!

Двигаясь в плотном людском потоке, Вик не разглядывал стеной стоявших слева и справа пассажиров. Наоборот, он привычно сгорбился, натянул пониже капюшон куртки и смотрел себе под ноги. Но острый укол под ложечкой, там, где тугим шаром висел чужой витакс, спутать не мог ни с чем.

Ловчий был где-то рядом, очень близко. Опасно близко. Недоделанный тягун, обделённый, убогий человечиска, ставший цепным псом полицаев — ищейка, вынюхивающая честного вора. Хорошо хоть, встречаются они столь же нечасто, как и сами тягуны.

Природа распределила нас поровну, считал Вик, дав одним странный талант тащить прямо из поля, а вторым — редкую способность чувствовать первых. Только поэтому и живо тягачество — не напасть ищек на все вокзалы, супермаркеты и кинотеатры.

Но вот сегодня не повезло. Его унюхали сразу, и он это знал.

С толпой приезжих вор прошёл на перрон. Впереди маячило двухэтажное здание вокзала с часами на башенке. Вик собирался обогнуть его и выйти прямо к стоянке такси. Просачиваясь между снующими пассажирами, которых на перроне становилось всё меньше, лавируя в людском потоке, он забирал по плавной дуге вправо. Намеревался проскочить в узкий проход между вокзалом и шеренгой ларьков, торговавших всякой всячиной.

Мельком отметил, как за ларьки протопал смешной парень в мокрой насквозь куртке и круглых запотевших очках. Парень нахохлился под дождём, скукожился, — да льёт как из ведра! — и на миг почудилось что-то смутно знакомое — то ли в фигуре, то ли в очках... Но за ним след в след направлялся замызганный мужик с бутылкой, торчавшей из кармана. Эх, мне бы ваши заботы, ханурики!..

Вик был почти у цели, когда в нешироком пространстве прохода неожиданно материализовался патруль. Двое, как обычно — полицай и контролёр с жезлом. Напряжённые, всматривающиеся в залитый дождём перрон, ищущие — перекрыли путь отхода.

Ясно, эксперт уже сообщил своим. Теперь те только и ждут, когда им укажут объект и крикнут «ату»: немедленно вцепятся мёртвой хваткой. Не сбавляя шага, с прежним выражением лица Вик круто поменял направление и зашагал к вокзальным постройкам — сознательно устремился туда, где больше людей, где сутолока и человеческая круговерть не прекращаются круглые сутки.

Проскочил в двустворчатую, хлопающую дверь. Оказался в центральном зале — здесь навстречу друг другу двигались люди. Два потока закручивалась водоворотом: мелькали мокрые лица, шляпы и кепки входящих, чёрные зонты схлопывались, будто умирали некие сказочные животные. Другие, с ещё сухими плечами и спинами, уходили в распахнутый зев выхода, в дождь. Укрыться здесь было немыслимо, слишком подвижной и текучей была эта изменчивая среда.

Вик метнулся в правое крыло, к кассам и буфету. Здесь ему показалось безопаснее: скука ожидания и беспредметный трёп за рюмкой водки, тоска очередей, дремлющие на

чемоданах бедолаги, чьи поезда задерживались. Здесь затеряться было легче.

Но в следующее мгновение одёрнул себя — не глупи, Вик. Если ты уловил присутствие ищейки, — событие, вообще-то, нечастое, — то уж ищейка чувствует тебя постоянно. Ни спрятаться, ни переждать не получится.

Он прошёл за кассы, в закуток, к пыльному, давно не мытому окну, и в подтверждение своих мыслей увидел группу мужчин у стоянки такси. В дождевиках и с длинными, похожими уже не на жезлы, а на дубинки сканерами. Всё, отрезают выход в город. Нужно было что-то предпринимать. Под желудком тяжело ворохнулся ворованный витакс.

И будто знобкая, холодная волна прокатилась по спине. Вор выглянул: тем же путём, который он только что прошёл, — от выхода на перрон к кассам, — двигался патруль. А сверху, со второго этажа спускался другой — точно такая же пара. И третий, как известно, снаружи. И цепь контролёров на стоянке такси.

Первый патруль приближался. Полицай спросил документы у невзрачного мужичка, тот был без багажа. Правильно, знает служивый, что тягуны путешествуют налегке, вот и заинтересовался. Контролёр стоял рядом, помахивая жезлом. Всё это происходило у дальнего окошка касс, а от ближнего отвалила компания галдящих, передающих друг другу билеты студентов. С рюкзаками и большими сумками, молодёжь явно выезжала куда-то за город. В такую-то погоду, невольно подумал Вик, но в молодости всё нипочём...

Под прикрытием студентов Вик начал отходить. Краем глаза следил за вторым патрулём. Те, спустившись в зал, двинули к буфету. Как по нотам, с горечью подумал тягун. Всё здесь простреливается, всё видно насквозь. Оставался один путь — обратно на перрон. И что там? Куда потом деваться?

Но события не оставляли времени для раздумий. Он уже попал в клещи двух патрулей. Сейчас появится ищейка, и хана. И Вик двинулся к выходу, ещё не зная, что сделает дальше.

«С первого пути отправляется электровоз по маршруту...» — гнусаво забубнил голос по трансляции, и Вик воспринял это как приказ. Не рассуждая, рванул он к знакомой двустворчатой двери, распахнул её ударом корпуса. Усилие оказалось столь значительным, что дальше его понесла сила инерции — ноги едва поспевали за телом.

Неожиданно на пути вырос давешний смешной парень в круглых очках. Он что-то крикнул, растопырив руки, будто хотел заступить Вику проход, закрыть путь к отступлению. Но преграда эта показалась просто смешной. Сходу тягун зацепил его плечом, ещё успел увидеть краем глаза шикарный фонтан брызг от падения тела, но не до него сейчас было!

Снарядом пролетел перрон и запрыгнул в электричку! В последний момент, только раздвижная дверь хлопнула за спиной. В тот же миг поезд прогудел призывно и тронулся в путь. Застучали колёса.

Вик перевёл дух.

Далась вся эта физкультура необычайно трудно — ком в горле, спазм в животе, воздух в лёгкие приходилось проталкивать чудовищным усилием... Идти в вагон он не собирался. И ехать далеко тоже — на следующей остановке наверняка ждут ловчие. Подумалось мельком: а ведь он столкнул в лужу, судя по всему, ищейку! Поделом гаду... но не до него сейчас, не до него. Прежде всего, нужно поработать с витаксом. Сейчас груз этот становился непосильной ношей — не любит полевая составляющая столь резких перемещений: рывков, прыжков и прочего.

При удачном стечении обстоятельств любой тягун не мешкая, но плавно покидает место преступления. Лучше всего автотранспортом, например, на такси. И сразу в клеть —

сбросить добычу. Приёмщика находит заранее, тот готов к визиту и ждёт. Можно где-то на пути ускориться, даже пробежаться немного, если есть нужда, но скакать по лужам наподобие кенгуру не рекомендуется.

А ведь он ещё не ушёл. Он только уходит ещё, и предстоит немалая работа. Вик присел в углу тамбура на корточки, начал глубоко дышать с задержкой перед выдохом. На раз, два, три — вдох; четыре, пять, шесть — пауза; семь, восемь, девять, десять — выдох. На вдохе он обхватывал руками живот, как бы загоня витакс поглубже в собственное тело. На выдохе слегка приподнимался и приседал, как бы утрамбовывая чужую жизненную силу.

В тамбур вывалилась компания молодых ребят — закурили, загалдели. На присевшего в углу человека никто не обратил внимания. Дым отчаянно мешал дыханию, но Вик молча и упорно продолжал упражнение. Время летело стремительно, наперегонки с поездом. Колёса отстукивали секунды, те складывались в минуты.

Наконец компания убралась. Вик чувствовал себя уже лучше. Ворованный витакс утихомирился: не лез в горло, не перекрывал дыхания, не сводило болью живот. Осталось только чувство чего-то инородного и остроугольного под ложечкой, что застыло там точно проглоченный кусок фанеры. Пора было приступить ко второму этапу бегства.

Вик подошёл к двери. Снаружи простиралось предместье с его вросшими в землю домишками и кривыми улочками, заросшими кустами, местами с остатками листвы, но чаще голыми и понурыми по этому времени года. Рядом с путями змеилась размытая грунтовка. Уехал он пока недалеко, отсюда должны ходить автобусы в город. И время — время, время, время поджигает!..

Тут электричка слегка замедлилась, поднимаясь на пологий холм — лучшего момента может не представиться. Вик налёг на дверь, впившись пальцами в уплотнитель. Дверь раздвигаться не хотела: он неимоверно напряг руки, застонал от усилия, — и створки поддались, разъехались чуть-чуть, но жилистое тело тягуна пролезало.

Лицо обжёг холодный ветер, плетью хлестнули струи дождя. Внизу стремительно проносилась, стелилась пёстрой лентой насыпь — недружелюбная, с острой щёбёнкой, камням и каким-то мусором, брошенным вдоль дороги. Вик зажмурился, завис на мгновение на краю поездной площадки, как на краю пропасти, и вытолкнул себя наружу. Господи помоги!

Земля встретила ударом. Насыпь он перелетел, но и размокшая глина не показалась пухом. Инерция волокна добрый десяток метров: Вик успел сгруппироваться, но несколько длинных секунд его крутило и выворачивало по жидкой грязи. Было чувство, что он ушибся всем, что только можно было ушибить. По счастью, ничего не сломал, не вывихнул. Голова не слетела с плеч и не укатилась в придорожный кювет.

Вскочил, на адреналине ещё не очень соображая — где он? что он? — бросился опрометью через грунтовку, — к спасительным кустам, в лабиринт запутанных улочек предместья. Только б добежать до ближайшего укрытия!

Но не успел — из-за поворота с рёвом, подпрыгивая на ухабах, вылетел тёмно-синий фургон. Начал тормозить — его повело юзом — и ещё не закончил движения, когда распахнулись дверцы и из салона выпрыгнули двое.

Один с дубинкой, другой с жезлом.

Послышалось: «Стой!» — и Вик побежал ещё быстрее. Добежал до крайних домов, не сбавляя скорость, нырнул в переулочек. Таких в одноэтажном пригороде Семигорска полно. Длинные и узкие, они тянутся многие километры: пересекаются, кружат и петляют между

как попало разбросанных домов, создавая лабиринт развилки и ответвлений. И выводят, в конце концов, в самые неожиданные места.

Преследователи завернули следом — Вик отчётливо слышал сзади топот подкованных ботинок полицейского по брусчатке. Узкий как желоб переулок вёл вора. Слева монолитом возвышался высокий бетонный забор каких-то складов, справа мелькали приземистые строения, огороженные живой изгородью. Шипастый кустарник, — та же колючая проволока! — не имел ни единого прохода, а форсировать его напрямую означало бы полностью лишиться одежды вместе с кожей.

Подожвы скользили по мокрому гладкому камню. Время от времени на пути возникали гигантские лужи, больше похожие на небольшие озёра, и Вик скакал по ним, поднимая фонтаны брызг и разгоняя мелкую волну. К тому же, забор складов шёл уступами, и переулок постоянно поворачивал, забирая влево. Беглец едва удерживал равновесие на крутых поворотах.

Сердце бешено колотилось в груди, дыхания опять не хватало. Горячий пот заливал глаза, смешиваясь с холодными струями дождя. Однако погоня не отставала. Преследователи не видели тягуна, его скрывали бесконечные повороты, но сзади раздавались невнятные выкрики, в содержании которых не приходилось сомневаться.

Внезапно забор кончился, и тут же началось длинное кирпичное здание в два этажа. На первом окон не было совсем, на втором — узкие бойницы, а не окна, забранные к тому же решётками. Проход между забором и зданием Вик сгоряча проскочил, и возвращаться уже не было никакой возможности.

Но впереди он разглядел: здание заканчивается, из-за него выныривает другой переулок, образуя что-то вроде перекрёстка. Живая изгородь плавно загибается вправо, — а в ней, у самого поворота, по-над землёй — открывается едва заметный узкий лаз. Перед лазом привольно разлилась очередная огромная лужа.

Вик не раздумывал ни секунды. Используя разбег, оттолкнулся посильнее и прыгнул, нырнул рыбкой, едва успев выставить руки, — хлопнулся животом по жёсткому дёрну, шлёпнув ногами по луже, — и проехал по мокрым стеблям как на санях с горки — прямо в спасительный лаз! Обдирая одежду, осаживая локти и колени...

Проскочил недлинный тоннель в кустарнике и замер. В шуме дождя приближались, отчётливо грохотали по брусчатке кованые башмаки. Замерли где-то недалеко, забормотали приглушённые голоса: гончие потеряли дичь и решали, как быть. А потом звук шагов стал удаляться.

Вик выдохнул.

Он лежал в относительно сухой и по-своему даже уютной норе среди кустов. Выжидал, вслушивался, восстанавливал дыхание. Но и разлёживаться было некогда, время таяло. Покряхтывая и ругая в полголоса контролёров, ищек, лужи, грязь и всё на свете, Вик начал выбираться. Носить в себе чужой витайкс можно было ещё минут сорок. Не более.

Дождь начался как-то сразу и сильно. Полдня набухал в серых, низких, стеной ставших тучах, но не торопился, выжидал. С силами собирался, влагу копил. А потом как прорвало, и потоки воды хлынули на город. На Центральный район: разноцветные, праздничные, яркие как новогодние ёлки башни; на аллеи, бульвары и площадки для отдыха между ними. На цветники, фонтаны и беседки. Магазины всех мастей, паркинги, салоны красоты и фитнес-клубы.

Ливень свободно гулял по проспекту Развития, что расположился чуть дальше на востоке: банки, офисы, супермаркеты. Косой стеной повис над куполом Собора. Заливал промзону и предместье. Осень в Семигорске скучная пора — холодный ветер, дождь, слякоть и грязь. Даже на выложенных плиткой аллеях Центра — слякоть, даже на гладких тротуарах проспектов — грязь. И ледяной дождь с ветром в Фуфайке и предместье.

Эту квартиру Софья снимала в Центре, как раз в одной из разноцветных башен. Ничего себе так гнёздышко — две комнаты (а больше пока и не надо), превращённые стараниями модного дизайнера в образец вкуса и символ благополучия. Всё стильно, органично, дорого. Не сама, вообще-то, снимала — платил за комнаты Залеский.

Софья смахнула с полировки небольшого изящного столика несуществующие пылинки, расставила приборы, протёрла бокалы. Ужин на двоих, лёгкий и с хорошим вином. Для повышения тонуса...

Всех своих любовников она называла по фамилии. Даже в минуты близости, мешая жаркий шепот с хриловатыми вскриками — по фамилии. Говорила, что, мол, это такой особый шик, на самом же деле считала искренне — большего эти кобели не заслуживают. Всем им нужно одного, и они это имеют, но и Софья назначает свою цену.

Вот только в последнем пункте случилась оплошность. Черета мужчин, призванных вывести её к заветной цели длилась без конца, но надежд никто так и не оправдал. Сверстники перестали интересоваться Софью ещё в школе. Она рано начала встречаться с парнями старше себя: тянулась к сильным, дерзким, не признающим правил и ограничений. Парни оценили симпатичную пацанку со свободными взглядами на жизнь и развитой грудью, при случае пользовались её доступностью, но посвящать в свои дела не торопились. Да Софью и не интересовало, как добывают они витайкс и деньги. Ей был важен результат.

А результат повторялся с завидным постоянством один и тот же: одного взяли на горячем, другой пустился в бега, а этого, — ну помнишь, со шрамом на скуле? — убили на прошлой неделе. Парни появлялись и исчезали, Софья оставалась у разбитого корыта. Со временем она стала умнее: от молодёжной безголовой среды, где в первую очередь всегда ценилась необузданная лихость, отошла. Стала подбирать партнёров старше и умнее. Опытнее. В итоге появилось вот это гнёздышко.

Вазочка с фуа-гра и поджаренные чесночные тосты. Как раз к красному вину. Поставила на стол и усмехнулась скептически: всего-то, паштет из гусиной печёнки, а поди ж ты — фуа-гра! Дребедень полная, но Залескому нравится. А кто платит, тот девушку и танцует...

Гнёздышко, гнёздышко... Квартирка, конечно, уютная, но не об этом мечталось. Виделась будущая жизнь яркой, бурной, насыщенной светскими раутами, заграничными поездками, интересными встречами. Если шопинг, то в Париже, если отдых — так в

Испании! И такая жизнь существовала — рядышком, только руку протяни.

Огромные номерные счета в ви-банках: бесконечная жизнь, безграничные возможности, абсолютная свобода. И роскошь, и положение в обществе: исполнение любых желаний! Где оно всё? Похоже, девочка, слишком много ты читаешь глянцевого журналов. «Лафа», «Витакс-новости», «Поспешай!» — вон они, лежат на журнальном столике, отсвечивают обложками. После такого чтения ни о чём другом и помыслить нельзя, кроме как о жизни бессмертных.

Так, теперь ветчина. Нет, не ветчина — хамон! Из Испании, с сочащимися соком ломтиками дыни... Дыня там должна быть, правда, какая-то особая. Ничего, Залескому сойдёт и такая, тоже не ахти какой гурман. Эх, какую ветчинку мама готовила, пальчики оближешь...

Родители Софьи были заурядными формалами. Прикупали витакс понемногу, собирали по крохам долголетие. Тряслись над каждой единичкой. Завели счёт в ви-банке, и всё планы строили: вот, мол, скопим состояние, начнём другую жизнь. А потом мама заболела — тяжело, безнадежно, и счёт её по страховке опустел очень быстро. Встал вопрос о дополнительных вливаниях, но отец отправил супругу в муниципальную клинику и наотрез отказался переводить необходимый витакс из семейных запасов. Практически, дал ей умереть — с чистым сердцем и незамутнённым взглядом. «Семейный витакс, он будет и твоим тоже, деточка...»

После этого Софья, к тому времени уже частенько не ночевавшая под родным кровом, окончательно ушла из дома. Тут и началась череда мужчин, снимавших ей квартиры, клявшихся в любви, обещавших золотые горы. Весь мир будет у твоих ног! Были они и круче, и опытнее тех сорванцов, что кружили Софью в дни нежной юности, но всё опять возвращалось на круги своя — арестован, скрывается, убит. Менялись люди, менялись квартиры, а мир блестящих возможностей пребывал в той же недосыгаемости, как и во времена мечтательного девичества.

Она оглядела стол. Ещё трюфели, салат «Цезарь» (из ближайшего ресторана, Залеский всё равно в салатах ни бум-бум), красное полусухое. Его любимое. И зажечь свечи...

Залеский. Инженер лаборатории по исследованию витакса концерна «Партнёр». А концерн — лидер в развитии ви-технологий, не просто так. Что Софья собиралась с него получить, она сама пока отчётливо не представляла. Но понимала — хватит шальных связей, всех этих авантюристов, ковбоев, брутальных мачо с их пламенными речами и наполеоновскими планами. Пора заняться солидными людьми, с крепким положением и перспективой. И перспектива эта, вполне понятно, лежит рядом с витаксом. А тут, куда уж ближе — ведущий инженер крупнейшего концерна, такого мастодонта ви-технологий! Интуиция подсказывала — может здесь выгореть что-то интересное. Нужно только не торопиться...

Пропел дверной звонок. Софья поспешила в прихожую, на секунду задержалась у зеркала: тёмные волосы, зачёсанные на одну сторону наподобие крыла птицы, шея — пока без морщин. Они, предательницы, как годовые кольца на срезе дерева. Но пока — нормально, кожа белая и ухоженная. А глаза чуть шальные, с пляшущими чертенятами. Всё, от чего мужчины теряют голову.

Она распахнула дверь.

— Я соскучился!.. — с порога бросился обниматься инженер. — Думать ни о чём не могу, всё валится из рук!..

— Да-да, Залеский, — успокаивающе промурлыкала Софья, слегка отстраняясь. — Всё будет, но вначаленими плащ, пожалуйста. Вот тапочки. И давай поужинаем, я проголодалась в ожидании.

— Конечно! — бодро откликнулся любовник. — Я тоже голоден!

Залеский поедал деликатесы, не очень-то обращая внимание на то, что попадает ему в рот. Засовывал пищу крупными кусками, энергично жевал, запивал благородным французским вином, точно пиццу банальным пивом. Софья поглядывала на него, пригубливая из бокала: средний во всём — во внешности, в одежде, да и в постели тоже. Культура, так и вовсе ниже среднего: простоват, лоска никакого. Но вот способности...

Как человек предусмотрительный, Софья, прежде чем знакомиться, навела о Залеском справки. Верный человек подсказал, — а связи у неё имелись обширные, — что инженер ведёт сейчас самое перспективное направление в исследованиях витакса. Решение было принято, а дальше всё покатилося по обкатанной технологии. Приворожить и приручить Залеского оказалось делом нехитрым.

Сейчас Софья вновь прикидывала, не промахнулась ли. Широколицый, глазки маленькие, нос пипкой. Веснушки и тридцатилетний возраст. С возрастом как раз всё в порядке, и с жалованием тоже. Не скуп чрезмерно, на гнёздышко и цацки всякие подбрасывать будет, но и на роль локомотива, того, который сможет привезти её в сияющий мир мечты — мир бессмертных — нет, не тянет.

Неожиданно вспомнился Витька Сухов, единственный мальчишка из класса, на котором порой задерживался взгляд. Гордый, независимый, всегда с собственным мнением по любому вопросу. Честный, смелый, благородный Вик! Но главное — с такими же шальными глазами, как и у неё самой. Тот бы вывез куда угодно. Господи, сколько лет прошло после школы — семь? А ведь после выпуска они не виделись ни разу...

— ...представляешь? — заканчивал тем временем «локомотив» некую мысль с набитым ртом.

— Извини... — Софья слегка коснулась пальцами виска. — Немного болит голова. Наверное, из-за этого несносного дождя... Что ты сказал?

— Я говорю, меня повысили, дорогая! — прожевав, жизнерадостно повторил Залеский. — Был я, ну кто? — один из разработчиков. Вёл направление, так их у нас в лаборатории несколько. А теперь — начальник отдела компактизации оборудования для сбора и хранения витакса! И это за портативные конденсаторы нового поколения!

— Да? Поздравляю! — светски поддержала беседу Софья. — И что за конденсаторы?

— О, это нечто, Сони! — Бьющий через край энтузиазм инженер подкрепил кусочком пикантного сыра из Швейцарии, который зацепил пальцами с тарелки. — Сейчас как: резервуары для хранения витакса содержатся в подземных бункерах. Должен тебе сказать, это очень внушительные сооружения. Там, конечно, объём дай боже, на десятки тысяч лет, но и размеры — огромные залы! А если нужно перевезти субстанцию из одного пункта в другой? Это ж совсем другие габариты! До последнего времени максимум, что мы могли себе позволить — канистра на пятьсот лет, и та выглядит как здоровенный неподъемный чемодан. А меньше только боксы на десять-пятнадцать лет. И всё, это предел! Теперь же, — ты не поверишь! — небольшой кейс, с какими ходят клерки, а внутри двести пятьдесят лет жизни! Представляешь?!

— Действительно, — рассеяно улыбнулась Софья, — впечатляет. И оклад твой теперь?..

— Ну... — самодовольно потупился инженер, — мы сможем съездить в отпуск в горы.

Вдвоём. Например, в Швейцарские Альпы — отличный сервис, классные отели, лыжи... Это круто!

Действительно круто, подумала Софья. А Швейцарию не иначе сыр навеял. Эх Залеский, если ты и локомотив, то тащишь не туда. Не по тому маршруту.

— Обожаю Альпы. — Сказала так, будто проводила там каждый сезон, и любовник купился.

— Я понимаю, Сони, тебя этим не удивишь, но до отпуска могут появиться и другие возможности. — Залеский подался через стол: — Мы заканчиваем уникальную разработку... — Он перешёл на шёпот, будто в комнате были посторонние, и кто-то кроме Софьи мог услышать его слова. — Портативный привод для съёма витакса! Представляешь?! Это ж революция в сфере купли-продажи! Аналог ви-клетки размером с чайное блюдце. При контакте с полем начинает перекачивать витакс в заданном количестве. Долой чеки, жетоны, векселя и расходники, все прочие бумажки на витакс, которые сегодня в ходу. Которые можно подделать, фальсифицировать, украсть, потерять и прочее, и прочее! Да такое и происходит сплошь да рядом — и теряют, и крадут. А тут — пришёл, сбросил походя, сколько нужно единичек — и свободен! Хоть деньги получай, хоть ещё что...

— Действительно, — призывно улыбнулась Софья, — удобно. Ты у меня такой умный, Игорь.

Редкое обращение по имени означало крайнюю степень доверия, и знак к переходу ко второй части вечера.

— Я в душ, — проворковала она, вставая из-за стола. — Как-нибудь потом ещё расскажешь мне про ваши изобретения? Это так интересно!..

— Конечно! — Залеский сглотнул, но не оттого, что во рту была пища. Бархатные обертоны в голосе Софьи вызывали у него совершенно непроизвольные физиологические реакции. — Я расскажу тебе всё интересное, что у нас творится. Только не плещись долго, не томи...

Софья благосклонно кивнула и улыбнулась — подождёшь, чем больше разогреешься, тем активнее будешь в постели. И что-то стоящее мелькнуло в рассказе инженера, что-то зацепило в этом хвастливом перечислении трудовых побед и достижений. Ну и ладно, успеется. Главное, не спешить...

Вик выбрался из норы. Преследователи — полицей с контролёром — сбились со следа, а ищейка, как видно, остался в машине. Не захотел бегать по грязи, обувь пачкать. Хотя понять его можно, свою задачу он выполнил — цель указал, а дальше дело гончих: загнать и повязать. Но не сложилось на этот раз. А на таком расстоянии и эксперт его локализовать не сможет.

Патрульные направились куда-то в южном направлении, значит ему на северо-восток. К ближайшему автобусу, и в город. Нужно срочно сбрасывать добычу, иначе чужой витакс начнёт перетекать в собственное поле, переполнять его, растягивать. Ничего хорошего в таком случае не случится. Это в клетки адаптированный витакс реагирует с полем по принципу «ключ в замок» и ассимилируется. А «сырое переваривание» чревато самыми неприятными сюрпризами. Бывало, в результате этого процесса становились инвалидами, никакие подпитки потом не помогали. А бывало — лишались жизни.

Вик бережно нёс свое тело по скользкой глинистой тропинке. Только что кульбиты крутил, прыгал по лужам, что твой орангутанг, но сейчас чувствовал — время гимнастических упражнений прошло. Ресурс организма выработан, и выносливость — даже его феноменальная выносливость — на пределе. Только-только добраться бы до места.

Он вышел к разбитой дороге. В предместье машины редкость, но ему повезло. Не успел подумать, в какой стороне искать автостанцию, как из-за поворота вырулил древний мотоцикл «Иж» с коляской. Абориген предместий в дождевике с островерхим капюшоном уверенно правил своим нещадно тархтевшим аппаратом в нужном Вику направлении. На поднятую руку отреагировал, остановил раритет, но, разглядев, что Вик весь в грязи и мокрый насквозь, сажать пассажира в люльку не торопился.

Однако сотенная решила вопрос, и скоро тягун убедился, что мотоцикл в условиях предместья, да ещё в такую погоду, самый выгодный вид транспорта. Там где автомобиль — если это только не вездеход — непременно застрял бы в жидкой грязи, абориген на своём древнем байке, выписывая замысловатые петли, уверенно преодолевал раскисшую хлябь.

Вик трясся в люльке, крепко ухватившись за стойку, стиснув зубы, чтобы не растерять их на ухабистой дороге, и прикидывал, где бы ему сбросить витакс. Обычно он сдавал добычу в неприметном кафе «Шесток», где хозяином был Валерка Безменов. Вик знал его со времён бесшабашной юности, когда и прилипло прозвище Шестопёр к драчливому и отчаянному парню. Удар его набитого кулака был действительно сравним с ударом страшной шипастой дубинки.

С тех пор много воды утекло. Шестопёр остепенился, обзавёлся собственным кафе, а в тайнике задних помещений установил клеть и бойко скупал ворованный витакс. Вик договорился с Валеркой и на этот раз, но теперь первоначальный план летел к чёрту. «Шесток» далеко, на другом конце города, почти у Центра. Добраться туда тягун просто не успевал. Зато рукой подать до известного адреса: неказистого домишки, по внешнему виду которого в жизни не скажешь, что здесь могут взять витакс.

Абориген, услышав адрес, кивнул, и скоро они подъехали в нужное место. Кособокое строение с ветхой верандой, чердаком под протекающей крышей и ставенками с облупившейся краской посреди захламлённого, заросшего двора. Справа, в глубине — сарай,

чуть дальше запущенный огород. Никому и в голову не придёт, что здесь нашли прибежище высокие технологии. Тем не менее, это было так.

В подполе стояла новейшей конструкции ви-клеть и банковские канистры длительного хранения по пятьсот лет витакса каждая. А в неказистом с виду, но крепком и добротном изнутри домике, и в сараюшке-развалюшке (что тоже было сплошной видимостью) — боевики с автоматами. Потому что была это территория Грома, командира отряда Неукротимых. И база была его — обустроенная и защищённая.

С тех пор как люди начали интенсивно обмениваться и торговать витаксом, мир будто спятил. Он и раньше не был идеален, этот мир. Где вы видели истинную демократию и по-настоящему равные возможности для всех? Но теперь изменилось отношение к самому понятию «жизнь».

Каждый, кто имел деньги, активно скупал витакс. Ни ценные бумаги, ни недвижимость не шли в сравнение с купленным долголетием. Вновь образовавшиеся ви-банки открывали номерные счета, на которых скапливался витакс на многие тысячи лет жизни. Таких держателей называли бессмертными, и это было недалеко от истины.

Другие увидели в продаже собственных годочков чудесную возможность поправить финансовое положение. Ну действительно, если находятся охотники продать почку, — одну из двух, — или долю печени (не говоря уже о донорах крови), то почему бы не обменять на деньги несколько лет собственной жизни? Особенно если ты молод, здоров, и старость с её немощью и болезнями кажется полной абстракцией — уделом других, чужих, несчастливых людей, не имеющих к тебе никакого отношения.

Доходило до абсурда: появились чудачки, предпочитавшие существовать за счёт регулярной сдачи витакса. По принципу: проживу коротко, но весело. Таких называли коровами, и Вик не понимал их логики. Хотя, спросите любого, крепко подсевшего на иглу наркомана — загадывает ли он себе долгие лета?

Здравомыслящие граждане — разумное большинство — сохраняли традиционные денежные сбережения и открывали, наравне с этим, скромные счета в ви-банках. Они называли себя формалами: тщательно следили за здоровьем, регулярно сканировали поле и видели в накоплении витакса возможность продлить жизнь и обеспечить старость.

Криминал занимал в новом мире собственную нишу, и тут было всё понятно. Однако нашлись и другие: те, кто делал из сложившегося положения вещей трамплин во власть. Иногда, почитывая газеты, Вик не мог сдержать смеха: политики перекачивали витакс со счёта на счёт десятками и сотнями тысяч единиц. Какому тягуну такое по силам?!

Партия Ограничителей существовала вполне легально. Программа их декларировала абсолютный контроль распределения витакса государством (или специальными народными комиссиями). Ограничители ратовали за создание социальных фондов по типу пенсионных — для помощи больным и престарелым, ограничение коммерческого оборота витакса и многое другое. Были у этих идей сторонники, были и противники, но внутри партии выделилось крайне левое крыло — Неукротимые.

Эти ребята стремились решать вопросы силовыми методами: формировали бригады боевиков, совершали налёты на ви-хранилища, не брезговали грабежами и вымогательством, но трясли исключительно держателей крупных ви-счетов. В том числе, активно скупали витакс у тягунов. Платили даже более щедро, чем теневые перекупщики, но и контакты с Неукротимыми несли в себе риск куда больший, чем отношения с обычными барыгами. Госбезопасность нещадно выслеживала членов группировки и с ними не церемонилась.

Вик относился к экстремистам спокойно. Некоторые их методы не признавал и осуждал, другие считал благородными. Лично знал несколько тяжелобольных людей, получающих поддержку из копилки Грома. Он и раньше сливал здесь добычу, хотя лишней раз в гости к боевикам старался не попадать. Однако сейчас другого выхода не было. Гром оказался ближайшим владельцем клетки, в какое-либо другое место вор уже просто не успевал.

Тягун вылез из мотоциклетной коляски, водитель тут же дал по газам и скрылся в пелене дождя. В ближних домиках если не знали, то догадывались, какие опасные соседи расположились под боком, и любопытства не проявляли: ни одна занавеска не колыхнулась на окнах. Вик приблизился: на совершенно деревенского вида калитке красовался современный домофон. Нажал кнопку и произнёс условленную фразу.

Вышел мрачного вида жилистый мужик, лишь слегка прикрывающий полую плаща обрез замечательного калибра. Глянул хмуро и мотнул головой, мол, следуй за мной. Мужика так и звали — Мрачный, они были знакомы и поэтому никаких дополнительных паролей не потребовалось. Вообще же, Неукротимые неукоснительно соблюдали конспирацию.

Внутри изба имела вполне жилой вид. Просторная комната: у стены письменный стол с компьютером и ворохом каких-то бумаг, над столом полка с книгами. Гром слыл человеком не только грамотным, но и образованным. В другом углу комнаты виселись двухъярусные нары на четыре лежанки, стоял стол для еды, рядом буфет с посудой и шкаф. Везде чистота и почти армейский порядок. У стола сидел сумрачный человек, прихлёбывая что-то из алюминиевой кружки.

Мрачный прошёл и сел с ним рядом. Вик не сомневался, что на чердаке вполне может находиться пулемётный расчёт, а в неказистом сарайчике — вооружённая до зубов боевая тройка. Да и те, что сидели за столом были людьми непростыми. Опасными они были людьми, и это чувствовалось.

Гром сидел у письменного стола с раскрытой книгой. Какие уж там материи изучал командир революционной бригады: может, социологию, а может физику поля и его составляющих (с него станется!), но выглядел он как вожак банды моторизованных хулиганов. Двухметрового роста детина в кожаной куртке-косухе, с гривой спутанных волос, перетянутых ремешком, шикарными бакенбардами и грубоватым, но по-своему красивым лицом. На звук шагов Гром развернулся вместе со стулом, закинул ногу за ногу и закурил сигару.

— Ну, заходи. — Предводитель одного из самых опасных отрядов Неукротимых смотрел выжидательно. — Давно не виделись. С чем явился?..

— Витакс возьмёшь? — сдавленно просипел вор. Держать добычу стало невыносимо: ещё немного, и начнутся процессы ассимиляции — витакс стоял уже в глотке.

Гром оценил ситуацию мгновенно:

— Мрачный, открывай подпол, наш гость на сносях! Зови Опера! Пусть разрешит беднягу от бремени...

Тут же невесть откуда появился парнишка в пиджачке, по виду недоучившийся студент. Мрачный юркнул за нары, открыл врезанный в пол люк, и они всей гурьбой — Опер, Мрачный, Вик — скатились по лестнице в подвал.

— Плата по обычным расценкам! — успел крикнуть вдогонку предводитель.

Операция прошла быстро и без потерь. Клеть у подпольщиков была отлаженная и самой

последней модели. Вик освободился от витакса и наконец-то вздохнул свободно. Оказалось тридцать единиц, Мрачный тут же расплатился.

Наверху Гром налил Вику пива в высокий стакан.

— Хороший куш, — глянул он вприщур на бледного тягуна. — Ты ловкий вор, Вик. Обычно твои собратья сбрасывают до двадцати единиц — тринадцать, семнадцать, и это считается богато. А ты тридцатку как с куста! Издалека тащишь?

Вик коротко поведал о своих приключениях. Не видел смысла скрывать, да и хотелось после пережитого напряжения похвастать хоть перед кем-нибудь удачной операцией.

— Вот я и говорю, — покивал Гром. — Ловкий ты парень, и умелый. Предлагаю потаскать витакс мне. Не барыгам этим вонючим сдавать, хапугам ненасытным, а мне. Пойдёт твой хабар хотя бы на благое дело.

— Это ты что ж, на службу меня нанимаешь, что ли? — усмехнулся Вик. — Может, жалование начнёшь платить? Или по дружбе...

— У меня не служба! — оскалился Гром. — Сюда люди сами приходят, по велению сердца. Справедливости искать. Уж извини за высокие слова... И дружбу я с ворами не вожу, ничего общего у нас с вами нет и быть не может. Просто изменить пока ситуацию не могу — некогда с вами, блатными, возиться. Есть задачи посерьёзнее.

— Понятно. Слыхал, недавно чьи-то хлопцы прихватили одного из функционеров фракции Умеренных. — Вик невинно посмотрел в глаза главаря. — Тот вроде взятки витаксом брал. Высосали до доньшка, а тело на автобусную остановку выложили. С припиской: мол, вор, и воровал у своих. Это куда как серьёзно...

— Правильно сделали, — спокойно парировал Гром. — И чужого больше не возьмёт, и краденное вернул.

— Так я ж тоже вор, — развёл руками Вик. — Сограждане мне минутки жизни своей не в дар преподносят, не продают даже — сам беру.

— Потому и не будет между нами никогда дружбы, тягун, — заключил экстремист. — Придёт время, и с вами разберёмся. Но пока хоть какая-то польза...

— Лучше останемся при своих, — примирительно выставил ладонь Вик. — Вы сами по себе, я сам по себе.

— Смотри, не ошибись в выборе. Чтоб поздно не было, — значительно выговорил предводитель Неукротимых с внешность байкера. — Но моя клеть для тебя открыта. Обращайся.

Через десять минут замызганный пикап покинул промокший насквозь дворик. Гром посылал Опера в Центр по каким-то своим надобностям, и тот любезно согласился подбросить Вика. А ещё спустя недолгое время вор покинул машину недалеко от Сосновой улицы. Пять минут хода, и показалась знакомая пятиэтажка, где он вот уже полгода снимал квартиру. Подъезд с раздолбанной дверью: никаких домофонов, никакого металла — небрежно, полосами крашенная фанера.

Вик взялся за дверную ручку.

— Привет, тягун, — вдруг послышалось сзади.

Он обернулся рывком, готовый ко всему. В двух шагах стоял тот самый парень с вокзала: которого он видел у ларьков, который пытался преградить ему путь бегства. И чьё присутствие неудобно колело под ложечкой, наполняло нутро острым чувством опасности — ищейка! ищейка рядом! Стоял с насупленным и злым выражением лица.

Ещё там, на перроне в чертах преследователя мелькнуло что-то до боли знакомое,

зацепило сознание, но было не до того: на тягуна открыли охоту, лица и спины мелькали как в калейдоскопе, а парень был среди загонщиков. Но теперь...

— Бас?! — ошарашено выпалил Вик.

Лицо парня, хмурое и неприветливое, начало неудержимо меняться: удивление сменялось узнаванием, потом проступила радость, и вновь удивление. Хлопнули ресницы за круглыми очками — вместо злобной ищейки на вора смотрел счастливый добрый пёс. Только что хвостом не вилял.

— Вик?.. — протянул он.

— Вот так встреча, дружище... — озадаченно заключил вор.

Пустырь за домом привлекал невероятно, притягивал как магнит. Что в сравнении с ним постные развлечения в городском парке? Да ещё за руку с мамой — к пруду близко не подходи, упадёшь в воду; на качели не лезь, свалишься; далеко не отходи, потеряешься. И так на каждом шагу...

То ли дело пустырь: заброшенное, свободное пространство, поросшее дикими кустами в рост человека. Во всяком случае, восьмилетнего Витьку эти заросли накрывали с головой. И между упругих стеблей здоровенные валуны, покатые и холодные. И жёлтые плиты известняка с неровными, щербатыми краями. Здесь здорово было прятаться: залечь между камней, выбрав местечко, где ветви опускаются пониже к земле — ни за что не найти! А разведчику того и надо: скрытность, незаметность, умение пользоваться рельефом местности.

Посреди пустыря развалины то ли сарая, то ли гаража: с провалившейся крышей и повисшей на одной петле дверью. Внутри сумрачно и прохладно даже в летний солнечный день, и пахнет пылью и прелью. По углам полусгнившие ящики, рухлядь деревянная, кем-то брошенный разбитый пылесос и сломанный торшер. И куча мест, где при желании можно сделать тайник. Чуть разгрести многолетнюю пыль, вложить в ямку важное донесение или приказ, и замаскировать сверху так, что совсем незаметно.

А немного в стороне проржавевший остов легковушки без колёс. Дверцы открываются с пронзительным скрежетом, сидения продавлены, но чудом сохранились руль, рычаги и педали. Потому можно сесть на водительское место и порулить, нажимать на газ и на тормоз, переключать скорости. Правда втыкается ручка всего в два положения, но это не страшно. Звук мотора чудесно получается голосом — и взрыкивание на старте, и гудение, и надсадный вой высоких оборотов, когда авто летит по автостраде на полной скорости.

Не хватает только закадычного дружка Баса.

Витька с сожалением глянул в манящие просторы пустыря и припустил к дому. Себастьян жил на втором этаже, как раз под его квартирой. И выйти товарищ уже должен был минут десять как. Да вот всё не шёл. Витька выбрал камешек — маленький, кругленький, как раз по руке. Меткий бросок, негромко звякнуло стекло. В окне появился размытый силуэт, помахал рукой — сейчас, мол, бегу уже.

Бас выскочил как всегда растрёпанный и запыхавшийся. Кудлатая голова и вечная улыбка делали его похожим на весёлого щенка. Витька знал, у Баса больное сердце, мама запрещает ему мотаться по пустырю. Боится, что сыну станет плохо во время игры, что он простынет, или подвернёт ногу, но кто же слушает маму, когда друг ждёт, и впереди увлекательные путешествия в иные миры. Например, на необитаемый остров — с его пиратами, тайнами, картами и сокровищами. Или в непроходимые дебри Южной Америки или Африки: сражения со страшным людоедским племенем, львы, бизоны, ядовитые змеи. И конечно же, спасение прекрасной принцессы.

Принцесса в их играх присутствовала всегда, но незримо. Лишь образ её.

— Я книжку прочитал! — первым делом выпалил Бас. — Вот!

Он протянул Витьке растрёпанную книженцию, где на потёртой суперобложке некто с квадратной челюстью, в скафандре и с огромным блестящим пистолетом в руке прикрывал

собой томную красавицу в облегающем платье.

— «Приключения капитана Скаута»! — продолжал друг. — Второй сезон уже! Знаешь, как он дрался на планете Ауэрбан?! Гангстеры гнались за прекрасной Наяной, наследной принцессой Плагии. И шпионы Конвента Трёх Планет им помогали, все были против капитана! А он заманил их в район трущоб Катанга, и давай из бластера — бах! бах! бах!..

Витька покрутил книжку в руках:

— Ну и что? Будем опять гонять в гангстеров и галактическую полицию? Так было уже, неинтересно...

— Нет, — покладисто согласился друг. — В гангстеров не будем. Но потом капитан Скаут вместе с Наяной улетел на планету Хаос. Страшно далёкую, необитаемую и неизведанную, и жили они там целый год! Пока помощник капитана Драган не вытащил их на своём спейс-скутере! И там было такое!.. — Бас даже глаза закатил от предвкушения.

— Ага! — оживился Витька. — Так мы будем исследовать Хаос?

— Точно! — обрадовался Бас. — Вик, ты будешь капитаном корабля-разведчика, а я твоим штурманом...

— А что сам капитаном не хочешь? — усмехнулся Витька.

— А боязно, Вик, — растерялся Себастьян. — Ты сильный, и смелый, а я тебе помогать буду! Вместе мы всех одолеем!

— Да ладно, — смилостивился Витька. — Капитаном, так капитаном. Где наша не пропадала...

Так развалины на пустыре превратились в планетарную базу. Из ящиков, что по целее, мальчишки оборудовали пульт управления. Торшер стал антенной дальней связи, пылесос — энергетической установкой. Самому разному хламу нашлось применение и звучное название. Остов автомобиля преобразился в космический корабль, на котором астронавты прибыли на поверхность Хаоса. Заодно на нём можно было полетать над планетой. Ведь это так просто — представить себе, что в багажнике установлен мощный двигатель на ядерном топливе.

Вик и Бас были счастливы. Каждый ни минуты не сомневался, что враждебная планета будет изучена и покорена, трудности преодолены, прекрасная Наяна спасена, а опасности лишь закалят отважных первопроходцев. И порукой тому были верность и дружба.

— Ну а Наяной у нас будет?.. — посмотрел Вик на Баса.

— Соня, конечно, — улыбнулся Бас Вику. — Жалко, что она не ходит с нами на пустырь...

В комнате на четвёртом этаже стандартной панельной пятиэтажки, на приличном, недавно купленном кухонном столе гордо установилась бутылка недешёвого коньяка. А так же салями на блюде и лимон — всё, что нашлось на скорую руку. Оправившись от первого изумления, Вик затащил друга детства к себе.

Вполне приличное жильё: просторная комната, в одной половине которой поместилась кровать и минимум мебели, включающий самое необходимое. Другая же была превращена в мастерскую художника. Мольберт, кисти, краски. У стены стоял почти законченное холст, стоял так, чтобы свет из окна падал прямо не него.

Портрет девушки с узким лицом и чуть вздёрнутым носиком. Тёмные волосы, зачёсаны на одну сторону, будто крыло птицы. Большие серые глаза смотрят дерзко и насмешливо: кажется, ещё миг, и она рассмеётся в лицо зрителю — звонким, будоражащим смехом.

Проходя мимо картины, Бас будто споткнулся, сбился с шага, но не остановился. Только пробормотал как бы невзначай: «Рисовать, значит, не бросил? А что, похоже...»

Потом сидели, вспоминали прошлое, не сводили друг с друга глаз. О дне сегодняшнем пока молчали, хоть и витал он в воздухе. Присутствовали где-то рядом и незримо — и вокзал, и предместье, и погоня.

— А помнишь, в восьмом классе? — улыбался из-за рюмки коньяка Себастьян. — Этот длинный из девятого «Б»... Что он тогда про Соньку сказал?

— Да не про Соньку, а про нас, — хмыкнул Вик. — Сказал, что мы с тобой для неё молокососы. Мол, нечего таким шкетам крутиться возле такой девчонки. Ох, и накинулся же ты на него! Храбрый пудель Артемон... Думал, порвёшь дылду на куски.

— Ну да, тот был вдвое выше и в полтора раза шире. Если б не ты, покалечил бы, наверное. Ты всегда был мне другом, Вик. Куда потом делся? Поехал учиться и пропал — ни весточки, ни звонка.

— Так получилось, Бас. — Виктор пригубил коньяк, пососал лимон. — Мы ж с мамой вместе уехали, если помнишь. К дядьке. Тот маму всё звал, мол, с работой помогу, сына в художественное училище устрою. Ну и поддержку в первое время. А на деле всё оказалось враньём. Я этого дядю Славу век не забуду. Деньги за проданную квартиру забрал, дескать, ему ещё отец был должен, а нас выгнал за порог, будто бездомных собак. Как хотите, так и живите. Что делать? Возвращаться смысла не было — жильё продано, устроиться некуда. Сняли комнату. На экзаменах я провалился, а мать слегла...

— Возвращались бы! — горячо воскликнул Бас. — Мы б вам помогли, чем смогли. Не чужие же!

— Именно что — чем смогли, — невесело усмехнулся Вик. — Сами-то не больно богато жили, ещё и нас с матерью тянуть. Нет, обратной дороги не было. Устроился разнорабочим на фабрику. Платили гроши, на лекарства для мамы не хватало, на витакс тем более. Еле перебивались. Короче, умерла мама через полгода. Хоронил её муниципалитет.

Бас смотрел в стол, Вик — на оконное стекло, по которому барабанил дождь. Тишина повисла в комнате — между бутылкой коньяка и портретом девушки. Между прошлым и настоящим, сказанным и невысказанным. Между вором и ищейкой.

— И остался я один. — В голосе Вика прозвучала застарелая тоска. Потом спохватился: — Твоя-то мать как?

— Жива. Побаливает, как все пожилые люди, но пока держится.

— А твоё сердце?

— Тоже так себе. Без витакса не тяну. Но пока выдают казённый, жить можно. Паёк, так сказать...

И вновь неловкая пауза.

— Ну да... — протянул Вик. — А у меня так и вышло: об учёбе пришлось забыть. За один только вступительный экзамен нужно было отдать тогдашний мой годовой заработок. Ходить вечно в работягах тоже не хотелось. А потом жизнь повернула по-своему. Способности открылись...

— Так и у меня — способности, — тихо проронил Бас. — Что делать будем, дружище?

— Ходить по разным сторонам улицы, — также негромко ответил Вик. — Дружить, встречаться, пропускать по рюмочке — с удовольствием. Только в нерабочее время. А в рабочее — у тебя свой заработок, у меня свой.

— Не получится, — невесело улыбнулся эксперт. — Когда-нибудь обязательно

окажемся на одной стороне. Этой самой улицы.

— Ты можешь сдать меня прямо сейчас... — криво усмехнулся вор.

— Не могу, — мотнул головой эксперт. — Во-первых, ты сейчас чист, я же чувствую. С балансом у тебя наверняка всё в порядке. Во-вторых, я бы и там, на вокзале, если бы сразу узнал, полиции тебя не сдал. Но и отпускать каждый раз, отводить глаза, обманывать своих — прости, Вик, не смогу...

— Ты можешь дать мне график своих дежурств, — предложил вор, и непонятно было — шутит он или говорит всерьёз. — Клятвенно обещаю в твои смены на охоту не выходить.

— Меня поднимают по тревоге без всякого графика. — Эксперт оценил предложение как шутку и не принял её.

— Как ты вообще оказался около моего дома? — неожиданно заинтересовался Вик. — Я ведь оторвался там, в предместье. Ушёл, возвращался кружной... очень кружной дорогой. Неужели чутьё привело?

— Наверное, дружба виновата, — улыбнулся Бас ещё печальнее. — Слышал я тебя, Вик. Где-то на пределе возможностей, но чувствовал. Как будто зудело что-то в груди... Кружил, кружил по городу, и притопал в конце концов...

— Тебе с такой-то чувствительностью полиция двойное жалование должна выплачивать, — сморщился тягун. — Хорошо, я подумаю, как лучше сделать. А это значит, скорее всего, мне придётся уехать. Жаль, хотел в родном городе пожить. А то и обосноваться надолго...

— Пойми меня правильно, Виктор. На мне мать, да и сам я... того. Без службы не протяну. Я ведь больше ничего не умею, кроме как чувствовать вас, тягунов.

— В том-то и беда, дружище, что и я ни к чему другому не приспособлен. Только тянуть.

Залеский ушёл рано утром. В концерне с этим было строго, да и новая должность обязывала. Софья нежилась в постели и прокручивала в голове вчерашнюю беседу. Значит, новые конденсаторы. И портативные приводы, заменяющие ви-клеть, устройство громоздкое и неэстетичное. Здорово конечно, ввёл такой привод в поле человека и качай витакс, сколько влезет! Да только кто ж на такое согласится?!

Ерунда всё это. Ну, станет удобнее работать банкирам и приёмщикам. Может, ещё каким-нибудь специалистам, связанным с витаксом, ну и что? Однако жизнь приучила её к простой мысли — там, где появляется что-то новое, другим пока неизвестное, наверняка есть возможность поживиться. И сейчас, лёжа в расслабленной позе, женщина крутила новость так и этак. Ведь вчера мелькнула какая-то мысль, намёк, будто проблеск на воде.

Утреннюю негу прервал телефонный звонок. Оказалось, это Маришка, старая подружка и невероятная сплетница, но Софья всегда отвечала на звонки. Всякая информация, даже если это слухи или хроника полусвета, имеет свою цену. Подруга сходу, в пулемётном темпе принялась сообщать новости: кто с кем спит, кто поменял машину, кто купил особняк. А вот тот, помнишь, толстый и важный, — продулся в пух и прах на бирже. Софья слушала в полуха, иногда вставляя междометия и короткие реплики для поддержания беседы, пока в словесном потоке не мелькнуло нечто любопытное.

— Представляешь, — тараторила в трубку подруга, — моего вчера обокрали! Нет, ну представь — всего-то прошёл от офиса до машины, там метров двадцать будет, и на секунду заглянул в цветочный павильон. Цветов мне купил — шикарный букет роз! ярко-алых, мой любимый цвет! — ты же знаешь, как он меня любит! Так вот, — павильон, машина, а когда ко мне приехал на личном счету на пятнадцать единиц витакса меньше...

Под «моим» Алка подразумевала своего нового любовника. Встречалась они чуть больше месяца, но пока подруга была довольна — денег на цацки папик не жалел.

— Может, ошибка? — вяло поинтересовалась Софья. — Напутал твой со счётом, да и все дела?

— Что ты?! — ужаснулась в трубку подруга. — Ты не знаешь, какой он аккуратист! Всё записывает, везде учёт и контроль. Так что, никакой ошибки — тягун, представляешь! Да как ловок, собака! Это значит, пока мой котик в павильон заходил и до машины шёл, с него пятнадцать дней и сняли. Вот сволочи, когда уже их всех пересажают!

— Тягуны — неистребимое явление наших дней, — усмехнулась Софья. — Одних ловят, другие появляются. А что, у твоего котика последние денёчки стащили?

— Ну, ты даешь! — обиделась Алка. — Стала бы я с ним возиться, если б у него на счету только и было, что пятнадцать единиц! Там ещё кое-что осталось... — голос подруги стал масляным.

— Вот и славно, Алунчик, передавай привет своему котику, — закруглила разговор Софья. — И вообще, не теряйся, звони.

— Ага, от тебя привет передашь, а там глядь — котик уже вокруг твоей ноги трётся. Шутка. — Алка нервно хихикнула. — Ладно, увидимся.

Через минуту Софья была на ногах. Когда этого требовали её интересы, она могла тратить на утренний туалет и макияж минимум времени. А ещё через сорок минут

элегантная молодая дама заняла столик в маленьком уютном кафе, что славилось своими бесподобными пирожными. Светлый дорогой плащ она небрежно бросила на спинку стула. В волосах, зачёсанных на одну сторону, бликовал мягкий свет бра. Заказав фирменный бисквит и кофе, женщина рассеянно поглядывала на редких в это дневное время посетителей.

Спустя десять минут к ней присоединился плотный мужчина в сером плаще, с грубым малоподвижным лицом.

— Ты с ума сошла, Соня, — прогудел он низким прокуренным голосом. — Днём у меня полно дел, еле вырвался на десять минут. Что за срочность?

— Извини, Тихон, — мило улыбнулась Софья. — Ты же знаешь, свои прихоти я не умею откладывать на потом.

— Если бы кто-нибудь из моих подчинённых увидел меня в подобном заведении, был бы крайне удивлён, — усмехнулся мужчина и обернулся к официантке: — Рюмку ликёра...

— Что, и жену с дочкой в пирожницу не водишь? — лукаво прищурилась Софья.

Собеседник только скривился:

— Да, раз в месяц это приходится делать. Малышка обожает сладкое. Но что тебя заинтересовало на этот раз? Ведь не вкусы моей дочери, или, тем более, жены...

— Тягуны, — просто ответила Софья. — Меня интересуют тягуны.

Мужчина, старший инспектор регионального отдела ви-контроля, удивлённо вздёрнул толстые брови:

— Что же ты хочешь узнать? В газетах об этом пишут достаточно.

— В газетах пишут всякую чушь, при этом о неких абстрактных преступниках, что тянут витакс у честных граждан из поля. А я хочу познакомиться с конкретным человеком...

— Бог с тобой, Соня, зачем тебе это нужно? — инспектор одним махом выпил свой ликёр. — Ты правильно сказала, это преступники. Насколько я знаю, крутые парни тебя уже не интересуют.

— В данном случае считай это моей причудой. Хочется чего-то остренького...

— Блажишь, девочка, — усмехнулся Тихон. — Лучше назначь встречу мне. В приватной обстановке. Я по тебе скучаю.

— Почему бы и нет, можно и встретиться. Только вначале выполни мою просьбу. — И посмотрела тем особым обещающим взглядом, который неизменно приводил мужчин в трепет.

— Вообще-то, это не так просто, — вздохнул инспектор. — Тягуны — особая воровская каста. Они не работают группами, даже парами. Каждый волк-одиночка, контакты с посторонними людьми ограничены почти до нуля. Очень осторожны.

— Ти-и-ша, — протянула Софья, — не набивай себе цену. Не хочешь же ты сказать, что твоё ведомство не владеет информацией по действующим тягунам?

— Здесь действительно интересная ситуация. — Инспектор даже призадумался на несколько секунд. — Конечно, мы знаем конкретных людей. Всё дело в том, что взять тягуна можно только во время охоты, когда он ухватил и тащит добычу. В остальное время это обычные, даже законопослушные граждане с идеальным балансом и легальными счетами в ви-банках. Потому и приходится возиться с ищейками, без них тягуна за руку не поймаешь. А эксперты сплошь да рядом не слишком приятные личности — капризные, высокомерные, чутьём этим своим кичатся, будто даром господним. — Тихон поморщился. — Но деваться некуда. Поэтому у нас есть списки лиц, подозреваемых в тягачестве, но предъявить мы им

ничего не можем. До поры. Только присматриваем, ждём своего часа. Все они в оперативной разработке. Как я тебе отдам такого человека?

— Господи, Тихон, — улыбнулась Софья и добавила зова в шалых своих глазах, — меньше всего мне хотелось бы влезать в эти ваши оперативные игры, искусные комбинации и прочий шпионский бред. Выслеживайте, ловите на здоровье, привлекайте этих своих ищек. Но какого-нибудь завалящего тягуна мне отдай... Ну, чтоб не очень нужен был, что ли. Только, чур, настоящего! Без дураков! — и рассмеялась задорно.

— Когда-нибудь я лишусь из-за тебя места, — пропыхтел старший инспектор. — Но чёрт с тобой. Есть один, залётный. Вообще-то, парень уроженец нашего города, но долго пропадал где-то, а вот не так давно объявился. И в качестве тягуна. Мы его пока сильно не крутили, присматриваемся. Так что, можешь познакомиться. Зовут его Виктор Сухов, для своих Вик. Трётся в «Шестке», это пивной бар на Почтовой. Фото и адрес смогу дать позже...

— Не надо адреса, — улыбнулась Софья, — найду.

— Ты его знаешь? — насторожился Тихон.

— Не бери в голову, Тиша, — ещё ласковее улыбнулась женщина. — Найти какого-то Вик в баре «Шесток» не такая уж сложная задача. Что их там, десятки? Да с моими-то талантами. — Теперь улыбка стала лукавой. — А для нашей встречи время подбери, чтобы на контактах с агентами не отразилось. — И снова звонко рассмеялась. — Не пожалеешь.

— Нет, всё-таки ты бесовка! — ухмыльнулся старшина контролёров. — Когда-нибудь я лишусь из-за тебя не должности, а головы...

Он ушёл в предвкушении тайного свидания, а Софья откинулась на стуле. Вон как получилось — Витька! Только ведь вспоминала, вот и говорите после этого, что нет на свете предвидения и проведения. Вик и Бас, неразлучная пара друзей. И оба были в неё влюблены, она-то знала. Девчонки начинают разбираться в таких вещах очень рано, с молодых соплей.

Бас всё вздыхал, посматривал украдкой, но подойти боялся. В драки из-за неё лез, даже если противник был и старше, и сильнее. Смешно... А Вик, тот гордый был. Видел, Софья кружит со старшими мальчишками, на них внимания не обращает. Потому тоже держался в стороне, посматривал искоса. Всё из-за гордости этой своей. Только за дружка своего Себастьяна мог горло порвать кому угодно. И старшие, крутые и понтовые, побивались Витьку, старались понапрасну с ним не связываться.

Лишь один раз подпустила она к себе Витю. На выпускном вечере, куда и идти-то вначале не собиралась — что там делать? — но всё же пошла. Всё-таки одиннадцать лет вместе, прощание-расставание, всё такое. Тогда она думала, что знает свою судьбу наперёд, в будущем успехе не сомневалась. И когда пошли выпускники по устоявшейся традиции гулять по берегу Змейки — рассвет встречать, романтика, то сё — отстали они с Виком от основной группы подвыпивших одноклассников. Теперь уже бывших одноклассников, да какое это имеет значение!..

Завалил бы он её прямо в пыльные кусты — всю такую красивую и чистую, в новом бальном платье. Голову совсем потерял, кинулся как зверь, но она уже опытная была. Уже знала, как надо: и быстренько, в три поцелуя приручив, дала — аккуратно, у деревца, не помяв и не испачкав нового платья. Почти обыденно, но в памяти почему-то сохранилось по сей день...

А он, когда взял своё, посмотрел странно. Уже рассвело, всё было видно хорошо, и взгляд этот царапнул Софью.

С тех пор они больше не встречались. Каждый шёл своей дорогой, а теперь, похоже, дорожки вновь пересекаются. Ну что ж, давай повидаемся, Вик. Мой славный Вик. Храбрый дерзкий, несгибаемый Вик.

Капитан Антон Зауер внешне не слишком походил на начальника линейного отдела полиции. Небольшого роста, узкий в плечах, лысоватый, он смотрелся скорее бухгалтером или мелким клерком. Но подчинённые ему сержанты — гренадерского роста, поднаторевшие в беге по пересечённой местности: по рельсам и шпалам вблизи движущихся тепловозов, между пакгаузов и депо, по насыпям и в колючих зарослях зелёнки — знали, что это только видимость.

Зауер начинал постовым полицейским и службу понимал. Сам не раз вступал в рукопашные схватки с мародёрами и грабителями, погоны свои заслужил ногами, кулаками и головой, потому считал себя вправе требовать с подчинённых по полной программе.

— Почему ушёл тягун? — шипел он на Петра, пригорюнившегося на батарее отопления. Двухметровый сержант молчал и смотрел в пол, пытаясь чертить носком казённого сапога замысловатую фигуру на потёртом линолеуме.

— Господа, вопрос ко всем присутствующим, — повысил голос капитан, крутанувшись на сто восемьдесят градусов. — Как такое могло случиться? Вчера вы благополучно провалили операцию, поэтому сегодня, будьте любезны — разберём полёт.

Бас немного опоздал и сейчас присел в уголке. Отсюда хорошо просматривался стол капитана: с телефонным аппаратом, заваленный какими-то папками и документами, и сам капитан, напряжённый как тетива боевого лука. Двое других полицейских, участники остальных пар, сидели у стены и тоже прятали взгляды. Судя по всему, разнос шёл нешуточный, хотя на свой счёт Бас не слишком волновался — бездумно разглядывал схемы стрелкового оружия, которыми были увешаны стены кабинета, и в которых он всё равно не разбирался.

Положение эксперта в таких случаях оказывалось двойственным. С одной стороны, Баса к работе привлекла служба ви-контроля. Привлекла как вольнонаёмного служащего, и, будучи работодателем, по логике являлась как бы и начальством. Однако контролёры никогда не посещают разборы операций. Их и сейчас ни одного в отделе не было. Сидят в своём офисе, соблюдают собственные интересы, а на вокзале появляются только под конкретные акции.

Ответственность же за поимку тягунов лежит на полиции. И показатели требуют с них. Поэтому и не любят линейные полицаи контролёров. Если вора взяли, те норовят лавры успешной операции приписать себе. Но при неудаче, как, например, вчера, делают вид, что они здесь ни при чём.

Экспертов это тоже касалось, хотя и в меньшей степени. Ровные деловые отношения Баса с полицейскими именно этого участка были скорее исключением, чем правилом. Гораздо чаще к ищейкам относятся не слишком приветливо, и виноваты в этом в первую очередь они сами. Слишком гордятся своим чутьём, своей особой ролью в ловле тягунов. Многие причисляют себя к контролёрам, и потому смотрят на ребят в полицейской форме свысока. Другие просто хотят казаться незаменимыми специалистами и относятся к остальным участникам операции как к тупым исполнителям. Всё это не способствует развитию тёплых отношений, но в полиции всё же понимают, что поймать тягуна без ищейки практически невозможно.

Бас держался полицейских: ходил на их «разборы полётов», участвовал в совещаниях, поддерживал отношения. Считал своим рабочим местом участок, а в офис контролёров ходил только за жетонами на витакс. И до сих пор у него это получалось, но сегодня события неожиданно начали развиваться совершенно в другом направлении. Зауер прошёл мимо понурившихся подчинённых и стал перед Басом.

— В первую очередь я спрашиваю вас, Себастьян Лагерь, — вперил он в переносицу Баса взгляд своих водянистых глаз. — Что помешало взять воришку?

Вопрос был поставлен, по крайней мере, некорректно. Эксперт не ловит тягуна, он лишь вычисляет и указывает объект оперативной группе. Не его дело гоняться по перронам и насыпям, оврагам и буеракам, зарослям и вокзальным помещениям. И по предместью в том числе.

— Я локализовал объект, — пожал плечами Бас. — Даже организовал преследование за пределами вокзала. Что вы ещё от меня хотите?

— Я хочу иметь положительный результат, — холодно отчеканил капитан. — Вы указали направление бегства объекта, но мои сотрудники его не обнаружили. Имеется в виду заключительный этап.

— Не совсем так, — даже слегка опешил эксперт. — Преследование велось в режиме визуального контроля объекта. Да чёрт возьми, капитан, ваши ребята гнались за беглецом по пятам! Откуда мне знать, как тягун ушёл — спросите у них!

Если быть точным, гнался Пётр с контролёром. Двое других из здесь присутствующих в погоне не участвовали. Но молчали все, и Пётр в том числе.

— Да, сержант начал преследование, но на определённом этапе потерял объект. Вопрос следующий — почему вы не присоединились к группе захвата?

Это было уже слишком. Никогда раньше захват преступника не вменялся в обязанности экспертов. Этим извечно занимались полицейские с контролёрами. За что, кстати, и получали жалование вдвое больше, чем эксперты. Что-то случилось, понял Бас. Или грядёт проверка из центрального управления, или у Зауера хромают показатели. А может, при плохоньких показателях ждут проверку. И боятся. Капитан явно ищет козла отпущения, и, похоже, нашёл его в лице Баса.

— Позволю себе напомнить, господин Лагерь, — между тем шипел полицейский начальник, зловеще понизив голос и склонившись к Басу, — это уже второй прокол за неделю. Не много ли ошибок за столь короткий срок?

Это было правдой. Предыдущего тягуна тоже упустили, и тоже не по его, Баса, вине. Себастьян чётко локализовал объект, но в тот раз неожиданно заспорили полицейский и контролёр. Вместо того чтобы бросится в погоню, эти двое начали препираться: преследовать ли беглеца по путям, или двинуть через депо в обход. В итоге время было упущено, вор скрылся.

Все эти подробности были отлично известны Зауеру. Он даже пытался надавить на контролёров: мол, что же это вытворяют ваши сотрудники! Но слушать его в управлении ви-контроля не пожелали. Заявили: со своими сотрудниками мы разберёмся сами, а вы, капитан, лучше следите за своими. Так зачем же Зауеру вспоминать сейчас этот случай, не имеющий к последней акции ни малейшего отношения?

— У каждого в группе свои обязанности, — попытался вернуться к основной теме Бас. — Я свою работу сделал...

— У меня складывается иное мнение, — не дослушал капитан. — Вы не довели начатое

до конца. Если бы вы присоединились к погоне, то могли бы постоянно направлять загонщиков. Дичь не ушла бы.

Доля истины в этом была, хотя подобное никогда раньше не практиковалось. Так Себастьян и ответил — не было ещё, мол, такого, чтоб эксперты за тягунами гонялись. Спрашивайте со своих людей: где были остальные пары, например?

— Со своими людьми я разберусь, — отмахнулся Зауер. — Но я почему-то уверен, что вы в любом случае не побежали бы...

Опа-на! Так он на моё сердце намекает, понял Бас. Конечно, к тому времени, когда фургон догнал электричку, и все они увидели спину Вика, бегать он уже физически не мог. Слишком много сил отняли события на вокзале. И что ж теперь, Бас виноват во всех грехах? Или такой эксперт уже не нужен?

— Так что получается — я вам не нужен? — спросил капитана в лоб.

Тот слегка замялся, но тут же вновь упёрся взглядом Басу в переносицу:

— Я вынужден поставить вопрос о вашем неполном служебном соответствии. Пусть решение принимает руководство совместно со службой контроля.

Означало это одно — Себастьяна могут легко выкинуть на улицу. Если полицейские откажутся от эксперта, контролёры их наверняка поддержат, не захотят портить отношений. Хрупкий паритет между двумя ведомствами диктовал целый ряд тонкостей и нюансов: отдел ви-контроля готов платить экспертам витаксом, но не желает включать их в свой штат. Полицейским эксперты нужны, но свои промахи, которые всегда случаются в любом серьёзном деле, они с радостью готовы свалить на ищеек.

И не поможет тот факт, что людей со способностью чувствовать тягунов не так много. Найдут кого-нибудь другого, заодно спишут ещё ряд провальных операций на плохую работу уволенного эксперта. Отчитаются перед начальством. А возможно, уже и есть кандидат на его место. Кто-то из своих, кого продвигает Зауер. Тоже реальный вариант.

Для Баса это означало лишиться постоянной гарантированной подпитки. А заодно и лекарств, которые он покупал на жалование. И пока найдёшь другое место... И не везде ещё нужен больной эксперт, если он не может гонять за дичью наравне с загонщиками.

Бас посмотрел на Петра. Неплохой ведь парень, неужели ничего не скажет в поддержку?

Пётр молчал. Ещё и закурил, давая понять — он устранился от разговора. Ясно, своя рубашка, точнее мундир, дороже. По всему выходило, ребята обо всём договорились ещё до его прихода.

— Знаете, капитан... — протянул Бас и вдруг испугался, что похож сейчас на разобиженного мопса и потому закончил даже резче, чем собирался: — А подите-ка вы все в жопу! На вашем участке свет клином не сошёлся. Найду местечко и потеплее, и посытнее...

— От души вам этого желаю, — усмехнулся Зауер.

Точно, вопрос уже решён. Причина неудачи найдена и оперативно устранена. А только что перед ним разыграли необходимую интермедию. Соблюди приличия.

Себастьян вышел, хлопнув дверью.

Было время, когда старшеклассник Витька Сухов водился с ватагой подростков не самого примерного поведения. До откровенного криминала дело не доходило, но и развлечения ребят приличными назвать было трудно. То драка с соседним районом — команда на команду, стенка на стенку. То разборка на танцах в трёхэтажном клубе на Сосновой (ныне закрытом: выкупил какой-то мажор, но так ничего путного в огромном помещении и не придумал, стоит теперь покинутый и заколоченный) — с самодельными кастетами и велосипедными цепями.

Случались и более мирные варианты. Например, удрать летом на реку с ночёвкой, не сказавши никому ни слова. Пусть взрослые потом хватаются за сердце и бегают, не зная, куда и кому звонить, где искать любимых детей. Это всё было по тем временам нормой поведения.

А Шестопёр был тогда ещё не владельцем бара и подпольного обменного пункта, а Валеркой Безменовым, таким же пареньком, только чуть постарше и чуть посерьёзнее остальных. И дружба их началась странно — с пистолета. Однажды Валерка отозвал Вика в сторонку, оглянулся воровато и вытащил из-за пазухи «Макаров» с потёртым воронением.

— Видал? — ухмыльнулся он с видом бывалого гангстера и покачал оружие на ладони. — Настоящая пушка...

— Ого! — подался к нему Вик. Любой мальчишка в этом возрасте равнодушен ко всяческим стреляющим штукам, пусть это даже обычный самопал. А тут... — Дашь посмотреть?

— А чего на него смотреть, — с деланной ленцой усмехнулся Валерка. — Пойдём лучше, опробуем машинку в действии.

Почему Безменов выбрал и пригласил пострелять Сухова, неизвестно, но случилось так, как случилось. Они пошли на крутой берег Змейки, речки огибающей Семигорск, отошли подальше от порта. Установили банки из-под колы и пива, и начали пробовать оружие.

Занятие увлекало. Ах, как вздрагивал от сухого щелчка выстрела пистолет в руке! Лязгала затворная рама, выбрасывая горячую гильзу, пели пули, выбивая фонтанчики из речного песка! И разлетались разноцветными сплюснутыми комками банки при попадании...

Валерка напускал на себя важный вид, поучал: «Ствол должен стать продолжением твоей руки, а полёт пули — продолжением взгляда, парень...» И где слов таких нахватался! Вычитал ведь где-то, Витька и сам читал что-то похожее, только не мог вспомнить, в какой книжке.

Да, было время, Шестопёр почитывал книги. Это уже потом отошёл он от оружия и стал рукопашником. А ещё позже начал скупать ворованный витакс. И совсем перестал читать, разве что бюллетени тотализатора.

Сейчас Вик смотрел на старого товарища и с улыбкой вспоминал детство. Шестопёр занимался любимым делом барменов всего мира — перетирал бокалы за стойкой: до блеска перетирал, до уже совершенно невозможного сияния, — и улыбался в ответ. От этого морщинки лучились от глаз и крыльев носа — вниз, к острому подбородку. На гладко выбритом черепе отражались огни разноцветных бра, установленных на витрине между

бутылок со спиртным.

— Так чем тебе дома не глянулось? — спрашивал Шестопёр, подливая Вику пива.

— Обстоятельства... — отвечал Вик, рассеянно глядя в пустой зал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Большой популярностью среди местных алкоголиков заведение не пользовалось. Да и существовало не для этого. Помещение не блистало оригинальностью интерьера, хозяин к этому и не стремился. Несколько простых столиков под не слишком свежими скатертями, пластиковые стульчики, жалюзи на окнах, опущенные круглые сутки — защита от нескромных взглядов. Цветные бра для создания хоть какого-то уюта. Но в заднем помещении, если пройти мимо двери с изображением писающего мальчика, открывалась ещё одна — глухая, без всяких обозначений. За ней находилась ви-клеть с канистрой длительного хранения.

Присматривал за всем этим хозяйством Роберт, правая рука Шестопёра. Бывший профессиональный боксёр, первая перчатка города в тяжёлом весе. Он же следил за тем, чтобы чужие и любопытные в бар не пастали. Поэтому ходили сюда чаще по делу и только свои. Те, кому вход был открыт.

— Обстоятельства, — повторил Шестопёр за Виком и вздохнул. — Я тебя за язык не тяну, надо, значит надо. От меня что хочешь?

Вик только что поделился с ним планами на жизнь — мол, уезжаю. Объяснять подробно ничего не собирался, да и требовать объяснения в этих кругах считалось дурным тоном. Но кое-что ему от Шестопёра было действительно нужно.

— Документы, — сказал тягун. — Сам понимаешь, на новом месте буду начинать, с чистого листа.

— Без проблем, — пожал плечами бармен. — Семьсот монет. Паспорт и чистый сертификат от ви-контроля.

— Что, цены поднялись? — неприятно удивился вор. — Вроде недавно в триста-четыреста укладывались?

— Поднялись, — согласился скупщик витакса. — Сейчас эту сферу другие люди контролируют. Цены установили новые, торговаться, естественно, не будут. Нравится — бери, нет — иди с миром. Я на этом, поверь, ничего не навариваю...

Или почти ничего, подумал Вик. Вот только семи сотен всё равно не было. Он собирался сдержать слово, данное вчера Себастьяну. Шесть месяцев, что он провел в родном городе, немалый срок для тягуна. Люди его профессии долго на одном месте не задерживаются. Стараясь сбить ви-контроль со следа, они меняют города, имена, образ жизни. Покупают новые сертификаты — документ, в котором отражены операции с витаксом. Вик не сомневался, ориентировка на него у контролеров и полиции наверняка уже есть.

Другое дело, что было желание поднакопить денег и завязать с тягачеством. Именно здесь, в городе, где родился и вырос. Поменять съёмную квартиру на собственную, купленную в приличном доме. А то и вовсе приобрести небольшой домик в предместье, цены это позволяли. Пройти курс в какой-нибудь платной студии, у хорошего мастера, и стать, наконец, художником. Законопослушным гражданином, добывающим хлеб насущный без риска и постоянной угрозы угодить в тюрьму.

Однако с воплощением замыслов как-то всё не складывалось. Деньги не держались, утекали сквозь пальцы. В последнее время он начал привыкать к комфорту и делать

сбережения не удавалось. Зато неплохо получалось делать долги. И время уходило, будто за спиной стоял собственный незримый тягун, постоянно потягивающий день за днём, месяц за месяцем.

Теперь ещё Бас. Вик знал друга: при всей своей несерьёзной, даже смешной внешности, он мог быть упрямым и слово своё держал. И был Себастьян прав в главном — бегать от него долгое время в условиях Семигорска не удастся. Город маленький, обязательно столкнуться ещё раз, и чем тогда закончится встреча? Бывали случаи, тягуны убивали ищеек. Редко, только если уж совсем припрёт, и выхода другого нет, — но иногда такое происходило. Вик сам однажды оказался на грани: к счастью, кровью он себя тогда не замарал, но сложись обстоятельства чуть-чуть иначе, и кто знает?

Только это никак не относилось к Басу — другу детства. На него и рука не поднимется. А вот Бас может его сдать полицейским. Даже сам того не желая — просто выполнит свою работу. Укажет очередной объект, а там — привет, это я, твой старый друг Витя...

Но суммы, которую озвучил Шестопёр, у Вика не было. Полученные от Грома деньги он тут же отдал — был должен. Теперь, даже если продать обстановку квартиры, всё то небольшое, что есть — не хватит. И что дальше — ещё раз сходить на дело? Типа, последний раз. Взять максимально, скинуть тому же Шестопёру, у него же взять документы...

Всё это не нравилось Виктору. Всё получалось как-то впопыхах. Непродуманно.

— Я подумаю, — буркнул он, отодвигая недопитое пиво. Легко спрыгнул с высокого табурета у стойки и направился к выходу.

— Заходи, если что... — раздалось вслед. — Всегда рад тебя видеть...

Сегодня погода баловала Семигорск. Тучи, непрременные спутники последних дней, наконец-то разошлись. Выглянуло солнышко, по-осеннему нежаркое, но приветливое. Город, выполосканный дождями, казался спокойным и умиротворённым.

Почтовая — улица типичная для Фуфайки. Тихая, сплошь застроенная типовыми пятиэтажками — ни банков, ни офисов. Один в один с Сосновой, где снимал комнату Вик. И в этот дневной час была она такой же пустынной. Прошагает по своим делам редкий прохожий, занятый по макушку собственными мыслями. Проскочит автомобиль, фыркнув выхлопными газами. И снова тишина.

Высоченные, почти полностью облетевшие уже тополя задумчиво смотрели на это сонное царство. Им было по сто лет, они многое видели и помнили, но никому ничего не рассказывали.

На фоне привычного монотонного пейзажа спортивная машина, припаркованная в некотором отдалении, выглядела ярким чужеродным пятном. Приземистая, с изящными обводами, сияющая лакированными боками и хромированными деталями, она невольно притягивала взгляд, будто принцесса, по случайности зашедшая в дворницкую.

Вик тоже обратил внимание на шикарное авто, но мельком — голову занимали свои мысли. Каково же было его удивление, когда автомобиль коротко просигналил, а потом ещё и мигнул фарами. Тягун невольно оглянулся — кому подаёт знак это сверкающее чудо? Но на улице, кроме него, никого не было. На лобовом стекле играли блики, рассмотреть того, кто сидел за рулём, не удавалось, но человек был в авто один. Вик подошёл, не забывая контролировать ситуацию вокруг. Тут же распахнулась дверца, что от сидения рядом с водителем. Вик склонился...

И упёрся в светлые глаза — шальные, будто наполненные вызовом, а может, готовые

насмешливо рассмеяться в любой миг. Тёмные волосы, зачёсанные на одну сторону наподобие крыла птицы, волной стекали на воротник элегантного плаща. Она выглядела ещё привлекательнее и желаннее, чем в годы ушедшей молодости, и под сердцем ёкнуло, словно поймал невзначай шальную дозу витакса.

— Хорошая машина, — нейтрально сказал он.

— Хозяйка ещё лучше, — улыбнулась она. — Садись, не укушу.

Вик устроился на сидении. Вдохнул запах салона: дорогая кожа и её духи — терпкие, волнующие.

— Здравствуй, Софья. Ты почти не изменилась.

— Здравствуй. А ты стал другим. Я же вижу. Был дерзкий и честный мальчишка, а сейчас — мужчина. Сильный и уверенный в себе. Ты уверен в себе, Вик?

И заглянула в глаза. Как тогда, после единственной их близости, будто проверяя эффект.

Вик отвёл взгляд:

— Кто сегодня в чём может быть уверен. Тем более — в себе самом...

— Женщины любят уверенных мужчин, Вик. Сколько мы с тобой не виделись? Семь лет?

— Да, именно столько. — Он не смотрел на Софью, глядел в окно. — Ты нашла меня для этого? Спросить, как давно мы не встречались?

— Почему бы и нет? — рассмеялась она в ответ. — Разве одноклассники не могут встретиться, поговорить, вспомнить былое?

— Долгое время тебе это было не нужно. С чего вдруг сейчас?

— Считай, ностальгия. Сентиментальное путешествие...

— Извини, — оборвал он. — Я не верю в твою сентиментальность.

— Я и говорю, — вздохнула Софья, — мужчина. Сильный и жёсткий. Может, такой ты мне и нужен...

— Значит, всё-таки нужен? — взглянул он искоса.

— А женщина вообще нуждается в мужчине, — ответила Софья, и что-то новое прозвучало в её голосе. То ли горечь, то ли затаённая тоска. — В опоре, в надёжном плече, на которое можно переложить в трудную минуту свои печали. Уж прости за банальность. Это заложено в нашей природе.

— Семь лет ты находила опору без меня. И, как видно, преуспела. На таких машинах разъезжают немногие.

— Это всё мишура, Вик. — Софья откинулась на сидении и побарабанила пальчиками по рулю. — Что машина? — железка. Сейчас есть, завтра — нет. А спроси, счастлива ли я? Ты ведь тоже пропал после школы. Воспользовался девушкой и ни слуху, ни духу.

Упрёк попал в цель. Тогда, после всего случившегося, его мучили сомнения: порядочно ли он поступил с Софьей? Может, она рассчитывала на что-то большее, чем мимолётный секс? И сам себе отвечал — нет. Он видел её глаза, чувствовал — его одарили милостью. Позволили отведать лакомого тела — может быть, из снисхождения, может, из любопытства, но не более. Не было там ничего — ни любви, ни нежности, ни истинной страсти. Хотя, что он знал тогда о любви, и что знал о страсти...

— Молчишь? — прервала паузу Софья. — Ты ведь не думал обо мне, правда?

— Так сложилось... — с усилием выдавил Вик. — Мы уехали...

— Хотя бы вспоминал?

Вик не нашёлся, что ответить. Первая любовь, её разве забудешь? Но и говорить об этом

сейчас не хотелось.

— Значит, вспоминал, — рассмеялась Софья. — Тогда есть предложение. Поедем сейчас ко мне. Посидим, расскажешь, как жил. Угощу хорошим вином. Ну, хоть на это я имею право?

— Вино, это хорошо, — вздохнул Вик. — Это сейчас лишним не будет. Мощный двигатель завёлся с пол-оборота, машина рванула с места.

Сбылись самые худшие ожидания Себастьяна: Зауер таки подал рапорт в управление. Списал на Баса все последние неудачи отдела, оправдался перед начальством и теперь мог чувствовать себя относительно спокойно в преддверии любых проверок, или что там у них намечается...

И отдел ви-контроля повёл себя предсказуемо — отказал в продлении контракта. Одно решение автоматически повлекло за собой другое. В итоге Бас остался без работы. Третий день он курсировал по городу в поисках нового заработка. Спасибо, хоть контролёры выдали выходное пособие, в том числе и жетонами. Ещё пару дней он сможет заправляться витаксом — будто машина топливом, с невесёлой усмешкой подумал бывший инспектор, — а потом?

В нескольких частных агентствах, занимающихся охраной от тягунов, ему отказали. Причина везде была одна: извините, вы нездоровы — пожимали плечами вежливые менеджеры по отбору персонала. В частных охранках не рассчитывают на помощь полиции, всё делают сами — выявляют и преследуют объект, задерживают, сдают в службу контроля. Отсюда и требования: молодость, здоровье, физическая сила. Это помимо чутья, разумеется... А больные сотрудники, пусть даже с уникальной способностью выявлять тягунов, здесь не нужны. Впрочем, чего-то подобного Бас и ожидал.

Та же история повторилась и в крупных супермаркетах. В одних штатные единицы ищек были уже заняты, в других таковые и вовсе не были предусмотрены. Приходите на распродажи и презентации! — повторяли в один голос молодые мужчины в дорогих костюмах и с аккуратными причёсками. На подобных мероприятиях экспертов всегда не хватает, мы будем очень рады видеть вас в эти дни!

Но подобные предложения предполагали аккордную оплату за разовую работу. О постоянной подпитке витаксом здесь и речи не шло. Бас знал ищек, перебивавшихся случайными заработками. В городе действительно довольно часто происходят самые разные события, собирающие толпы людей: от премьеры нового фильма до ярмарки мёда, который привозят пасечники даже с отдалённых хуторов. Если внимательно отслеживать все эти события, держать нос по ветру и везде успевать, можно жить и с таких доходов.

Но только в том случае, если витакс не нужен тебе ежедневно. Если ты здоров и можешь без потерь дожидаться следующего приглашения. А как раз этого Бас себе позволить не мог. Витакс нужен был ему как воздух.

Этими горькими рассуждениями начался первый безработный день Баса. На Беговой, у ви-пункта, под рекламным постером, зазывавшим на Канары. Тогда он заправился на жетоны, полученные от контролёров в виде отступного, и прикинул перспективы, наметил план действий. И сейчас, на исходе третьего дня безуспешных поисков, когда всё сложилось в соответствии с самыми неприятными предположениями, ноги принесли его сюда же. Результат был нулевым, и на будущее сохранялась та же горестная, безысходная нотка — куда податься бедному, больному, никому не нужному эксперту?

Хоть подавай объявление в газету. Слышал Бас, некоторые бессмертные берут на службу собственных ищек, поле своё берегут. Но попасть к такому боссу штука непростая — нужны связи, рекомендации. А где их взять, не у Зауера же!..

Он печально смотрел на пальмы и море. Эх, далёкий сказочный мир! Почему-то ему казалось, что на солнечных берегах нет ни воров, ни ищеек. Люди живут беззаботно, весело и счастливо, не ведая нужды. А тут и пожаловаться некому. Маме лучше вообще ничего не говорить, с её-то здоровьем. Можно делать вид, что продолжаешь ходить на службу. Вот только где жетоны брать? Эти-то скоро закончатся...

Стоп, сказал себе безработный эксперт, хоть одного человека он может порадовать случившимся прямо сейчас. Почему бы не вернуть Вику его обещание: уехать и не рисковать встречей со школьным товарищем в роли гончего. Нет больше гончего по имени Себастьян Лагерь. Уж в полицию-то он точно не вернётся...

К счастью, друг детства оказался дома. Вик открыл сразу, будто ждал за дверью. Улыбнулся, схватил за мокрую куртку и втянул Баса в прихожую. Приобнял. За окном опять полоскал дождь: с куртки текло, и на паркете быстро образовывалась небольшая лужица. Стоптаные башмаки эксперта оставляли на полированном дереве грязные рубчатые следы. Но друзья не замечали этого.

— Входи, дружище, — радостно проговорил тягун. — Хорошо, что зашёл.

— Да вот... — замялся эксперт. — Проходил мимо, дай, думаю...

— Вот и молодцом. Сейчас сделаем глинтвейн. Обсохнешь, согреешься. Поговорим...

Он помог раздеться, провёл в комнату.

— Ты присядь, — указал на диван, — я сейчас...

И тут же направился на кухню: с характерным стуком встала на плиту посуда для смешивания вина и воды, захлопали ящики и дверцы шкафа. Вот, чмокнув, пробка покинула бутылку, и забулькало вино. Зашипел газ в конфорке...

Бас присел на диван и откинул голову на высокую спинку. От всех этих звуков — домашних, уютных, от присутствия Вика, хозяйничавшего на кухне, оттого, что всё в этой комнате было так же надёжно и приветливо, как и сам хозяин — стало на душе удивительно спокойно и тепло. Веки отяжелели и прикрыли глаза. Эх, старый друг, и почему так неправильно устроена жизнь?

Вик с приглушённым звоном перемешивал глинтвейн в посудине, потом невнятно поговорил с кем-то по телефону. Бас не разобрал слов — после дня беготни и переживаний он слегка задремал. Тело стало невесомым, ему казалось, он плывёт куда-то: может быть к сказочным берегам? Туда, где тёплые волны ласкают берег, и пальмы кивают ему своими растрёпанными головами?

— Эй, Бас, не засыпай! — Голос друга заставил вскинуться, сесть прямее. — Ночь ещё не наступила, давай вначале согреемся глинтвейном.

Он внёс и поставил перед товарищем дымящуюся кружку. Не бокал, не стакан — именно кружку.

— Пей. Напиток не крепкий, но горячий и со всеми необходимыми добавками.

Глинтвейн головокружительно пах корицей, гвоздикой, имбирём и ещё чем-то сладким и духмяным, и Бас не выдержал: расплакался как ребёнок и вывалил другу все свои горести. Тоску и обиду, жалобу на несправедливость судьбы — как мольбу о сострадании.

Говорил взахлёб, откинув ставшие ненужными очки и размазывая слёзы по щекам.

Вик внимательно слушал.

— Выходит, — промолвил он, дождавшись паузы в излияниях друга, — и я руку приложил к твоим несчастьям?

— Да брось, Вик, — отмахнулся Бас. — Не ты, так нашёлся бы другой повод.

Полицейские использовали удобный случай.

— Значит, — подытожил вор, — такая тебе благодарность за беспорочную службу? Не густо. И что дальше собираешься делать, штурман?

От этого обращения, взятого из далёкого детства, из радостных и беспечных детских игр, Себастьян оторопел. Все варианты устройства собственного будущего вмиг вылетели из головы, осталась одна растерянность. И обида.

— Не знаю... — Шмыгнул носом. — Найду что-нибудь...

А Вик уже сидел рядом — спокойный, собранный, надёжный.

— Не пора ли о себе подумать, дружище? — спросил он и сам как бы удивился своевременности и простоте вопроса. — На государство ты уже горбатился, результат налицо. Дальше что? Туда тебя не взяли, сюда не берут, там тоже не ждали. Побегашь, обобьешь все пороги, до которых сможешь дотянуться — везде откажут. Или накормят туманными обещаниями. А витакс тебе нужен уже сейчас, я правильно понимаю?

Бас кивнул, заглядывая Вику в глаза. Молча ждал продолжения.

— А если я скажу тебе, что есть возможность заработать много и за короткое время? — Тягун пытливо смотрел точно в зрачки. — Несколько дней, и ты богат. Деньги, витакс — всего вдоволь. И можно уехать из родного города и начать жизнь с чистого листа...

— Так не бывает, Вик, — невесело улыбнулся Бас. — Мы уже не дети, планета Хаос давно исследована и освоена. Если быстро и много, значит незаконно. Это аксиома. Или ты нашёл в Семигорске золотоносную жилу?

— Нашёл, и не спеши отказываться. Ты всю жизнь соблюдал закон, более того — защищал его. Много тебе это дало? Выбросили, как использованный... шприц, уж извини за непоэтическое сравнение. Пойми, Бас, такой, какой ты есть — честный, готовый исполнять долг и служить людям, ты никому не нужен. Сам говоришь — ни полиция, ни ви-контроль тебя обратно не возьмут. С «частниками» дело обстоит ещё сложнее. И что, подышать под забором?

— У тебя есть предложение? — покорно нацепил очки эксперт.

— У нас с тобой есть способности, — отрезал вор. — Уникальные, дающие нам огромные возможности. И ни ты, ни я не можем их применить с пользой для себя. В первую очередь — для себя! — подчеркнул, как ножом вырезал.

— Мне казалось, у тебя это получается...

— Тебе показалось. Ну, правда, Бас — что есть тягун? Мелкий воришка, тянущий из поля незадачливых сограждан крохи. А чего стоят эти постоянные переезды? Только маломальски обживёшься, привыкнешь к месту и людям — подъём! Контролёры на хвосте — хватай мешки, вокзал отходит! Скажу честно, хотел я накопить денег со своих нелегальных доходов, бросить ремесло и выучиться, наконец, на художника. Зарабатывать на витакс и хлеб насущный честным путём. И шиш, что получилось! Ни денег, ни долголетия. Тут нужен рывок, а потом... потом можно переписать судьбу.

— Конкретно?

— Появилась возможность тянуть помногу. И сразу на конденсатор. В несколько дней мы насобираем витакса лет по пятьсот. На каждого...

— Всё-таки тянуть, — опустил голову Бас. — А я то надеялся...

— Пойми, у нас нет других возможностей! Я умею только это, ты тоже обладаешь вполне специфическим даром, в других областях мы ничего не значим. Но в пределах своего поля...

— Ладно, — прервал эксперт, — пусть ты сможешь насобирать много витакса, хоть я и не представляю, как это возможно сделать практически — какова моя роль?

— Мне одному не потянуть, — ответил вор. — Нужно прикрытие, надёжный тыл. Ты долго служил в полиции, знаешь экспертов. Сможешь узнать бывшего коллегу в толпе?

— В лицо я их всех знать не могу, но я их чувствую. Та же картина, что и с вами, тягунами, только не так ярко. Звон в ушах, дрожь под ложечкой... Оттенки немного другие, но принципиальной разницы нет...

— Это у каждой ищейки так? — удивился Вик.

— Нет, — усмехнулся Бас, — у кого я ни спрашивал, никто другой подобного не замечал.

— О чём я и говорю — мы ж с тобой уникамы! Я сразу заподозрил что-то подобное, как только увидел тебя у своих дверей. Тогда, после гона. По всем правилам я должен был оторваться, а ты, эксперт, просто обязан был кусать локти где-нибудь в управлении. А тут — здрасьте!

— Да и я не видел раньше, чтоб тягун столь резво тащил такой большой кусок. Ты тоже меня удивил, командор.

Пришла очередь улыбнуться Вику. Всё-таки память о детских играх жила в них обоих неистребимо, и это сближало несравнимо больше, чем денежные, или какие-то другие интересы. Они оставались друзьями.

— Ну что, договорились, штурман? — протянул руку Вик.

Но Бас положил сверху свою ладонь и с силой нажал, опуская протянутую руку:

— Нет, Вик. Не договорились. Я так не могу. Не могу против своих...

— погоди, дружище, — оторопел Вик, — какие они тебе свои? Эти волки выгнали тебя под зад коленом, о чём ты говоришь?!

— Всё равно, — помотал кудлатой головой Бас. — Теперь ты постарайся меня понять. Это будет предательство.

— Ты чокнутая ищейка... — растеряно пробормотал вор.

— Наверное. Но иначе не могу. Как я буду смотреть им в глаза?

— Тебе не нужно заглядывать им в глаза, — напористо выговорил Вик. — Они отвернулись от тебя! Сделаем дело, и на все четыре стороны.

— Всё равно. Сам-то я буду знать о своём предательстве...

В комнате повисла тишина, и в этой тишине особенно отчётливо прозвенел дверной звонок.

Софья волновалась. Когда Вик позвонил и сказал, что Бас у него, и что нужно встретиться и всё обсудить, она вдруг отчётливо поняла — войти в это дело будет легко, а вот выйти?..

После того памятного свидания с Виктором прошло три дня, и всё это время Софья пребывала в странном состоянии. Влюбилась, что ли? Подобного она не ожидала, или правду говорят, что менее всего человек знает самого себя? Но откуда иначе эта лёгкость в движениях, летящая походка и беспричинный смех? Постоянное ожидание чего-то радостного и светлого, будто в детстве накануне праздника.

Словно ей опять пятнадцать, и не было прошедших лет, полных потерь и разочарований.

Тогда, сидя в машине и направляясь к гнёздышку, она исподволь наблюдала за Виктором. Внешне вроде всё тот же Витька: прежние светлые, очень коротко подстриженные волосы, острые скулы, упрямый подбородок. И крупнее, солиднее Витька не стал ни на грамм — сухощавый, лёгкий, подвижный, словно всё ещё подросток. Только движения точные и скупые.

Но это только внешне, не стоит обманываться. Изменился парень за эти годы: стал жёстче, увереннее, серые глаза смотрят по-другому — вместо юношеской непокорности и дерзости настороженная готовность к действию, к отпору.

Она невольно прикинула возможные перемены на себя — вроде тоже ещё ничего, стройность и женская привлекательность присутствуют. Хотя, не будем себя обманывать — некоторая тяжесть все же появилась: в бёдрах, в попе... С другой стороны, объёмная попа женщину не портит. Но того кулачка, упругого и вёрткого, который так приманивал взгляды и пацанов-хулиганов, и взрослых мужчин, конечно, уже нет.

Тем более, подумала она, нужно решить вопрос раз и навсегда. Урвать билет в мир бессмертных и закрыть тему. Время, чёрт его побери, неумолимо, и сколько не занимайся фитнесом и гимнастикой — природу не обманешь. Даже витакс, продлевая жизнь и улучшая здоровье, не стирает полностью следы прошедших лет. Человек вроде как консервируется, сохраняется в приличной форме, но омолодиться, стать вновь юной и свежей никому ещё не удавалось. Это замечено давно.

Так вот и уходит с годами основной козырь. И что останется — глухие сожаления? Слезы в подушку и жалкое существование на иждивении какого-нибудь стареющего фраера... Фу, гадость какая!

Нет уж, всё надо делать сейчас. Торопиться, конечно, тоже не следует, поспешишь — людей насмешишь, а себе могилу выроешь. Но и терять попусту драгоценные дни нельзя. И сделать это всё надо с Виком: вон, шальной блеск в глазах-то остался, не сотрёт его ни семь лет, ни двадцать.

За размышлениями не заметила, как доехали до гнёздышка. Вик тоже молчал. Поднялись, зашли, и не перемолвились даже двумя словами, как началось сущее сумасшествие. Софья понять не успела, как оказалась на диване — голой, трепещущей, в объятьях этого сильного молодого мужчины. И это был уже не тот Вик, бросившийся на неё в кустах на берегу реки, неумелый и разъярённый. Опытный, изобретательный любовник. Так танцор экстра класса ведёт партнёршу — уверенно, даже повелительно, и оттого хочется

покоряться ему ещё больше.

Ай, как хорошо было! Что там Залеский с его унылыми ласками!.. Витька знал, как доставить удовольствие. Знал и делал. И только гораздо позже, когда выпил он её всю — до доньшка, до самой последней капельки! — остывая от любовного безумия среди измятых влажных простыней, вспомнила — зачем, собственно, пригласила к себе одноклассника.

— Я думала кофейка попьём, — сказала она, томно потягиваясь, а самой стало смешно. Разве сравнится благопристойная беседа под кофе с такой вот гимнастикой! — Ну, или может, вина...

— Ага, — кивнул Вик, — вино ты обещала. Теперь можно и вина.

— Ну да, отважный рыцарь покорил неприступную крепость, теперь будем праздновать победу.

— Покорить тебя я мечтал в дни нашей юности, — негромко ответил он, будто с сожалением, и Софье сразу вспомнился тот его взгляд у реки, после их первой близости. И царапнуло так же, как тогда. — Много бы я отдал за это...

— Несмотря на прошедшие годы, рыцарю удалось доставить принцессе много-много радости, — попыталась она перевести разговор в шутку.

— Я не рыцарь. — Вик шутки не принял. Голос его неожиданно стал жёстче: — Да и ты не принцесса. Уж извини, Соня, я не очень верю, что нужен тебе как собутыльник и собеседник. Даже как любовник — не нужен. Думаю, всего этого у тебя в достатке. Что ты задумала?

— Много ты понимаешь в том, что нужно женщине... — проворчала она, и подумала: что ж, так даже лучше — без прелюдий, без длинных разговоров о любви и дружбе. Поделовому. Постель, это одно, дело — другое. И рассказала о своих замыслах.

— Откуда ты узнала, чем я занимаюсь? — напряжённо спросил он.

— От начальника регионального отдела ви-контроля, — честно ответила она. — Есть, знаешь ли, возможность. Ты у них на заметке, так что времени у нас на раздумья не так много. — Легко выделила голосом «нас». — Самое время взять куш и скрыться.

Виктор задумался. Виктор смотрел недоверчиво. Явно прикидывал что-то, но не отказался сходу, а попросил время на размышление.

Они всё-таки выпили вина, даже поболтали ещё немного: вспомнили школу, Себастьяна, класс. Вик поспрашивал: кто, где, кем? Сам, мол, долго не был в городе и ничего не знает. Софья рассказала, что слышала, но она не слишком интересовалась жизнью бывших одноклассников. Тема быстро исчерпалась, и оказалось, что говорить больше не о чем.

Вик ушёл, но обещал позвонить. И выполнил обещание на следующий день к вечеру: сказал, что в принципе согласен, нужно только продумать детали; сказал, что нужен будет помощник, и он знает, кого взять — Себастьяна. Баса?! — поразила Софья. Да, ответил Вик, он эксперт и сможет оказать неоценимую помощь. Нужно только уговорить...

Теперь Софья ехала к нему. И волновалась, как девчонка перед первым свиданием. Неожиданные лёгкость и воздушность тела, появившиеся в последние дни, не покидали её. И предчувствие, предвкушение праздника, совершенно неуместное сейчас, тоже. Даже трезвая мысль: влезть во всё это будет легко, а вот вылезти? — не омрачала радость предстоящей встречи.

Вот и облезлая дверь подъезда — быстрее сквозь неё! — граффити неприличного содержания — мимо! — филёнка с номером и звонок — нажать!

Вик открыл через секунду, лицо обескураженное. Она вошла, ещё чуть-чуть задыхаясь, не находя слов, кроме банального «привет», — и сразу в комнату. Тут же встретилась глазами с собственным портретом, и словно в лицо ударил упругий поток раскалённого воздуха, растёкся жаром по коже. Чуть не сбилась с шага, не ведая, что точно так же здесь недавно споткнулся Себастьян.

И как от глотка острого ледяного шампанского побежали, кажется, пузырьки по венам, и закружилась голова...

А Бас совершенно не ожидал её появления. Как видно, Вик ни словом не обмолвился кто сейчас придёт.

— Соня! — он вскочил. — Вот так встреча! Как ты здесь?!

— Мальчики, — улыбнулась она, — я страшно рада видеть вас обоих.

Безошибочным женским чутьём Софья вмиг определила, что выказывать предпочтение сейчас нельзя. Всё своё приподнятое настроение, всю радость и волнение от встречи с Виком следует распределить поровну. И направить в нужное русло. Деловое русло.

Но не сразу. Главное, не спешить...

— Давайте присядем, — пригасила она с задорной улыбкой. — Вик, что вы пьёте? Глинтвейн? Я тоже хочу! И обязательно в кружке...

Бас стоял навтыжку, поедая её глазами, и был похож на добродушного растерянного пса, завидевшего хозяина, но не получившего никакой команды. И оттого ещё более растерянного.

— Бас, сядь, — приказала Софья. — И рассказывай: где ты, как ты, с кем ты?

Тут Вик принёс ещё глинтвейна и обстановка начала постепенно разряжаться. Ещё несколько вопросов, округлить глаза, вздохнуть и ахнуть — и вот встреча переходит в фазу лёгкого общения, с бесконечными: «А помнишь?..» — «Ага, а ты тогда!..» — «Нет, это ты...»

И далее — все приметы приятных воспоминаний.

Софья знала: Вик должен склонить Баса к сотрудничеству, вовлечь в задуманную аферу. Судя по выражению лица, у вора пошло что-то не так. Что ж — не зря же Бас был в неё влюблён. В таких вещах женщины не ошибаются. Она знала, как посмотреть, и как улыбнуться, чтобы в голове мужчины появились вполне определённые мысли.

И когда атмосфера стала уже совершенно дружеской и непринуждённой, когда Себастьян начал глядеть на неё не просто с обожанием, а преданно, да ещё рассказал о своей хрустальной мечте — растрёпанных пальмах на берегу тёплого моря, — поняла: пора! — и пробросила как бы невзначай:

— А что, Бас, как тебе предложение нашего Вика? По-моему, очень дельно...

— Как, и ты?.. — эксперт опять потерял опору. — Я думал, мы встретились...

— Встретились, Себастьян, встретились. — Она успокаивающе погладила Баса по колену. — Вик предложил повидаться, я ему за это так благодарна! Чудесный получается вечер, даже не думала, что в вашем обществе мне будет так хорошо и уютно. Но идея уж больно заманчивая. — Повернулась к Виктору и вроде чуть шутливо: — Ты всё объяснил нашему эксперту?

— Не успел, — повинился сообщник. — Может, ты? У тебя чудесно получается...

— Есть человек. — Софья заговорила нейтральным тоном, как о вещах обыденных, само собой разумеющихся. — Большая шишка в «Партнёре». Что за концерт объяснять, надеюсь, не надо. Человек имеет доступ к их последним разработкам, а это: во-первых, новые портативные конденсаторы ёмкостью по двести пятьдесят лет, и второе, — привод для

забора витакса. Конденсатор маленький, выглядит как обычный кейс, и привод портативный, помещается на теле, под одеждой и позволяет сразу сбрасывать улов. Дальше всё просто: Вик тянет, через привод наполняет конденсаторы. Человек сможет достать два портативных, и три «чемодана» по пятьсот лет. Нас трое — каждому по чемодану...

— Ты сумеешь? — с сомнением протянул Бас, глядя на Вика.

— Сумею, — уверенно ответил тот. — Если всё обстоит так, как говорит Соня, то ничего трудного. Это удержать улов непросто, утащить его с точки съёма. А когда тут же сбрасываешь на «железо», то без проблем...

— Я думаю, у тебя будет возможность попробовать, потренироваться, — поддержала Софья. — Но и много времени нам не дадут. Мой человек сможет взять оборудование на три-четыре дня. При самом благоприятном раскладе — на неделю. Так и рассчитывайте.

— А кстати, что за человек? — заинтересовался Бас.

Вик тоже посмотрел с интересом, в прошлую их встречу Софья не объясняла ему подробно, кто есть Залеский.

— Пусть это вас не волнует, мальчики, — твёрдо проговорила она. — Полностью моя проблема. И делиться с ним буду сама, так что вам, как и сказала, по чемодану. Если согласны на такие условия, то договоримся.

В своих силах она не сомневалась. Залеский уже почти позволил себя уговорить во время прошедшей бурной ночи. Даже титанических усилий и большого количества слов не потребовалось. Инженер крепко запал на неё и готов был, кажется, на всё, чтоб только Софья была рядом.

— Согласны. А ты, эксперт, меня прикроешь, — утвердил Вик.

Расписался за обоих. Как делал это ещё в школе, когда было трудно, когда нужно было брать на себя ответственность за всё. Если Бас не может быть капитаном корабля, то Вик может.

— И ты обязательно попадёшь на свой заветный берег, Себастьян, — проникновенно заглянула Софья в глаза Баса. — Обещаю. Я сама отвезу тебя туда...

Вик открыл коробку серого картона и осторожно вытащил увесистый округлый предмет размером с чайное блюдце, но толще и тяжелее. «Блюдце» было сделано из матового, чуть шероховатого на ощупь металла. Передняя сторона была гладкой, без каких-либо отверстий, кнопок или регуляторов. На задней крышке имелись крепления. К «блюдцу» придался пульт всего с двумя кнопками.

Крошечную мансарду они с Басом сняли именно для этого: получить аппаратуру, подготовиться, составить план действий. Нашли объявление в газете и приехали сюда, на окраину Фуфайки, на границу с предместьем. Чистенькой аккуратной старушке заплатили за неделю вперёд, получили ключи и поднялись под самую крышу пятиэтажного дома. Жить здесь, наверное, было нельзя, а устроить временный штаб — вполне.

Комнатушка два на три метра, из убранства только широкая кровать и тумбочка. В углу — вешалка для верхней одежды. Никакими другими удобствами для жильцов старушка не озаботилась. Зато окно занимало, по сути, всю внешнюю стену, и из него открывалась знакомая панорама предместья: одноэтажные коттеджи, узкие улочки — дворики, клумбы, палисадники. Сонное неспешное течение жизни.

Летом здесь всё утопает в зелени, и воздух наполнен дурманящим ароматом цветов. Но в эту осеннюю пору деревья понуро качали голыми ветвями, пустые газоны кисли под дождём, и людей не было видно совершенно. Казалось, жизнь здесь на зиму замирает — такое место, собственно, и выбрали.

А вдали возвышались громады Центра. Нарядные дома стояли неприступной стеной, отчуждённо и вызывающе. Высокомерно поглядывая на приземистые окраины, будто подчёркивая свою обособленность и недоступность для прочих смертных. Мир больших денег, власти и ослепительных возможностей — земное прибежище небожителей. Мир бессмертных.

Позавчера удалось-таки уговорить Баса. Основная заслуга в этом принадлежала Софье. Вик подозревал, что друг детства может быть упрямым, но не до такой степени. Только женские чары и двойной напор помогли сломить его сопротивление. Держался за свою честность и верность долгу как ребёнок за любимую игрушку. Это после того, как полицейские вышвырнули его вон.

Такая настойчивость удивила Вика, но и заставила задуматься. Он ведь сам мечтал выбраться из ямы воровской жизни и стать законопослушным гражданином. Или нет? Этот вопрос Вик задавал себе многократно, и каждый раз отвечал на него по-разному. Он знал тягунов, пытавшихся бросить своё опасное ремесло — почти никто не смог. Отходили от дел по причине преклонного возраста, болезней, или под давлением каких-то особых обстоятельств — это случалось. Например, Вик слышал историю вора, который безумно влюбился в женщину, бросил всё и уехал с нею за границу. По слухам он и сейчас живёт где-то размеренной жизнью обычного обывателя. Наверное, счастлив...

Наконец, тягуны банально гибли на скользких и кривых дорожках тягачества. Отлично понимали возможность фатального исхода своей профессии, но, не смотря на это, не спешили распрощаться со своим опасным ремеслом. При этом многие строили планы будущей спокойной жизни: вот, мол, накоплю легальный счёт в ви-банке, куплю домик (или

кафе, или бензоколонку) и заживу как все люди. Но на деле уйти «в завяз» по собственному желанию удавалось единицам. яз" к, по желанию, уйти", но и заставила задуматься

То ли способность вот так, в лёгкую брать из чужого поля энергию приносила в жизнь тягуна особый интерес и остроту. То ли привыкали они, имея под рукой постоянную подпитку, жить одним днём, не строить планов, не вить гнёзд. Мотаться по стране, как перекасти-поле. Жизнь обыкновенного человека эти хищники, загнанные в сытное безопасное стойло, воспринимали как пресное и унылое существование.

С другой стороны, ежедневная опасность утомляла. Надоели бесконечные скитания, все эти берлоги, снятые на два-три месяца. Не зря Вик принялся обставлять нынешнюю свою квартиру. Тоже ведь временное жильё! — но обустроивал её так, как никогда раньше этого не делал. Даже подобие художественной мастерской организовал. И написал портрет Софьи...

А девочка молодец, умеет уговорить кого угодно. Вик совершенно не удивился, когда на следующий день прозвучал звонок, и чуть неуверенный мужской голос произнёс в трубку:

— Виктор Сухов? Давайте знакомиться, я — Залеский. Как вам передать аппаратуру?

Договорились воспользоваться старым испытанным способом: инженер оставляет прибор и портативные конденсаторы в камере хранения центрального вокзала, сообщает её номер и код по телефону. На парковке у вокзала Вик обещал поставить автомобиль, в багажник которого нужно погрузить канистры.

— Конденсаторы будут выглядеть как обычные чемоданчики, — бубнил в трубку Залеский. — Две ёмкости по двести пятьдесят лет. При досмотре сканером они не идентифицируются.

Вик не верил своим ушам. Одно дело услышать такое от Софьи, которая могла и напутать что-нибудь (хоть на неё это совершенно не похоже), другое — от специалиста, профессионально разбирающегося в вопросе. Ясно, в банках есть очень большие резервуары, но это громоздкие стационарные агрегаты, а чтоб вот так, в виде носимых предметов!..

— Привод — тоже небольшой, компактный прибор, — продолжал специалист. — Его легко расположить и закрепить под одеждой. Инструкцию по использованию я вложу. Ещё с меня три канистры ёмкостью по пятьсот лет, но каждая из них размером с хороший чемодан, в камеру хранения с ними обращаться рискованно...

Тут Вик и предложил вариант с автомобилем на стоянке.

— И запомните, — заключил Залеский, — времени у вас три дня. От силы плюс сутки, но более длительный срок прикрывать отсутствие аппаратуры я не смогу. Если хватятся, от безопасников концерна нам не отвертеться. Надеюсь, вы понимаете всю серьёзность положения?

— Понимаю, — вынужден был согласиться Вик. Вот как: Софья говорила о неделе, а сроки, оказывается, ещё более сжаты. — Хорошо, будем укладываться в три дня.

— Дай-то бог... — пробормотал инженер и отключился.

По окончании разговора Вик покинул квартиру и нашёл на Фуфайке адрес: невзрачное трёхэтажное здание, каких здесь много. На первом этаже проживал неприметный гражданин, специализацией которого были угоны автомобилей. При этом угонщик предоставлял транспорт, которого гарантированно не хватятся в ближайшие двадцать часов. Каким образом он этого добивался, оставалось тайной, но факт этот был хорошо известен в криминальных кругах города.

Адрес Вик заполучил ещё по приезду в Семигорск от местного смотрящего.

Необходимость часто менять место жительства приучила не пренебрегать законами воровского мира. Вик всегда представлялся местным авторитетам, платил долю в общак, хотя тесных контактов ни с кем не поддерживал — тягуны всегда держались особняком.

В результате на стоянке у вокзала с раннего утра появился скромный, но приличный автомобиль недорогой марки. Номер и приметы авто Вик узнал по телефону и тут же сообщил Залескому. Передача прошла успешно. Внутри ячейки оказалось всё, о чём договаривались: два конденсатора, действительно не отличимые от обычных пластиковых кейсов, и серая коробка с антенной. В угол мансарды, под вешалку, перекочевали из брошенного авто три громоздких свёртка. Через нейлон проступали жёсткие рёбра канистр. Вор отвернул край упаковки на одно из них и прочёл под дисплеем счётчика: «Ёмкость длительного хранения. 182 500 единиц. Для использования в банках и приёмных пунктах».

Сейчас Вик сидел на застланной кровати и вертел в руках «блюдец» из шероховатого серого металла. Бас примостился рядом на корточках и с любопытством наблюдал за действиями друга.

— Понятно, — заключил тягун, прочитав недлинный текст на листке бумаги. — Действительно, ничего особенно сложного. Гнезда для подсоединения, пульт управления, питание. Наладил, нажал кнопку и готово — это волшебное блюдецко должно сосать витакс из поля как пылесос. Ну-ка, помоги мне, — обратился он к Басу.

Вместе они, применив обычный ремень, приладили «блюдец» на груди Вика. Он подвигался, покрутился на месте, даже попрыгал.

— Удобно, — отметил удовлетворённо. — Нужно опробовать приборчик. Давай, друг, ты ведь теперь мой напарник, хоть тягуны парами и не работают. Собирайся, сходим на охоту.

— Вик... — Бас посмотрел на друга почти жалобно, — ты уверен, что это не опасно?

— Ни в чём я не уверен, штурман, — постарался ответить вор как можно беззаботнее и подмигнул. — Но где наша не пропадала. Слышал, что Софья выпытала у своего папика? Прибор прошёл все стендовые испытания. Работает чётко. А обратного пути у нас всё равно нет: три дня плюс сегодня.

Он подключил пульт, открыл кейс и быстро разобрался с нехитрым управлением. Привод сбрасывал витакс дистанционно, что было очень удобно. Тягун надел свободную куртку, отдал конденсатор товарищу, и охотники спустились на улицу.

Неподалёку от дома располагался рынок, а на рынке — пивная. Качество тамошнего напитка вызывало большие сомнения, но вокруг заведения тёрлись с утра и до позднего вечера местные алкоголики. Вкус продукта и его свежесть их не интересовали: покупая у рыночных торговков сивуху, воспаляющуюся от зажжённой спички, они мешали её с разбавленным пивом и употребляли крепчайшего «ерша» с огромным удовольствием.

Обычно Вик у пьяниц не тянул. Поле у любителей горячительного рыхлое, будто свалявшееся комочками, и в то же время липкое, как скатерть, залитая дешёвым вином. Вору казалось, что о такое поле можно испачкаться, — замарать, замазать тот загадочный и столь важный для тягуна орган, который позволяет забирать витакс, и что после такого контакта станет он мутным и никуда негодным. Это было иллюзией, но иллюзией стойкой и очень неприятной.

Реальность же была такова, что алкоголики отдавали жизненный потенциал неохотно и скупно. Частенько обычные усилия приводили к съёму всего нескольких единичек. Видно, существовал некий природный закон, охраняющий горько пьющих людей. С другой стороны

то, что витакс при неумеренном потреблении спиртного расходуется, было известно давно. Алкоголики буквально сжигают себя в голубоватом спиртовом пламени, и умирают, когда энергия жизни заканчивается. Поэтому всегда существовала опасность, что забор «на глазок» от истощённого объекта может оказаться для него последним.

Возьмёт и грохнетя посреди съёма, и начнёт умирать — что тогда делать?

По этим причинам Вик с алкашами не связывался, но сейчас пошёл именно сюда. Он хотел опробовать аппаратуру, а для проведения испытаний около пивной были свои резоны. Во-первых, здесь постоянно толкались любители пропустить кружечку, снедаемые неутолимой жаждой, и посреди бела дня в этой компании можно было заниматься чем угодно без риска, что кто-нибудь обратит на тебя внимание. Во-вторых, на случай, если объекту станет дурно, имелось вполне правдоподобное и естественное объяснение: перебрал человек, бывает. Событьльники вызовут неотложку, и все дела.

Далее — а если не поздоровится самому Вик? Это перед Басом он напускал на себя бравый вид, — мол, всё ему нипочём. На самом деле вор опасался осложнений. Мало ли: пропускать через себя большие, — да и малые тоже, — дозы витакса ему ещё не приходилось. Это ведь совсем не то, что отработанная методика удержания. Как среагирует организм, не подведёт ли в самый ответственный момент? Тогда Басу придётся его спасать...

Наконец, была ещё одна причина — контролёры сюда не заглядывали. По одной простой причине — тягуны здесь не появляются.

Вот и пивная: огороженный павильон с кривовато врытыми в грунт одноногими столиками. За окном раздачи маячил здоровенный детина: то ли Тарас, то ли Потап, Вик точно не помнил. Он профессионально наливал пиво в гранёные кружки, которые здесь традиционно называли бокалами, избыточным напором создавая высокую шапку белой пены. Вообще-то, это был откровенный недолив — если дать кружке постоять, в ней останется всего две трети содержимого. Но отстоя тут никто не ждал: посетители торопливо припадали к бокалам, жадно втягивая в себя мутноватую жидкость.

Вик с Басом тоже взяли по одной и стали в сторонке. Время всё же было раннее, мужики с испитыми рожам забегали ненадолго, глотали пиво как лекарство, и, не задерживаясь, топали дальше. Но за дальним столиком явно собиралась компания завсегдатаев, и скоро их количество достигло пяти человек. Они-то и заинтересовали Вика.

Вначале от столика слышался громкий смех. Один из выпивох, длинный и худой, рассказывал что-то смешное, и компания дружно поддерживала его одобрительным хохотом. Но постепенно тональность беседы стала меняться. Может, сказано было что-то поперёк, или длинный принял уже изрядно, но в голосе его зазвучала угроза. Он явно напирал на широкоплечего крепыша, а тот вяло отмахивался, вызывая смех окружающих короткими репликами.

То, что надо, подумал Вик. Пьяная ссора — особая песня. Поле начинает ползти по швам, не нужно ни особых навыков, ни старания — витакс начнёт изливаться сам. Хоть проводи показательный урок для начинающих тягунов.

Он слегка прищурился, левой рукой нащупал пульт в кармане. Сейчас судьба давала ему последнюю возможность отказаться от задуманного. Сейчас ещё можно выключить загадочный «пылесос», вернуть оборудование инженеру и забыть всё как сон. Станный и тревожный сон из тех, что приходят перед самым пробуждением, и проснувшись, ты мучительно соображаешь, пытаешься понять — сон это был вообще, или явь? Некое иное

измерение, где жизнь течёт своим чередом, и события происходят помимо твоей воли?

Но в следующий миг всё изменилось. Всё стало немного по-другому: фигуры людей виделись теперь ярче, контрастней, будто попали под луч мощного прожектора. И словно взметнулась легковесная пыль в этом луче, припорошила силуэты, и вокруг ярких, но в то же время чуть плывущих контуров возникло вязкое перетекание. Грязно-жёлтое, неверное и зыбкое, с блёклыми разводами.

Удержаться Вик уже не мог. Не в силах тягуна, увидев поле, не тронуть его, не потянуть заветную живительную субстанцию чужой жизни. Все сомнения и колебания отпали враз, и он тронул, коснулся едва-едва тем неведомым, — может сознанием, а может, горячим своим желанием — это грязноватое перетекание...

Тут же плеснуло лиловым туманом, и вор глухо охнул. А следом судорожно, не слишком-то контролируя собственные руки, нажал кнопку на пульте. Извечное хватательное движение тягуна!

Показалось, его ударили под дых. Мягким, горячим, и боли-то нет, — но ударили сильно, наотмашь. Ведь он тянул не с одного объекта, а сразу с пяти! Такого с ним раньше не случалось, но сейчас происходило: поля людей, стоявших плотной группой, слились, образуя единое пространство. Из этого пространства и черпал Вик. Даже не черпал — само лилось мощным потоком.

Тягун испугался: сейчас этот поток сомнёт его — сплющит, раздавит, растворит! Но в это время будто коготком простучала по «блюдцу» короткая дробь, и сзади, в районе кобчика раскрылась... Дверца, заслонка, отдушина — Вик не знал, как это назвать, да и чёрт с ним! — главное, через эту отдушину поток безболезненно сливался вовне!

И вся эта система — принимающий центр под ложечкой вместе с «блюдцем» и отдающий, в районе кобчика, — исправно работала. Перекачивала витакс опьяневших любителей пива в конденсатор!

А в следующий миг крайнего из компании, того самого крепыша, заметно качнуло, и Вик закрыл глаза, отпустил кнопку, расслабился. Прекратил съём...

— Что? — сдавленно выдохнул Бас, почувствовав необычность происходящего.

— Порядок, дружище, — слабо улыбнулся Вик. — А ну, посмотри, сколько на конденсаторе?

— Хо, тягун — пятьдесят единиц! — отреагировал Бас. — Съём пятого класса! Это что, машинка так тянет? Или ты?

— Мы с ней вдвоём. Чувствую, эксперт, будет у нас с тобой праздник большого урожая...

Так и не притронувшись к пиву, подельники собрались покинуть заведение. Вик бросил прощальный взгляд на компанию — ссора не состоялась. Мужики притихли, нехотя пожимали друг другу руки, хлопали по плечу, улыбались... Но всё вяло, блёкло, замедленно. От жизнерадостного пьяного куража не осталось и следа. Видно, потеря нескольких дней жизни не прошла для мужчин даром. Ну и ладно, на то они и пьяницы.

На обратном пути они купили перекусить, по бутылке пива и кипу свежих газет. В мансарде устроились на кровати, подставив вместо стола упакованную канистру. Утолив голод и запив горячие чебуреки пивом, — нормальным, свежим и вкусным, не то, что в давешней пивной, — Вик принялся за газеты.

— Мучают меня сомнения, Бас, — делился он с другом, разворачивая номер «Семигорск сегодня». — Обычные приёмы тягунов при наличии той занятой штуковины, которую дал нам инженер, мало пригодны. Что ты как эксперт думаешь по этому поводу?

— Начнём с того, что мы про вас, тягунов, знаем вообще. — Бас отхлебнул из бутылки. — Излюбленные места работы: традиционно — транспортные ветки. Это, видно, вам от щипачей в наследство досталось. Да, работать там удобно, а нам контролировать — крайне затруднительно. Тут ничего не скажешь. При этом пригородные электрички предпочтительнее городского транспорта. А, кстати, с чего, Вик?

— В автобусе плотность объектов высокая, — не постеснялся поделиться тягун. А что теперь стесняться? — Почувствовать поле каждого отдельного человека трудно, а тянуть с группы себе дороже. Можно взять столько, что и не унесёшь, и объект повалится...

— Ну, примерно так наши аналитики и прикидывали. Значит, по автобусам с приборчиком не пошаришь?

— Опасно, можно после себя полсалона в обмороке оставить. И не только в обмороке.

— Проехали, — подытожил эксперт. — Далее: рынок, ярмарки, распродажи. Крупные супермаркеты. Все эти места хорошо известны и вашим, и нашим. Контроль там плотный, ну, это ты и сам знаешь...

— Знаю, — согласился Вик, — потому и не привлекает. Замкнутые пространства, движение ограничено, ищейки... Прости, эксперты...

— Да ладно, — усмехнулся Бас. — Мы и сами себя так частенько называем.

— Так вот — ищейки, контролёры, полицаи. И представь, на ярмарке или на рынке двое с кейсами в руках... Зрелище непривычное. Тогда уж хозяйственные сумки. Или пакеты... И вообще, тут нужно что-то другое. Времени у нас в обрез, а снимать надо много. Очень много: чтоб в конденсаторы лилось рекой, а не собиралось по крохам. Поэтому ни по улицам ходить, ни в электричках ездить мы не будем. И в магазины не пойдём. Что ещё — презентации, юбилеи, выставки?

Бас задумчиво приложился к бутылке с пивом. Было заметно — в голову ему ничего не приходит, он полностью полагается на опыт товарища. Вик продолжал листать газету.

— Вот смотри: вернисаж господина Саранского на Насыпной. Ценители живописи будут заполнять коридоры и залы выставки, оживлённо переговариваться, обмениваться впечатлениями... Нет, не то. Все они наверняка знают друг друга, в Семигорске не так много поклонников изящных искусств. Опять же эти кейсы — ценители прекрасного с чемоданами в руках и в ежесекундной готовности затеять скандал.

Друзья рассмеялись.

— Или вот — презентация компании «Божественный аромат» в Гранд Отеле. Что-то, как я понимаю, связанное с парфюмерией и косметикой. Это уже лучше: толпы соотечественников, толкающихся у стендов с продукцией. Радостное оживление в рядах. И

кейсы будут оправданы, и ходить можно с видом зевак сколько захочешь. Да там половина таких будет. Но отличий от распродажи почти нет — полиция, контролёры. Был я как-то в Гранд Отеле...

— И я был, — улыбнулся Бас. — Три основных выхода: поставил заслоны со сканерами, и чеши себе залы, сколько влезет. Мы там ваших прихватывали.

Вик достал сигару, раскурил.

— А я тянул, — ухмыльнулся он, выпустив ровненькое колечко. — И получалось.

— Ты берёшь сразу много и быстро уходишь, — задумчиво покивал эксперт. — Так не многие умеют, здесь ты, конечно, рекордсмен. А может, просто повезло. В любом случае, на этот раз рисковать не стоит.

— Согласен, — тряхнул головой вор. — Что мы ещё имеем: митинг господина Царёва. Дядечка выдвигает свою кандидатуру в Думу от партии Ограничителей. Между прочим, все газеты забиты его фотографиями. Обещает мир, достаток и благоденствие всем. Обычная предвыборная трепотня, наверное, но сторонников у него немало.

— И когда состоится? — заинтересовался Бас. — На политических собраниях мы работали мало. Как-то не припомню, чтобы подобные сборища пользовались популярностью у тягунов.

— Правильно, всей этой политической возни мы чураемся, — поморщился Вик. — Там и спецслужбы, и безопасность кандидата крутится. Слишком много глаз. К тому же, митинг послезавтра, а значит, день терять. У нас времени лишнего нет.

— И всё же стоит об этом подумать, — покачал головой Бас. — Что-то в этом есть.

— Подумаем. А вот это актуально: последний матч сезона! Завтра семигорский «Удар» принимает столичную «Комету». Бас, ты на стадионе давно был?

— Как зритель — давно, а вот по службе... Работать там до ужаса неудобно: фанаты орут, толчя, масса переходов — ярусы, секторы, всякие ложи, в том числе «вип», куда не очень-то и пускают...

— Вот-вот, что нам и нужно. Ты своих бывших в этой толчее определишь?

— Обычно ищейки блуждают по трибунам. — Бас потёр щеку. — Делают вид, что ищут место, или разыскивают кого-нибудь. Да там такого шляющегося люда полно. Могут нарядиться разносчиками пиццы или колы, а сами в это время сканируют толпу. Обычно один эксперт на два смежных сектора. Если засекает и визуализирует тягуна, даёт «фас» контролёру. Тот привлекает ближнего полицейского. Чаше всего такая схема...

— А если добавить немного фантазии и смекалки? Не садиться на трибуны, а выбрать позицию... ближе к полю, например?

— Значит, завтра идём на футбол?

— Да. Это даже патриотично, поболеть за наш «Удар»!

Хлеставший накануне дождь закончился, и день выдался яркий и солнечный. Такие денёчки здесь частенько случаются в первой половине осени, а для футбола погода была просто замечательной. Пятнадцать градусов тепла без ветра делали предстоящий матч комфортным для игроков и праздничным для болельщиков. И собралось любителей этого спортивного зрелища немало.

Чашу стадиона окружала лесопарковая зона, прочерченная аллеями, с проплешинами полянок. На полянках кружками собирались любители футбола и под пиво азартно обсуждали предстоящую баталию. Парк служил как бы буфером, отделяющим стадион от

жилых кварталов, и в этом был особый смысл.

По границе парка выстроилась первая редкая цепь оцепления. Полицейские, сверкая начищенными значками на груди, улыбались и были озабочены в основном тем, чтобы подсказать новичкам, где расположена та или иная трибуна. Четыре входа, по количеству сторон света готовы были принять зрителей.

Горловина центральной аллеи, как зев сказочного чудища, втягивала плотную, под цвет осени толпу — развивающиеся жёлто-зелёные флаги «Удара» (бьющая по футбольному мячу нога в бутсе) и тех же цветов шарфы. А если нет шарфа, так нарукавная повязка, а то и лица болельщиков — раскрашенные, двухцветные. Находились уникамы, подобравшие весь гардероб — от кепки до ботинок — только из зелёного и жёлтого. Кое-кто уже начинал прочищать глотку: слышались речёвки, на одной из полянок вдруг грянуло троекратное: «Вперёд, Удар, вперёд! И с Богом!»

Стражи порядка смотрели на всё это благодушно: никому не препятствовали, не мешали горланить и не вмешивались, пока не возникало угрозы драки. Здесь ещё допускались пиво и что покрепче, выкрики и свободное поведение. Но в боковых аллеях виднелись конные полицейские, попарно патрулирующие парк. Впрочем, им было куда поглядывать с особой настороженностью.

Не смешиваясь с жёлто-зелёными, плотной и довольно многочисленной группой стояли ребята в нарядах красно-голубых цветов. На знамёнах, что развевались над их головами, тоже присутствовал футбольный мяч, но он пересекал голубое поле в огненно-красном пламенном ореоле с искристым хвостом. Болельщики «Кометы» вооружились барабанами, дудками, сиренами, а в потайных карманах двухцветных курток наверняка были припрятаны запрещённые файеры. Впрочем, как и поклонников «Удара».

Людское море волновалось. Зрители перемещались в хаотичном движении, пропитывали редкий парк как вода губку. Подвижная людская масса дробилась на ручейки компаний и ватаг, закручивалась водоворотами споров и весёлого гомона, а следом неминуемо сливалась в единый мощный поток центральной аллеи. И поток этот струился безостановочно, но как океанский вал разбивается о волнолом, так и людской вал дробился о второе кольцо оцепления: серые фуражки, форменные куртки, строгие лица.

Тут уже никаких улыбок, а на заднем плане — бойцы подразделения быстрого реагирования в сферах и с короткими автоматами в руках.

Здесь толпа рассыпалась — проводились досмотры. Кого-то отводили в сторонку для проверки документов. Молчаливо и настороженно поблёскивали стёклами полицейские автомобили с распахнутыми задними дверцами. Никакого алкоголя с собой, ничего воспламеняющегося, взрывчатого или вообще опасного! Семигорск опасался беспорядков, погромов, буйства толпы. Увы, печальные прецеденты имелись.

И, наконец, третьим кордоном шли терминалы для оплаты витаксом. Их ввели не так давно, но разноцветные кабинки быстро стали привычным дополнением футбольного антуража: заходи, бросай жетон в прорезь и плати за возможность посмотреть интересный матч днём своей жизни. Говорят, под оплату витаксом выделялись специальные места на трибунах, и в большом количестве, а охотников отдать двадцать четыре часа бытия за футбол находилось немало.

После терминалов люди вновь сбивались в единый поток, но тот сразу делился на четыре рукава, устремлявшихся к входам на стадион. И над всем этим движением, над деловитой расторопностью полицейских и праздной толкотнёй фанатов, возвышался

огромный портрет Ивана Царёва — семигорского кандидата в Государственную Думу. Политик смотрел на людское коловращение спокойно и мудро, с лёгкой полуулыбкой, будто зная цену всей этой суете.

А поодаль от всего этого столпотворения, по боковой аллее, без торопливости, но деловито вышагивали двое в оранжевых куртках и того же цвета беретах. На рукавах и сумках, что несли они в руках, ярким пятном мелькала эмблема компании «СГ Электросеть» — стилизованная лампочка в перекрестье электрических разрядов-молний.

Один из служащих компании был сухощавым, светловолосым и сероглазым, с резкими чертами лица, которые ещё принято называть «мужественными». Второй — рыхловатый, с кучерявой, как у пуделя, головой и выражением лица незлобивой собаки, готовой в любой миг добродушно вильнуть хвостом.

Электрики подошли к служебному входу западной трибуны. Здесь полиции не наблюдалось, у двери стоял охранник в форме защитного цвета. Он мельком глянул в стандартный бланк заявки, подписанный директором стадиона.

— Прожектора западной осветительной стойки? Вам направо, ребята, по коридору до третьего сектора. Там указатели висят, налево выход на поле, а служебные помещения чуть дальше. Спросите, если что, у технического персонала.

— Да уж не заблудимся, — усмехнулся светловолосый, и чуть склонившись к охраннику, заговорил, заговорщицки понизив голос: — Ты вот что, служивый, мы с напарником футбол немного посмотрим, лады? Ну, хотя бы первый тайм. Игра ведь какая!

Кучерявый радостно улыбнулся и в поддержку затряс головой.

— Да ладно, смотрите, — махнул рукой охранник. — Только если появится начальство, делайте вид, что занимаетесь ремонтом. Инструменты там разложите, ещё что — ну, сами понимаете.

— Не беспокойся, всё будет тип-топ! — заверил светловолосый, и электрики прошли в подтрибунные помещения.

Широкий коридор, залитый косыми лучами солнца, уводил к западному входу и был совершенно пуст. Вся обслуга и спортсмены находились у выхода на поле, располагавшегося на противоположной трибуне. Зрители, не задерживаясь, топали через проходы напрямик к посадочным местам, а здесь царило полное безлюдье. Вика и Баса, а под видом электриков на стадион проникли, конечно же, они, это устраивало.

Сообщники рысью припустили в указанном направлении, но скоро коридор сделал плавный изгиб. Теперь охранник больше не мог их видеть, друзья остановились. Береты перекинули с голов в карманы, куртки были сняты и вывернуты наизнанку. Теперь они превратились в синие робы с надписью «7Г Радио», а на рукавах появились новые эмблемы: стилизованный маяк с расходящимися радиоволнами.

Перемены произошли и с сумками — они приобрели те же эмблемы, что и на куртках, и теперь стали похожи больше на кофры репортёров. В руках у новоиспечённых представителей самого популярного городского радиоканала появились микрофоны. То, что это пришедшая в негодность, списанная техника догадаться по внешнему виду было невозможно.

Всем необходимым их снабдил накануне Шестопёр, а вчерашний вечер был посвящён подготовке и подгонке амуниции. Теперь оставалось только не столкнуться с настоящими репортёрами, но Вик надеялся, что в сутолоке стадиона они смогут вовремя сориентироваться.

Через западный вход плотным потоком шли болельщики, и сообщники, влившись в толпу гомонящих любителей футбола, беспрепятственно прошли на поле. Первый ряд традиционно резервировался для прессы, спортивных обозревателей и гостей, и свободных мест здесь хватало. Друзья присели у прохода с краю, чтобы до времени никому не мозолить глаза.

Вик огляделся. Атмосфера была самая что ни есть праздничная. Трибуны украшали флаги и цвета клубов. Тут и там фанаты разворачивали яркие баннеры с фамилиями и прозвищами любимых игроков, командными девизами и бодрими призывами к победе. Зрители улыбались, громко переговаривались, шутили. Пробуя голос, взрыкивали сирены и задорно пиликали дудки, выводя мелодии клубных гимнов. Густо ухал барабан.

Отлично, думал Вик. Это вам не пьяненькие завсегдатаи пивной. Здесь весёлая жизненная сила переполняет людей, и витакс, кажется, готов сам, без посторонней помощи хлынуть наружу. Тут мы его и зачерпнём! — радовался тягун, — охота будет удачной!

Несколькими рядами выше он разглядел девицу. Вздыбленные волосы девушка выкрасила волнами, создавая фантастическую желто-зелёную гамму. Вокруг глаз тщательно вывела звёзды — тоже жёлто-зелёные — и такие же, только большего размера, образовывали на груди что-то вроде лифчика. На голеньком животике красовалась надпись «Удар», а из одежды на девчонке были ещё только шорты и босоножки.

Девушке не сиделось на месте: она постоянно вскакивала, приплясывала, размахивая руками, и выкрикивала что-то — широко распахивался рот с ярко накрашенными губами. Не по сезону оделась, удивился про себя Вик. Осень на дворе, не жарко, и ветерок — лёгкая курточка ей не помешала бы. Но девчонка, не обращая на погоду ни малейшего внимания, продолжала пританцовывать, а потом хлебнула из цветастой банки, резко запрокинув голову.

Энергетики! — понял Вик. Вместо запрещённого алкоголя молодёжь тащит на стадион «адреналин-плюс», «оранжевого быка» и прочий «драйв». И это тоже на руку, подумал он. От девчонок под действием энергетиков не тяг, а одно удовольствие! Тут девица случайно встретилась с ним взглядом и залихватски подмигнула шалым глазом в ореоле двухцветной звезды.

Да, будет сегодня урожай!

По периметру поля выстроилась редкая цепь полицейских. Следом протянулась шеренга obsługi в жёлтых жилетах, а за этими двумя преградами броуновским движением мельтешил околоспортивный люд. Мелкие тототники, принимающие последние ставки; фоторепортёры, выбирающие наиболее выгодные ракурсы; особо ретивые фанаты, мечтающие увидеть поближе своих кумиров, а то и сорвать автограф. Вот в эту толчею мы и вольёмся, решил Вик.

Наконец грянул хорошо знакомый многим поколениям болельщиков «Футбольный марш» Матвея Блантера, и команды начали выбегать на поле. Своих встречали аплодисментами и ободряющими криками, чужих — свистом. Всё как обычно. Обе команды выстроились в одну шеренгу, отыграл гимн России. Началась обычная предматчевая процедура: розыгрыш ворот, рукопожатия, обмен вымпелами.

Бас неотрывно глазел на поле. Он нешуточно увлекался футболом, следил за таблицей чемпионата, но, похоже, действительно давно не был на стадионе как зритель. Уютные кафе с огромными «плазмами» и пивом многим теперь кажутся привлекательнее спортивных арен с их строгостями. А Себастьяну мешала ещё и работа.

Вора же занимали другие мысли. По стадиону не ходят патрульные пары, как на

вокзале. Здесь полиции и так хватает с избытком, а контролёры стремятся занять проходы к трибунам, переходы на ярусы и к ложам. Жезлов они не афишируют, и вообще, стараются держаться незаметно. Выдают серые плащи, сосредоточенные лица и полное отсутствие интереса к игре. Несколько подобных мрачных фигур вор уже приметил. Попробуй не приметить, спутать, например, с давешней девицей, улыбнулся про себя Вик.

Ещё выдаёт контролёра наушник радиосвязи — где-то недалеко должны быть ищейки. Бас сказал, один на два смежных сектора... Действительно, блуждающих фигур в проходах хватало. Снуют туда-сюда, переговариваются, прикуривают друг у друга: то ли принимают незаконные ставки, то ли знакомых ищут. Попробуй тут определи — кто ищейка, а кто нет. Но здесь уже надежда на Баса.

Вик ещё раз внутренне порадовался, что у него есть такой подручный. Вчера, во время разговора выяснилось, что Себастьян чувствует работающего эксперта. Ни о чём подобном вор раньше не слышал. Знал, ищейки такие же одиночки среди себе подобных, как и тягуны в воровской среде. Яркие выраженные индивидуалисты, парами или группами работают крайне редко. Способности у всех разные, и каждый считает себя сильнее и чувствительнее других. Но чтобы эксперты лоцировали друг друга — с таким он сталкивался впервые!

Хотя... он же засекает ищеек на охоте. Не всегда, и не всех, но бывает. Почему бы Басу не чувствовать своих бывших коллег?

И ещё одно соображение занимало Вика. Ищейка легко берёт «сытого» тягуна, несущего груз не переваренного, чужого витакса. Так устроен у него нюх — засечь «пустого» вора почти никогда не удаётся. Но «пылесос» будет сразу сбрасывать улов на конденсатор! «Сытым» Вик будет очень короткое время, и это огромный плюс. И об этом они вчера тоже говорили.

Оставалось только правильно выбрать позицию.

Просвистел свисток, игра началась. Девочки и мальчики подросткового возраста, взрослые дяди с седыми усами, опрятные юноши студенческого вида — все были захвачены единым порывом. Горящие глаза, устремлённые на поле, руки, указующие на футболистов, крики, сливающиеся в неумолчный, ползущий над трибунами гул. Челюсти, не забывающие перемалывать семечки и попкорн. Губы, прихлёбывающие из банок «Колу». И не только «Колу», как уже заметил Вик.

По рядам прокатилось: «Вперёд, Удар, вперёд! И с Богом!»

— Бас, — тягун ткнул подельника в бок, — не забывай подносить микрофон ко рту. Мы ж комментируем матч для «7Г Радио», помнишь?

— Конечно, — Бас покрутил имитацию перед лицом, поднёс к губам. — Добрый день, дамы и господа! И пусть он станет действительно добрым для тысяч поклонников футбола! Потому что сегодня в принципиальнейшем противостоянии встречаются семигорский «Удар» и столичная «Комета»! Мы ведём наш репортаж с Центрального стадиона...

— В тебе умер комментатор, — вздохнул вор.

Он выжидал, присматривался, но незаметно тоже увлёкся игрой. Жёлто-зелёные усиленно атаквали, разыгрывали мяч в штрафной площади противника, но поразить ворота «Кометы» пока не могли. Москвичи грамотно строили оборону, страховали один другого, отбивались. На какое-то время Вик начисто забыл, что пришли они сюда совсем не ради матча. Со всеми вместе он азартно размахивал руками и кричал, что есть мочи «Давай!», или «Ну куда, куда ты пасуешь, мазила!». И всё прочее, что горланят в таких случаях болельщики. Про «микрофон», зажатый в руке, он забыл так же, как и Бас.

Только через полчаса игры Вик опомнился и подёргал товарища за рукав:

— Бас! Пора приниматься за дело.

— погоди! — отмахнулся тот, всё внимание его было на футбольном поле. — Налево, налево отдай! Ну, совсем слепой, что ли?! Купи очки!

— Бас, — настойчивее потряс его за плечо Вик, — опомнись, мы пришли не за этим!

— А? Что? — ошарашено оглянулся тот. — Да, конечно... Что нужно делать?

— Сейчас пройдем к оцеплению, — указал в нужном направлении тягун, — смешаемся с толпой вот тех фанатов. Будто хотим пробраться поближе к полю. Я там видел уже репортёров «Спорт Ревю», так что это в порядке вещей. Делаем вид, что комментируем матч... Бас, прошу, не забывай подносить микрофон ко рту! Лопочи какую-нибудь чушь, у тебя это хорошо получается!

— Понял-понял, — откликнулся товарищ. — Всё будет нормально, пошли!

Они быстро пересекли невеликое пустое пространство от зрительных рядов до шеренги «жёлтых жилетов» и смешались с беспокойной группой разношерстного люда, что крутилась там с самого начала. Бас послушно наговаривал в «микрофон», имитируя экспрессивную речь спортивного обозревателя, а Вик тем временем огляделся. Результат его удовлетворил: зрители были заняты игрой, служащие стадиона — исполнением своих обязанностей, а деловые — собственными заботами. Никто друзьями не интересовался.

Тягун осторожно проверил «блюдце» на груди. Пульт привода он закамуфлировал в ручку «микрофона». Вик находился спиной к полю, игры не видел, но догадался, что семигорцы опять атакуют. Болельщики вскакивали с мест, кричали и свистели. Некоторые, особенно азартные и не садились — топтались и подпрыгивали на месте. Возбуждение нарастало волной, рёв толпы достиг своего пика. Вик прикрыл глаза и открыл своё второе, потаённое зрение.

Как тогда, у пивной, призрачный свет чудесного прожектора залил на миг живую стену, осветил фигуры, и они замерли в разных позах, словно в стоп-кадре — контрастные и выпуклые. И каждая была окружена ярким розовым контуром, совсем не таким, как у пьяниц — подвижным и струящимся.

У Вика захватило дух! Он потянулся — не мыслью, и уже не желанием даже, а кажется, всем естеством своим! И навстречу плеснуло волной лилового тумана, огромной как цунами.

Под ложечкой не ёкнуло — загрохотало, как во время обвала в горах. По телу прошла сладкая судорога, словно во время любовного экстаза. И как у пивной, он конвульсивно вцепился в кнопку «пылесоса». «Блюдце» затрепетало! — какой там коготок! — антенну сотрясала мелкая дрожь! Перестук слился в одну нескончаемую барабанную дробь.

Тр-р-р-раш! Тр-р-р-раш!

Показалось на миг, что он производит очень много шума. Показалось, что грохот и дробь звучат громогласно, слышны всем вокруг, и сейчас весь стадион уставится на него и начнёт указывать пальцем!

На миг тягун почувствовал себя голым на улице.

Но никто не закричал, не протянул указующий перст, даже не обернулся. А система сброса — сквозной тоннель: через подложечную область вора и «блюдце» — коротко по позвоночнику — и в шлюз у копчика — бесперебойно и безостановочно качала дни и годы чужой жизни — в закрома.

Давай веселей, заливай полней и никого не бойся!

Но Вик боялся. Как бы весело не проходил процесс съёма, но именно сейчас он был

наиболее уязвим для ищек. Он отпустил выплеск, выключил «пылесос». Прошипел пересохшим горлом:

— Бас, посмотри своих бывших товарищей. Есть где-нибудь рядом, нет?

Себастьян, оказывается, тоже уже не глядел на футбольное поле. Тягун, сосущий витакс буквально в метре от него, оказал на эксперта ошеломляющее действие: Бас стоял истуканом и только непрерывно встряхивал шевелюрой. Однако слова Вика дошли до его сознания:

— Вон там, — показал он глазами, — в проходе, немного левее. Разносчик пиццы...

Вик посмотрел, куда было указано — человек в форменной куртке «Пицца Краун» вертелся на месте, не забывая при этом что-то бубнить в прижатую к щеке ладонь. Вор перевёл взгляд — двое контролёров, стоявшие у входа в сектор, напряглись, точно гончие, почуявшие след.

А волна болельщиков опадала. И это Вик видел тоже — люди в изнеможении опускаются в кресла, гаснут глаза и улыбки, вытягиваются лица. Только что возбуждённые и радостные, они смотрят теперь друг на друга как бы спрашивая — что с нами было? Кто-то тряс головой, будто пытаясь стряхнуть морок, а кто-то растерянно озирался, словно в поисках чего-то утраченного.

Это сколько же единиц я украл? — невольно подумалось Вику. Раньше ощущение принятого витакса помогало рассчитывать силы, определять: когда начинать и когда заканчивать. Сейчас «пылесос» начисто лишал его чувства меры — высосать можно было кого угодно досуха.

— Стоп, Бас, — выдохнул вор, хотя слова эти больше относились к нему самому, нежели к сообщнику. — Меняем дислокацию. И нужно посмотреть конденсатор.

— Потом... — отрывисто пробормотал Бас. — Надо уходить...

— Нас засекли?

— Пока нет, но эксперт понял, откуда идёт тяг. Сейчас свистнет контролёров...

В какой-то момент игра совершенно захватила Баса. Он любил футбол, болел за местную команду и следил за её успехами. И начало тайма явно складывалось в пользу «Удара» — футболисты в жёлто-зелёной форме легко доходили до штрафной площади соперника, разрывали его оборону и создавали острые ситуации...

А потом словно среди ясного неба грянул гром. В ушах не зазвенели колокольцы — ударил набатный колокол! Под ложечкой — будто ухватил кто-то нутро Баса и сдавил железной пятернёй. А пальцы рук онемели, их эксперт просто перестал чувствовать. Впервые он оказался в двух шагах от тягуна, совершающего какой-то совершенно сумасшедший съём. Казалось, пространство вокруг искривляется, меняет свой цвет, объём и структуру.

Стало не до футбола. Эксперт всё встряхивал и встряхивал головой, пытаясь прийти в себя, избавиться от наваждения.

И тут Вик спросил про ищеек. Разносчика пиццы в проходе между секторами Себастьян заметил давно. Вот сразу он ему не понравился, и всё. Как Бас чувствовал экспертов, и не расскажешь, но и не ошибался никогда — это точно. Стоило появиться в пределах видимости коллеге, он его вычислял моментально, не помогла бы никакая маскировка.

И конечно же, как только началось светопредставление, устроенное Виком, разносчик подскочил как ужаленный. Закрутился на месте, заозирался нервно и беспорядочно. Подумалось невольно: такой съём не заметил бы только слепоглухонемой эксперт, лишённый способности чувствовать тягунов. Только это был бы уже не эксперт.

А ещё подумалось, что нужно срочно уходить.

Себастьян чувствовал, что хоть сам тяг уже прекратился, но след от него остался. Словно после пролетевшей ракеты в пространстве повис дымный шлейф. Бас видел его и остро чувствовал — как если бы нестерпимо воняло сгоревшим топливом.

След вёл прямо к ним.

Вик говорил, что нужно посмотреть конденсатор, что-то о дислокации, а Бас почти физически слышал, как разносчик перечисляет в рацию возможные объекты. И вот сейчас назовёт двух репортёров... А может, и прямо укажет на них — ведь нельзя, невозможно не увидеть этот яркий след, исходящий от Вика!

Он схватил друга за рукав и потащил — прочь от того места, где они только что стояли.

Навстречу уже спешили контролёры — не скрывая жезлов, вообще не скрываясь. Бас перехватил муляж микрофона:

— Это бесподобно, дорогие радиослушатели! — запричитал во весь голос. — Сегодня «Удар» явно в ударе, уж простите за каламбур! Какую сыгранность, какую отменную комбинационную игру показывает наша команда!

Контролёры промчались мимо. Друзья сбавили шаг. И тут Бас задохнулся: знакомо сжалось сердце в груди, а потом отчаянно забились птицей в клетке, и кончился кислород в лёгких. Сразу весь.

— Что с тобой?! — взволновался Вик. — Дружище, тебе плохо?

— Пройдёт... — прохрипел Бас. — Дай минуту...

Вик потащил его к креслам, усадил. Бывший эксперт сунул под язык капсулу, с тоской

подумал, как здорово было бы сейчас влить в организм пару единиц витакса. Невольно посмотрел на сумку с логотипом «7Г Радио», а потом на Вика. Увы, тягуны умеют только красть чужую жизнь — дарить её им не дано.

Вик понял его взгляд по-своему. Приоткрыл сумку, щелкнул замком кейса-конденсатора.

— Отлично, дружище! Двести сорок единиц!

Ну да, подумал Бас, никакие классификации съёмов тут не годятся. Такого ещё никто и никогда не проделывал.

— Ты как? — тормозил Вик. — Тебе лучше? Надо идти!..

Он прав, понимал Бас. Сейчас всполошится вся охрана стадиона. По рациям свяжутся ищейки и контролёры, подключат полицию. Однажды такое произошло на его глазах — массовый гон тягуна. Перекрыли все проходы и загнали, конечно. Они просто ещё не поняли до конца, что произошло. Они просто ещё не видели съёма такого масштаба.

Тем временем дыхание восстановилось. В глазах просветлело, и Себастьян почувствовал в себе силы продолжить, а вернее, закончить акцию.

— Только прошу, Вик, — взмолился он, вставая, — бери порции поменьше. Так и до беды недалеко...

— Ладно, постараюсь, — откликнулся тот. — Сам понимаешь, дело новое. Сейчас станем вон там, и продолжим. Как дам сигнал — включишь свой конденсатор на приём.

Вик потащил Баса к трибуне, где расположились болельщики «Кометы». Вообще говоря, приближаться к фанатам чужой команды не всегда разумно — можно получить запущенной пустой бутылкой по голове. Но репортёры стояли над межклубной враждой. Гостевой сектор встретил боем барабанов, гудением рожков и громогласным, многоголосым: «Москва — бьёт с носка!» Уступая в численности, «огненные» фаны брали неистовой верой в исключительность любимого клуба и лужёными глотками.

Сообщники вновь расположились у ограждения.

Вик ждал удачной атаки москвичей, острого момента у ворот «Удара», всплеска эмоций. Пожалуй, впервые в жизни он был бы рад голу в ворота своей команды. Время первого тайма подходило к концу, и тягун надеялся завершить операцию ещё до перерыва.

Бас во все глаза — и ещё чем-то, что спрятано, как и у тягунов под ложечкой — просматривал окружающее пространство. Справа, от западных секторов, заполненных жёлто-зелёным цветом, подтягивались контролёры. От верхних ярусов, перескакивая через ступеньки, бежали трое в штатском. Один был похож на студента, другой — безликий какой-то, в поношенной одежде, и третий, вырядившийся в цвета «Кометы». И все трое ищейки. Усиление, кольцо, в которое будут брать тягуна.

Невольно подумалось: вот, мол, выпал случай испытать на собственной шкуре, что чувствует загоняемая дичь. Но было не до посторонних размышлений.

И тут трибуна взорвалась неистовым рёвом. Болельщики вскочили с мест, отчаянно загудели рожки. Есть! — понял Бас, пошла атака москвичей! И Вик воспринял это как сигнал: знакомо прикрыл глаза и принялся хватать воздух левой рукой (Бас уже знал — такая у него манера работы). Свободная правая судорожно сжимала муляж. А потом тягун неожиданно двинулся быстрым шагом по проходу вдоль ограждения. Басу не оставалось ничего другого, как поторапливаться за ним.

Звон в ушах и удары под дых — словно с размаху поленом — шли теперь прерывисто, короткими, но мощными толчками, от которых подкашивались ноги, и между ними, этими

бьющими всплесками, Бас успевал вдохнуть. А выдыхать уже приходилось через силу, преодолевая всё тот же неудержимый, давящий пульс съёма.

Он чуть не пропустил сигнал Вика, но успел-таки: сунул руку в сумку и включил свой конденсатор. Тот принялся мелко вибрировать в такт звону в ушах и ударам под ложечку. Не сбавляя хода, Бас обернулся. Там, где они стояли ещё недавно, скопилась группа контролёров и три давешних эксперта. Ищейки нервно крутились на месте, контролёры орали друг на друга и на ищеек, и размахивали своими жезлами.

Только теперь Бас догадался, какую тактику применяет Вик. Короткие мощные съёмы уже не оставляли того дымного следа, какой протянул к себе тягун в первый раз. Они были скорее похожи на разряды — острые ослепительные вспышки, и поскольку витакс сразу уходил на конденсатор, а сам тягун постоянно перемещался, эксперты не могли точно лоцировать его.

Бас представил на мгновенье, какая паника сейчас в рядах его бывших коллег. Знать, что у тебя под носом тянут огромные куски чужой жизни, и не иметь возможности засечь объект! Потому что тот стремительно ускользает — змеёй в траве — всякий раз, когда ты пытаешься его ухватить...

Они почти добрались до западного выхода. Конденсатор в руках Баса перестал вибрировать, пискнул едва слышно, сигнализируя о полном заполнении. Оставалось каких-то десять-пятнадцать метров, когда из бокового прохода вылетел контролёр.

В форменном сером кителе, с перекошенной физиономией и с жезлом-сканером наперевес.

— Стоять! — властно гаркнул он и вскинул жезл. — Браслеты к досмотру!

Знакомая формула — сам сколько раз её применял! — повергла Баса в ступор. Он будто споткнулся на бегу и замер. Вик стал чуть впереди. Мысли метеорами проскакивали в голове Себастьяна: а что, собственно произошло?.. — а на браслетах должны быть нормальные показатели, и у Вика в том числе, потому что... — а конденсаторы не определяются сканерами контролёров, так говорил Залеский... — и...

И понимал, что всё это ерунда — контролёру достаточно позвать ближайшего полицейского и потребовать к досмотру сумки, а там...

А там аппаратура, одно наличие которой неминуемо повлечёт задержание.

Непреодолимое желание сделать хоть что-нибудь заставило его выдвинуться вровень с Виком. Он лихорадочно соображал: какие аргументы сейчас покажутся служивому наиболее убедительными, — сослаться на бывшую профессию? знакомые имена и фамилии? прикинуться действующим экспертом, наконец? — когда что-то заставило его повернуть голову и взглянуть на друга.

Вик напрягся, как перед прыжком. Чуть присел. Вик зло прищурился и упрямо нагнул голову, а потом резко выдохнул и закрыл глаза. Правая рука его была занята сумкой, но свободную левую (муляжи к тому времени уже покоились в глубоких карманах курток) он резко вскинул и сжал кулак своим обычным хватательным движением.

Как сжал бы его на горле незадачливого, столь не вовремя появившегося чиновника ви-контроля!

А затем сделал глубокий свистящий вдох, и этим вдохом, казалось, вытянул весь воздух из контролёра. Выпил жизнь из его тела.

Служивый смертельно побледнел, словно вместе с витаксом его покинула и вся кровь тоже, и начал заваливаться набок. Полный, молниеносный, смертельный съём! Раньше Бас

только слышал, что такое возможно, сейчас увидел воочию. Но не это было главным — только что Вик убил, а он стал соучастником убийства.

Однако в следующий миг вор рванул его за рукав так, что эксперт чуть не упал, и потащил на выход. Что творилось за спиной, они не видели — быстрее, прочь со стадиона! Благо больше никто не вставал у них на пути...

Наваждение прошло, и теперь Софья не знала — радоваться ей или огорчаться. То состояние полёта, порожденное, конечно же, влюблённостью — к чему от себя-то скрывать? зачем себя обманывать? — та счастливая летучая лёгкость — уходила. Испарялась, словно влага на солнце. Так хорошо ей было только в юности, да только и юность — где она? И молодость туда же. «И это пройдёт» — как было начертано на известном кольце...

А на смену головокружению подступали холодная рассудительность и взвешенный просчёт вариантов.

С Залеским всё прошло как нельзя лучше. Игорь наверняка отлично разбирается в технологиях добычи и транспортировки витакса, но по жизни — недотёпа и доверчивый дурачок. Убедить его в том, что собственное счастье, а за одно и счастье Софьи, зависит от трёхдневного отсутствия изобретения в лаборатории не составило труда. Нет, вначале ведущий специалист и талантливый инженер ужаснулся. Как?! — новейшие, секретнейшие приборы покинут стены «Партнёра»?! Даже думать о таком преступно!

Но... Говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Правильно, между прочим, говорят. Но вот путь к их разуму, тому хрупкому инструменту, что принимает решения, частенько пролегает по другой тропинке. Каждый мужчина считает себя в отношениях с женщинами гигантом, в этом Софья была уверена на все сто. Или, во всяком случае, хочет видеть себя таковым. И женщины пользовались этим мужским стремлением во все времена.

Встречаются, конечно, самцы, наделённые действительно немалой силой и похвальной выносливостью. Но таковых сугубое меньшинство. Зато среднему представителю мужского пола скажешь: что вот какой он неутомимый! промурлычешь на ушко после любовной игры, какой он неотразимый и необузданный! — и готово. Можно брать тёпленьким.

Так и получилось. Сказала, промурлыкала, напела — и поплыл Залеский, как бумажный кораблик. Согласился на всё: выдать новый привод, конденсаторы, даже инструкцию пользователя написал. И наверняка толковую. Чтобы Вику легче было набить три канистры, три заветных «чемодана» по пятьсот лет...

И с Басом — просто смех! Как у мальчика при виде неё глазки загорелись! Как щёчки разругались, когда пообещала она ему общий шезлонг под пальмами! Даже неудобно как-то стало, будто маленького обманывала. Впрочем, длилось это чувство внутреннего неудобства недолго. Что поделать, Себастьян, мы давно уже не дети.

Во взрослой жизни каждый прежде всего за себя. Только Бог за всех. Да и существует ли он на небесах, Господь всемогущий и всепрощающий, ещё вопрос.

Только вот канистры придётся делить на всех. Так они договорились. То есть: Вику, Басу и ей по одной штуке. Считается, что её канистра, это ещё и канистра Залеского. И что получается? Двести пятьдесят лет — это что, бессмертие? Не смешите тапочки моей покойной мамы! И не беспокойте всуе её прах...

Софья налила в высокий бокал лёгкого сухого вина. Пригубила. Вкус показался нестерпимо кислым, как и размышления в уютном полумраке гнёздышка.

Допустим, мальчики всё сделают как надо. Вот они, эти канистры, стоят в углу. Дальше нужно избавиться от Залеского. Как? — это другой вопрос. Есть у них в «Партнёре» служба

безопасности. Игорь говорил — суровая структура. Стоит туда каким-либо образом намекнуть о произошедшем нарушении режима, и инженеру конец. Нужно только не торопиться, продумать всё, чтоб самой хвост не прищемили.

Тогда получится — одна канистра её.

Чёрт, тоже недостаточно! Номерные счета в ви-банках, по слухам, содержат самое малое несколько тысяч лет. А бессмертные... О, бессмертные! Вот где ей место! Вот где она расцвела бы по-настоящему! Но там и цифры совсем другие. Думаем дальше: канистра Баса. А зачем ему столько витакса? Поддерживать здоровье можно куда меньшим количеством. Море, пальмы, золотой песочек? Мы все мечтаем, да не у всех радужные грёзы превращаются в реальность.

Если вывести из игры Себастьяна, а с Виком наоборот подружиться, то получается уже нечто. Полторы тысячи лет вполне можно рассматривать как стартовый капитал. И Витя сможет этот капитал приумножить. Есть у него способности, и воля есть, да если ещё направить всё это в нужное русло — чудесный может получиться тандем: Вик плюс Соня!

У Софьи даже мурашки по коже побежали. Одним глотком допила она содержимое бокала — вкус показался на сей раз много приятнее.

Нужно только выбить из головы тягуна эти идиотские мечты о спокойной и честной жизни. Как там он говорил, когда уговаривали Баса? Выучится в приличной студии? Станет художником, купит маленький домик на побережье? Ага, этакое идиллическое обиталище великого живописца где-нибудь на неприступной скале, над пенным шлейфом прибоя... А рисовать будет вывески для дешёвых баров и лавок секонд-хенда! И второй, тот, что верный школьный друг, таял от умиления. Наверное, и ей где-то там нашлось место — между холстом в пыльном углу и пальмой на берегу. Скромное, но достойное. Что за чушь?!

Нет, Витенька, не для того мы с тобой созданы. И затеяли всё это непростое мероприятие не для того. Добытый витакс нужно будет пускать в дело, утраивать, увеличивать вдесятеро... В крайнем случае, тянуть ещё. Она не против и такого варианта...

Звонок телефона прервал размышления. Условный, контрольный звонок. Софья схватила трубку.

— Третий дела сделана, — глухо прозвучал голос Вика в динамике. — Первая ёмкость заполнена.

— Умница! — не сдержалась Софья.

— Мы работали вдвоём, — подчеркнул Вик.

— Ну да... — чуть замялась она. — Я хотела сказать — умницы. Но тебя благодарю особенно...

— Вдвоём, — почему-то настойчиво повторил он. И замолк.

— Вик... — тревожно окликнула Софья. — Что случилось? Что-то не так?

— Всё так. Завтра продолжим. — Он будто вмиг устал говорить.

— Это будет завтра, а сейчас приезжай ко мне. Слышишь? Немедленно! Я соскучилась...

Он помолчал. Потом буркнул: «Буду...» — и повесил трубку.

Она взлетела с дивана. Принимать гостей — искусство, на овладение которым Софья в своё время потратила немало времени и сил. Лёгкий вкусный ужин, пусть не собственноручно приготовленный, но всё из хорошего ресторана. Звонок — заказ принят! Вино: тоже лёгкое, но выдержанное, благородных сортов. Ещё звонок — готово! Гнёздышко — уют, почти семейное тепло, атмосфера доверия и взаимного расположения. Всего

несколько штрихов: чуть смятый плед, чашка недопитого чая...

Макияж, наряд, движение руки и выражение лица — готово, готово, готово!

Пусть он приходит — у неё всё получится!

Он пришёл.

Софья с порога поняла — сегодняшняя акция далась Вику непросто. Лицо тягуна приобрело серый оттенок, остро торчали скулы, и запали глаза. Но шальной огонёк в них сохранился, став, правда, более похожим на лихорадочный блеск. Прошёл в комнату, оценивающе оглядел сервированный стол.

И всё повторилось в точности, как в прошлый раз. С порога, без предисловий и прелюдий — буйство животной страсти пополам с утончёнными ласками — до полной потери рассудка. И даже подтаяла от этого жара плёнка холодной рассудочности. Та, которой почти уже удалось покрыть ненужные чувства и глупые эмоции. Подтаяла и чуть не треснула. Но «чуть» не считается, как говорили они в далёком школьном детстве.

Поэтому после акробатики на диване и возле него — и до закусок и вина — между последними, остывающими, скользящими ласками:

— Вик, а Вик, тебе не кажется, что нам вместе безумно хорошо?

— М-м-м...

— У меня такое чувство, что этот мир создан для нас двоих. Только для нас.

— Это предложение?

— Да. — Прямо в ухо, горячим шёпотом, обжигая дыханием, чтоб волоски на теле встали дыбом.

И всё, закрыт вопрос.

Накормила, напоила вкусным, чуть терпким вином, окружила вниманием. Отогрела. Позволила развалиться в кресле с раскуренной сигарой. И уже тогда:

— Как тебе перспективы нашего предприятия, Вик?

— Как? — он взглянул несколько удивлённо, будто стряхивая дрему. — Нормальные перспективы. Всё сделаем, как договорились.

— А мне кажется, твоя роль несравненно больше остальных участников. Ладно — я, слабая женщина. Что я могу? Подарить заботу и ласку, быть рядом, делить радость встреч и тосковать в одиночестве, ожидая твоего возвращения. Но Залеский — чем он рискует? Дал аппаратуру, так и вернёт её таким же образом. Даже если кто-нибудь что-то заподозрит, всегда сможет отговориться.

— Ты хочешь сказать, что делёж добычи нужно пересмотреть? — приподнял бровь Вик.

— Да, это я и хочу сказать. — Софья откликнулась самым озабоченным и преданным взглядом, на какой была способна. — Ты рискуешь шкурой. Я же вижу, что-то случилось сегодня. Что-то серьёзное...

Он нахмурился, но не ответил.

— А любезный инженер сидит в офисе. В тёплом, чистом, безопасном офисе. У меня от этого душа болит, Вик.

— Я думал, вы друзья... — усмехнулся тягун.

— Я тоже раньше так думала, — она невесело улыбнулась в ответ. — Оказалось, нет. Мой друг — ты. И только ты.

— Я польщён, Соня, — вздохнул Сухов. — Но всё должно быть по-честному. Я видел много случаев, когда жадность приводила людей к очень печальному финалу.

— Это не жадность, Вик. Это справедливость.

— Следуя твоей логике, можно прийти к тому, что и Бас в нашей компании лишний, — нехорошо сощурился вор.

— А что?! — Софья вздёрнула подбородок, колыхнулась волна необычно зачёсанных волос. — Басу, прежде всего, нужно оплатить хорошее лечение. У меня есть связи, мы выделим на это столько денег и витакса, сколько потребуется. — И увидев, как Вик начинает отрицательно качать головой, нажала, вложив в голос хорошую толику искренности пополам с горечью: — Я знаю, что такое болезнь, Вик! Моя мать умерла из-за скупости отца. Такое не забывается...

— Бас оказывает мне неоценимую помощь. Он получит свою долю.

— Да пойми... — она присела перед ним, прикрыла своими ладонями его, — мы обеспечим Себастьяна всем необходимым, но зачем ему эти пальмы?! Это же глупо! Ему нужно не на пляжах нежиться, любуясь красотками в бикини, а лечиться! И в хорошей клинике...

— Бас получит свою долю.

— Ты не слышишь меня, — отпрянула она. — Я подарила тебе свою любовь, предлагаю союз, от которого станет лучше всем. Я знаю, каким образом можно всё устроить...

Он посмотрел точно так, как когда-то на берегу Змейки: у тех кустов, где впервые взял её. Оценивающе? — нет, не так. Словно гвоздём по стеклу, вот как. И сказал отдельно, как умел говорить только он:

— Бас достаточно взрослый человек. Он сам решит, что ему нужно. И получит свою долю. Сполна. — Помолчал, как бы убеждаясь, что его слова дошли до её сознания, и закончил: — Извини, сейчас я пойду. Нужно выспаться. Завтра второй акт... драмы? Или комедии?

Улыбнулся устало. Встал. Ушёл.

Софья осталась у кресла, на полу, даже не поднялась проводить. Лишь постукивала и постукивала кулачком по тому месту, где только что сидел вор.

Что ж, это твой выбор Вик. Мой славный Вик. Несгибаемый, упрямый, глупый Вик.

А Виктор шёл по освещённым фонарями улицам. Шагал как автомат, не замечая ничего вокруг — ноги сами находили дорогу. Перед глазами прокручивались события сегодняшнего дня: стадион, сотни человеческих лиц, ураган витакса, который он увидел. И который собрал! Вот что важно — никто раньше ничего подобного не делал. Да другому тягуну это и в голову бы не пришло — провести столь самоубийственное мероприятие.

Потому что ни у кого нет «пылесоса». А у него — есть.

Но вот концовка... Концовка подкачала. Ему и раньше приходилось иметь дело со смертью объектов. Случалось на первых неумелых пробах пера: то ли объём не рассчитал, то ли донор попался слишком слабый. Такое тоже бывает, на объекте не написано, что он болен. Или, например, только что сдал витакс в клетки. А тут тяг, и бум! — резкое снижение поля и нет человека.

И с ищейками, было дело, приходилось разбираться, но при помощи ножа. И ситуация была пиковой, дальше некуда. Сегодня, конечно, тоже не по бульвару собачку выгуливал, но никогда ещё не сосал он досуха, до доньшка, до смертельного исхода. Когда причиной гибели человека становится именно съём в чистом виде, и ничего больше.

Оказалось, подобный тяг — стресс для него! Да ещё какой...

При этом снятый витакс не пошёл в конденсаторы, — те были полны, — и чуть не убил его. Едва не смял внутренности, забил горло непроходимой пробкой, когда не вздохнуть, ни закричать. Спасло только то, что непонятным образом ещё работал чудесный шлюз в районе кобчика — и он стравил, сбросил бремя чужой жизни в пространство.

Витакс развеялся в эфире, как говорили в подобных случаях.

В этом повезло, но сам факт убийства через съём необычайно взволновал его. Никогда не считал он себя душегубом — вор, и не более того. Теперь отчёт пошёл другой. Да ещё Софья. Чего она хочет? К чему все эти разговоры о переделе? Уже не говоря о том, что на то она и добыча — её вначале нужно добыть, а потом уже делить...

И постарался отбросить все эти мысли: завтра, всё завтра, — разыграем как по нотам, иначе и быть не может. А сейчас спать.

Утро вечера мудренее.

И утро настало. Для друзей оно началось с вопроса, адресованного Басу:

— Видел на стадионе плакаты «Иван Царёв — совесть нации»?

Они только съехались, только сварили себе по чашке кофе и сделали по первому глотку.

— Как не видеть, — буркнул напарник. — Все рекламные тумбы ими обклеены.

— И, наверное, помнишь, что сегодня большой митинг сторонников Ограничителей. Во главе со своим лидером. Ты вообще политикой хоть немного интересуешься? Например, платформу этой партии знаешь?

— Нет, — пожал плечами Бас, — никогда не верил политикам. Врут всё.

— Может и врут, — согласился Вик. — Но эти выдвигают особую программу, и обещают... Впрочем, мы можем это услышать из первых уст. От самого господина Царёва.

— Ты же митинги не любишь, — удивился помощник. — Говоришь — опасно.

— Так и есть, но лучшего объекта я сейчас не вижу. Ты, кстати, тоже высказался: мол,

ищек там должно быть меньше, чем в любом другом людном месте. Есть у меня человек, обеспечит удостоверениями городского Департамента охраны здоровья. Сейчас навестим его, потом в прокате возьмём приличные пальто и к двенадцати топаем на площадь Свершений. Послушаем, какое светлое будущее готовит нам кандидат от партии Ограничителей Иван Царёв.

День выдался ветреным. Солнце светило так же, как и вчера над стадионом, но стало холоднее. Бас поднял воротник очень приличного кашемирового пальто и постоянно поправлял лёгкий белый шарф. Отчасти из-за непривычности подобной детали туалета, отчасти, чтобы закутать шею.

Вик подобрал и купил ему дорогие очки в модной тонкой оправе, заставил побриться и расчесаться. Себастьян, проникшись ситуацией, соорудил значительное, «умное» по его собственному выражению лицо и стал похож на аспиранта-неудачника. Почему-то у Вика родилась именно такая ассоциация — неуспевающий, похоронивший все надежды своего преподавателя школяр с кафедры каких-нибудь социологических исследований.

— Штурман, — с улыбкой сказал он другу, — сними умняк. Тебе это не идёт. Будь проще и естественнее...

Бас вначале обиделся, потом рассмеялся:

— Ты прав, командор. Никак не привыкну к своей новой роли. Но и ты на себя посмотри: чистый Джеймс Бонд...

Тягун нарядился в кожаный плащ и действительно походил на сотрудника спецслужбы. Впрочем, чиновники Департамента охраны здоровья тоже любили кожаные плащи. Вчерашние сумки в руках сообщников также претерпели изменение и выглядели сегодня обычными кейсами, как им и положено. Сменилась и эмблема, уже третья за два дня — на чемоданчиках теперь расцветало раскидистое дерево.

В целом, партнёры имели вид вполне респектабельный и деловой. А главное, при наличии удостоверений — очень неплохих фальшивок, различить которые смог бы только опытный полицейский, — Вик надеялся без затруднений пробраться на политическое шоу.

Уже на подступах к площади толпа на улицах стала уплотняться. Вор рассчитывал на большое скопление народа, но не думал, что популярность партии столь высока. Люди шли потоком, оживлённо обсуждали программу и самого Царёва, спорили. Слышались обвинения в адрес правящей партии и призывы в пользу Ограничителей. Шли сосредоточенно, деловито, порой даже с выражением ожесточения на лицах.

Работать на сборищах подобного рода Вику ещё не приходилось, но чем-то нынешнее мероприятие неуловимо напоминало вчерашний матч. Разве что люди были постарше, и в поведении их не замечалось дурашливости и ребячества. Голоса резче, благодушия нет совсем, часто применяют в споре рубящие жесты руками, а вот приветливо помахать друг другу — этого не увидишь. И всё же чувствовалось — идут на зрелище. Не менее азартное, чем спортивное состязание.

Скоро по двое, по трое стали попадаться полицейские, и это тоже напомнило вчерашний день. Документы не проверяли, но смотрели цепко, обшаривая взглядом фигуры прохожих. А на площади стражи порядка выстроились плотным кольцом по периметру. Однако штатских с жезлами, которых вор опасался более всего, не наблюдалось.

— Бас, — негромко обратился он к товарищу, — глянь на предмет ищек.

— Я смотрю, — откликнулся Бас. — Пока всё чисто.

Предчувствие предстоящей игры усиливалось. Те же знамёна: только вместо удара по

мячу на полотнищах красовалось то самое раскидистое дерево, символ будущего возрождения и процветания нации. Те же баннеры, с той лишь разницей, что вместо портретов футболистов на них мудро и с пониманием улыбался Иван Царёв. Та же бурлящая толпа, готовая сопереживать, взрываться бодрыми криками поддержки, или загудеть неодобрительно. А может, и растоптать, если понадобится...

Посреди свободного пространства, отделённого полицейским оцеплением, возвышалась трибуна. Вся в знамёнах, призывах и портретах кандидата, она могучей скалой вздымалась над подвижной стихией толпы. А правее, как с подветренной стороны океанского утёса, образовался участок полного штиля, спокойная мёртвая зона. Здесь неплотной аморфной группой расположились господа, всем видом своим разительно отличающиеся от прочих митингующих.

Дорогие плащи, добротные пальто, холёные спокойные лица. Поблескивают золотые оправы очков. Вик догадался: партийные функционеры высшего звена, наблюдатели от администрации и прочие заинтересованные лица. Те, кто реально вершит судьбы электората. Господа распорядители.

Он повёл Баса именно туда и стал вместе с напарником так, чтобы было ясно — они здесь не посторонние. Вроде сами по себе, не смешиваются с господами, но тоже принадлежат к числу избранных. До оцепления, кстати, оставалось порядочное расстояние, Вик учёл и это.

Однако перемещения сообщников не остались незамеченными.

— Здравствуйте, господа. Разрешите полюбопытствовать, какую партию представляете? От какой фракции?

Невысокий юркий человечек с залысинами и вислыми, как у казака усами появился неизвестно откуда. Вот только что его не было, а вот уже и здесь. Вик напрягся. Партийная служба безопасности, это, конечно, не полиция, но в их рядах обреталось немало бывших сотрудников, в том числе и опытных.

— Городской Департамент охраны здоровья, — бросил он небрежно, и махнул перед лицом безопасника удостоверением.

— О, мы рады таким гостям! — расплылся охранник, не обратив особого внимания на красную книжечку. — От Станислава Яковлевича?

— Нет, от Матвея Илларионовича, — значительно поправил тягун.

Ход был беспроегрешный. Станислав Лещинский, председатель Департамента, был в городе фигурой заметной. Подтверждение, что, мол, да, представляем его интересы, ровным счётом ничего не значило. Так могли сказать очень многие люди и поди проверь — истина это или ложь. Вик же козырнул именем Матвея Барышникова, недавно назначенного главой Государственной комиссии по контролю распределения витакса.

Это имя было новым. Информацией снабдил тот же человек, который сделал удостоверения. Снабдил как раз для такого случая: с одной стороны членов комиссии пока мало кто знал в лицо, с другой — имя это многое значило для сторонников Царёва. Платформа Ограничителей плотно соприкасалась с деятельностью комиссии.

Охранник сразу посерьёзней, даже как-то подтянулся:

— Располагайтесь, господа. Что-либо понадобится — обращайтесь. Я и мои помощники рядом, — и сдержанно указал на группу молодых, спортивного вида людей. — Поможем, если что.

— Благодарю, любезный, — Вик кивнул вежливо, но несколько по-барски. — Если что

— непременно.

Человек растворился в негустой толпе так же мгновенно, как и появился. Тягун перевёл дух — пока всё работает: и «корочки», и полезные знания.

— А здорово ты его... — восхищённо шепнул Бас, и скопировал интонацию друга: — «Непременно, любезный». Вертухай только что не раскланялся!

— Проехали, — буркнул Вик. — Лишь бы и впредь всё было гладко...

Тем временем с трибуны уже гремело представление, усиленное мегафоном, и короткое жестяное эхо гуляло по площади:

— ...предлагает новую программу! Эта программа для вас, сограждане! Партия Ограничителей борется за права трудящихся. Нам близки и понятны чаяния и надежды каждого из вас. Ваши нужды — вот что всегда было и остаётся основной точкой приложения наших усилий. Сейчас я передам слово Ивану Царёву! Этот человек третий год бьётся за права горожан. Определённые силы нам препятствуют, не желают, чтобы он представлял интересы трудящихся в Думе, но выбор за вами! Сделайте его осмысленно, но и слушая своё сердце!

Толпа у подножия трибуны разразилась аплодисментами, послышались выкрики: «Царёв — наша надежда!», «Голосуем за истинно народного кандидата!», «Даешь новую программу!»

Вик обернулся — на возвышение поднимался высокий седовласый человек, столь узнаваемый по многочисленным плакатам. Та же благородная осанка, та же мудрая спокойная улыбка на лице. Он поднимался неторопливо и степенно, полный осознания собственной значимости и необходимости для нации. Аплодисменты переходили в овацию.

Пора, решил тягун и прикрыл глаза. Картина была иной, нежели вчера на стадионе — сиреневое марево стояло над людьми, клубилось причудливыми протуберанцами, закручивалось спиралями. Как и вчера различить ауру каждого отдельного человека не представлялось возможным. Подобно толпе, выглядевшей монолитом, жизненная сила создавала однородное поле, спаянное общим устремлением и единой волей.

Наученный опытом вчерашних событий, Вик не торопился кинуться навстречу этому мареву. Знал убойную силу сплошного потока витакса, и не столько для себя, сколько для Баса и доноров. Слишком живо стояли перед глазами вытянутые побледневшие лица вчерашних болельщиков. Бессильное оседание тел в креслах, вялые замедленные движения.

Поэтому сегодня он решил сразу применить тактику, опробованную на стадионе перед уходом. За исключением перемещения — двигаться здесь было некуда, да и выглядело бы это глупо и подозрительно. Но вот снимать аккуратно, малыми порциями и с перерывами, это было сейчас самое то.

Вик потянул лёгким движением. Движением души, но левая рука непроизвольно плавно загребла воздух, а правая сама нажала пуск «пылесоса». Короткой очередью откликнулось «блюдец».

Гул толпы стих, но не тяг стал тому причиной. С трибуны зазвучал хорошо поставленный голос:

— Дорогие сограждане! Братья! Я не стану тратить попусту слова. Все знают, как витакс изменил нашу жизнь. Раньше у властных структур был один рычаг управления — деньги! В деньги обращались товары — и хлеб, и машины. Деньгами мерили трудолюбие, ум, добросовестность и прилежание. Степень полезности одного человека для других людей. Деньги регулировали нашу жизнь. Кровеносная система общества — так называют экономисты национальную валюту и финансовые образования — банки...

Внешний вид митингующих не менялся. Никто не бледнел, не валился в обморок — одухотворённые лица, распахнутые глаза, всё внимание обращено к оратору. Вик постреливал короткими очередями, не забывая поглядывать в сторону полицейских и на Баса.

— Сегодня многое изменилось, — продолжал вещать Царёв. — Мало того, что учёные придумали страшное, богопротивное дело — отнимать годы жизни у одного человека и отдавать их другому, так ещё продажные политики делают всё, чтобы вы, истинные производители материальных благ, получали от этой аферы лишь крохи. Это у вас, у ваших жён и матерей, у детей ваших забирают жизненную силу! И пусть никто не обманывается добровольностью донорства: вы поставлены в такие условия, и реальность нынешней жизни такова, что просто невозможно не сдавать витакс. Они вынуждают вас продавать своё долголетие, здоровье и самую жизнь, так будет и впредь! Чем дальше, тем больше!..

Мощный гул зарождался в недрах толпы, нарастал, ширился. Так раскаты грома предшествуют началу грозы, урагана и ненастья. Вик видел лица в ближних рядах — закаменевшие, гневные. Различал стиснутые кулаки, слышал: «Правильно говорит человек! Нас обманывают!..» И прихватывал, прихватывал от этого лакомого пирога — единого безбрежного океана чужой жизни.

Нажимал пуск коротким скользящим движением, отмечал, как исправно работает система сброса, и чувствовал: барабанная дробь привода удлиняется и уплотняется. Черт возьми, насыщенность облака витакса делало его чрезмерно доступным. Тягуны всегда знали преимущества многолюдья, но никто никогда не имел такой техники, что была сейчас в руках Вика.

— ...И потому партия Ограничителей предлагает национализировать накопленные запасы витакса! — гремело с трибуны. — Это ваша жизнь: годы, не прожитые вашими детьми и жёнами, украденные у ваших матерей и братьев — ваших близких! Мы вернём вам ворованное и введём строжайший контроль распределения!..

Накал страстей крепчал. Выкрики слышались уже беспрерывно, угрозы смешивались с одобрением, всё чаще звучало: «Отдайте наш витакс!» Шум стоял невероятный, и тягун с трудом различил сигнал заполнения ёмкости. Покосился на Баса — тот стоял бледный и растерянный. Казалось, речь Царёва и всё происходящее производят на него неизгладимое впечатление.

— Бас, давай свой конденсатор! — толкнул вор бывшего инспектора в бок.

— Сейчас! — восторженно тот и принялся судорожно переключать кейс из руки в руку.

— Спокойнее, штурман. — Вика пришлось прихватить друга под локоток. — Ну что ты, Себастьян. Просто передай свой кейс и возьми мой. На нас никто не смотрит, успокойся...

А толпа уже неистовствовала. Шум достиг такого уровня, что Вика едва слышал собственную речь. Вор оглянулся на охрану — молодцы становились плотным строем, окружая распорядителей стеной, а из боковых улиц выбегали полицейские из подразделения физической защиты. В шлемах, со щитами и дубинками в руках.

— ...Я вам обещаю — витакс будет распределяться между всеми, равномерно и справедливо! — неслось над площадью. — Мы создадим комиссии, честные и объективные! Больные и нуждающиеся получают лечебную подпитку, ваши отцы и матери — продление жизни! Долголетие и здоровье станет достоянием каждого гражданина в полном смысле слова!

Что-то должно случиться, чувствовал Вика. Напряжение нарастало, оно просто так висело в воздухе, в жаркой, несмотря на осеннюю прохладу, атмосфере площади. Это что-то назревало как нарыв. Уже не было нужды прикрывать глаза — выплеск столь мощно рвался наружу, что стал хорошо виден при свете дня. Сиреневое марево колыхалось над людскими головами плотным, почти осязаемым облаком — бери и черпай пригоршнями!

И плюнув на предосторожности, тягун распахнулся.

«Блюдце» будто сошло с ума, словно пустилось в пляс, выбивая на груди фантастическую чечётку. Внутри что-то ёкнуло: ватная слабость залила тело, подогнулись ноги. Но система работала, втягивая сотни и тысячи единиц чужой силы и активности. Вика словно вбили огненный кол — от груди до копчика. И в этом раскалённом пространстве ощущался беспрерывный ток, зуд и покалывание. Ещё чего доброго из задницы дым повалит — мелькнуло в мозгу. И тут же взмолился — Господи, дай сил продержаться, заполнить второй кейс, и потом — ноги!..

Мяу! — пискнул конденсатор.

Потная ладонь в кармане с наслаждением отбросила пульт.

— Бас! Ты в порядке?! Уходим!..

Б-бах-бах! — двойной хлопок разорвал набрякшее неясной угрозой пространство над

площадью, и тут же всё смешалось. Ряды митингующих сместились, плотная до того толпа в мановение ока обратилась хаосом: круговоротом испуганных лиц, плеч, вскинутых рук. Бабочками порхали сбитые с голов шляпы.

Неожиданно посреди всего этого столпотворения образовалось пустое пространство, будто вода отхлынула, и стала различима небольшая, но плотная группа людей в камуфлированных комбинезонах и вязаных масках-шапочках. Над зловещими этими фигурами, словно гора над лесом, возвышался гигант в украшенной заклёпками косухе, надвинутой на глаза широкополой шляпе и с разбойничьим платком, закрывающим лицо. Глуховатым голосом, но достаточно громко он проорал:

— Не верьте этим лживым павлинам! Царёву нужна власть, плевать он хотел на ваши нужды! Сограждане! Братья! Вам помогут только Неукротимые!..

Полицейский ринулись к группе, но протолкаться через толпу было не так-то просто. Тела митингующих стали живой преградой на пути к бунтарям, но стражи порядка быстро отбросили всякую деликатность — на плечи и спины демонстрантов посыпались удары дубинками. Паника и сутолока усилились ещё больше.

Неукротимые во главе с Громом, — а у Вика не появилось ни малейших сомнений в том, что это он, — стояли недвижимо. Будто полицейских, прорубающихся к ним сквозь толпу орущих сторонников Ограничителей, не существовало. Бойцы службы безопасности тоже заметно подобрались. У одного, как заметил вор, тускло блеснул на руке кастет. И это наверняка было не единственное оружие, имевшееся в распоряжении безопасников.

— Мы вернём ваш витакс! — теперь уже голос главного экстремиста города грохотал над площадью. — Заберём у кровососов и возвратим вам, истинным хозяевам этого мира! Сколько можно терпеть бессмертных, позволять им жировать на вашем витаксе?! До каких пор будете вы доверять краснобаям, именующим себя народными заступниками?! Вы — хозяева своей страны!..

Полицейские в броне пробились, наконец, к пустому пространству, окружающему Неукротимых, и теперь обступали противника, охватывали кольцом. Молодцы из безопасности подтянулись ближе, перегруппировались. Намечалась бойня — никакого оружия у боевиков не наблюдалось, и попыток уйти, скрыться они не делали.

— Фракция Неукротимых готова вступить в бой за ваши интересы! — выкрикнул Гром, указывая рукой на трибуну. — Не щадя жизни! А ответ полицейскому произволу у нас имеется!..

Все взоры обратились туда.

Трибуна была пуста. В том смысле, что от многочисленной свиты Царёва не осталось и следа. Но сам он присутствовал, а рядом — бледный, с кривоватой усмешкой на губах и чрезвычайно независимым выражением лица, стоял юноша в комбинезоне. Точно таком, как и у остальных Неукротимых, но грудь его была увешана крест-накрест брикетами. От брикетов шли разноцветные проводки, которые замыкались в небольшом блоке на поясе, а уже из блока тянулся провод к правой руке боевика.

Что сжимает рука, и что находится в брикетах, не составляло тайны ни для кого.

Левая же рука юноши была прикована к руке Ивана Царёва наручником. Сам политик, по-видимому, едва держался на ногах. Даже оттуда, где стояли Вик с Басом — в двадцати-тридцати метрах — было видно, как обильный пот заливает его лицо, и как тяжело опирается он о трибуну.

Толпа ахнула. Полицейские попятились. Безопасники вплотную окружили охраняемых

персон, прикрывая их своими телами.

— Вот теперь мы будем разговаривать о комиссиях и надзоре за распределением витакса! — почти весело продолжал главварь боевиков. — А если что-то пойдёт в переговорах не так, мой соратник отпустит кнопку, и контакт замкнётся...

И тут толпа шарахнулась. Люди, обезумев, рванулись с площади, подальше от страшной парочки на трибуне. Полицейских смяли, боевики ещё удерживали свои порядки, но вор не стал досматривать представление до конца. Пусть разбираются сами — левые, правые, смертники и полицаи! — лишь бы ноги унести!

Дёру! — он схватил застывшего истуканом Баса за рукав и рванул к одной из боковых улочек. Той, что не была ещё перекрыта полицейскими. Напарник, похоже, совершенно утратил силы, и Виктор тащил его силком.

На пути появлялись чьи-то фигуры — Вик нещадно толкался. Вот вынырнула чья-то перекошенная физиономия, потянулась рука — Вик врезал кулаком в белые от ужаса глаза, пнул ногой понизу. Кто-то попытался вцепиться в плащ — стряхнул одним резким движением.

Вперёд, к выходу из этой преисподней! Иначе сомнут, затопчут, разорвут на куски!

Дорогу преградила угловатая, в броне и сфере фигура полицейского. Рука, сжимающая дубинку, угрожающе поднялась, но Вик вильнул ужом, нырнул под занесённое оружие, не забывая тащить безвольного Баса. Кажется — проскочили! Увы, напарнику всё-таки досталось дубинкой, но, к счастью, вскользь, не опасно...

Они вломились в тишину улочку как ураган, как горячее дыхание площадной драки — вскоченные, в развевающейся дорогой одежде, давясь хриплым дыханием. Вцепившись намертво в бесценные свои чемоданчики — и бросились со всех ног прочь.

Скорее!.. Отсюда!.. Лишь бы подальше!..

От площади они добрались в свой подпольный (вернее, почти чердачный) штаб на такси. По пути взяли бутылку ямайского рома и первым делом выпили по полстакана обжигающей шестидесятиградусной жидкости с запахом жжёного сахара. Бас сразу опьянел, но это было лучше того, что Вик видел по дороге с площади.

Напарник смотрелся совершенно потерянным. Лицо бледное, дорогие очки он потерял во время бегства, причёска растрепалась. И это бы ладно — Бас так выглядел почти всегда: растеряно-встрёпанным, добродушно-мечтательным. Но он ведь говорун, его верный штурман Себастьян! Любит побалагурить, пошутить, а тут слова не вытянешь. То молчит, то заикается и бормочет что-то невнятное.

— Господин Лагерь, — тормозил его Вик, — ты что? На тебя так подействовали заявления политика? Брось, Бас! Сам же говорил, верить этим ребятам нельзя, всё врут. Или ты просто струхнул, старина? Это не беда, со всеми бывает...

— А вдруг действительно так всё и будет? — неожиданно вскинулся тот и посмотрел глазами умной, но больной собаки. — Государство возьмёт в свои руки распределение витакса, все будут получать поровну?..

— И где же государство будет его добывать? — удивлялся тягун наивности помощника. — Если сограждане будут только потреблять, — вот все такие хорошие, и всё очень честно устроено, но все только и делают, что получают дополнительные годы жизни по талонам, — кто же будет витакс сдавать? Преступники? Их недостаточно, чтобы удовлетворить спрос. Этот вопрос давно прожевали и проглотили. Да и забыли уже. Добровольцы? Так откуда они возьмутся? Каждому захочется получить на дармовщинку несколько лет жизни, а слить — где дураков взять?

— Царёв сказал, накопились огромные запасы...

— Это Царёв сказал, а насколько это правда — неизвестно. И даже очень большие запасы когда-нибудь заканчиваются, если их постоянно не восполнять. Чуть раньше, чуть позже...

Бас тряс головой, снова принимался шептать что-то себе под нос. И опять смотрел большими глазами. А потом вдруг сделал неожиданный вывод:

— Тогда нужно отлить витакса. Отлить и спрятать. Когда Залеский потребует «пылесос» назад, скажем, что не смогли наполнить все три канистры. Как он проверит? Вот, скажем, всё, что смогли — и покажем две ёмкости. Их и поделим! А сами с прибытком останемся...

— Бас, ты же умница! — Вик заговорил с другом проникновенно, как с маленьким. — Ты же понимаешь, что если Залеский захочет, натравит на нас службу безопасности «Партнёра»! Даром что сам замазан, придумает что-нибудь. Ужом вывернется, а нас подставит. Это опасно. И вообще... не нравится мне это, и всё! Сколько раз был свидетелем — пожадничает вор, заметить не успеешь, как сторел. А так, может, цел бы остался. — Он присел перед Себастьяном, заговорил неторопливо и отдельно, как любил делать в ответственные моменты жизни: — Добудем витакса сколько нужно. Отдадим то, что причитается инженеру. Потом заберём своё — и только нас и видели!

В штабе, открывая бутылку, вор включил радио, и в мансарду ворвался встревоженный

голос диктора — экстренное сообщение!.. Площадь Свершений... Попытка покушения на лидера Ограничителей Ивана Царёва!.. Полиция... жертвы... Столько-то получили ранения в столкновениях с силами правопорядка, столько-то — травмы в результате паники и давки, столько-то арестованы как зачинщики и активные участники.

Группа Неукротимых расстреляна подразделением спецназа...

И тогда Бас сказал:

— Наливай полный.

После стакана огненного напитка он окончательно захмелел, начал припадать на тахту, но Вик решил, что под присмотром матери ему будет лучше. Вызвал такси, загрузил пьяного Баса в салон и отвёз домой. Передал едва шевелящееся тело друга Валерии Лагерь с рук на руки. Однако утром верный помощник появился в явке: осунувшийся, бледный, но вполне работоспособный. Даже сосредоточенный. Вместе полюбовались на вторую, заполненную под завязку канистру, и стали думать, как жить дальше.

— Ничего в голову не приходит, — жаловался тягун. — Газеты свежие пересмотрел, кручу в голове и так и этак — не знаю! Идти по обычным маршрутам? Электрички, рынок, супермаркеты? Опасно, да и улов будет не тот. Щипать по десятку единиц — это ж сколько времени уйдёт и сил!.. А остался один день. Нет, надо что-то придумать. Соображай, штурман.

Бас ворочал кудлатой башкой, ставил брови домиком, пожимал плечами. Потом затих. Вик уже начал примеряться к слёту рыболовов и охотников. Объявление об этом сборище выделялось ярким пятном на первой странице газеты «Рыбалка», невесть как попавшей в кипу купленной прессы, когда напарник прорезался:

— Командор, слышал я перед самым уходом из полиции... Не знаю даже, подойдёт ли нам это...

— Давай, Бас, не тяни. Что ты, как беременная гимназистка перед директором, честное слово.

— В общем, сдружился я с одним лейтенантом. Не то, чтобы даже сдружился, но отношения завязались чуть человечнее, чем с остальными. И как раз накануне той злосчастной операции, когда тебя ловили, посидели мы с ним за пивом... Ты знаешь о группировке заречных? Ну да, ребята, что держат порт. У них давний конфликт с рейдерами. Те традиционно контролируют торговлю самодельной водкой, но товар получают по реке. Из Улыбинска, где у них производство, бидоны сплавляют вниз по течению баркасами. Вот в порту интересы и пересекаются. В полиции об этом давно знают, но пока ничего не предпринимают. Ждут, когда бандюки схлестнутся пожёстче... Говорят, заречные заломили несусветную пошлину, а рейдеры их вообще шпаной считают. Мол, мы этих босяков в порт пустили, к делу приспособили, а те наглеют. Как бы то ни было, конфликт назрел острый. И на сегодня, если мне не изменяет память, назначена сходка. Собираются разобраться окончательно, все вопросы порешать...

Вик внимательно слушал. Бандитская разборка? Тягуны никогда с откровенными бандитами не связывались. С точки зрения закона числились преступниками, но сами себя таковыми не считали. Оттянуть десяток-другой единичек, это не кошелёк украсть. И уж тем более, не размахивать дубиной в тёмном переулке. Но мир криминала так устроен: где торгуют ворованным витаксом, там и предательство, и обман, а бывает, и стрельба. Порой прикрывают друг друга, а когда нужно — наоборот, сдают с потрохами.

— Если сходка состоится, то драка будет почти наверняка. И драка знатная, —

продолжал напарник. — Но нужно уточнить — время, и сегодня ли всё состоится? Бандиты и перенести могли, и вообще отменить.

Вор прикидывал возможности. Если ради небольшого тяга он провоцирует ссору в вагоне электрички или на рынке, то драка озверелых бандитов должна дать такой выплеск, что о-го-го!

— Есть у меня человек, как раз утром звонил. Можно сходить, поговорить... — задумчиво проговорил он. — Посиди в тепле, расслабься. Выглядишь ты не очень... Заправлялся сегодня?

— Ты ж мне жетонов дал, — слабо улыбнулся Бас. — Жаль только, на Беговую с ними не сходишь. Там к казённым привыкли, подозрительно будет — вдруг жетоны Свободного Национального Ви-банка... у безработного... Зато какие там пальмы!

Эти жетоны Вик получил ещё от Грома. Наверняка добыты в схватках с кровопийцами, да жив ли теперь сам вожак? А вслух сказал:

— Ладно, будут тебе пальмы. И не на картинке, а самые что ни на есть настоящие. С морем в придачу.

Быстро оделся и ушёл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бас прилёг на тахту. Прикрыл глаза: и тут же вновь, как наяву зашумела площадь. Угловатые фигуры полицейских в броне, бледные растерянные лица митингующих, и зловещие, в камуфляже и масках Неукротимые посреди пустого пространства. Смертник, прикованный к политику наручником...

Боже, во что я вляпался! — мысленно ужаснулся он. Но сил додумывать мысль до конца, досматривать видение, и вообще, на что-либо — сил не оставалось. Бывший инспектор мучительно вздохнул, как застонал. Дрёма накатывала тяжёлой вязкой волной, и он не стал сопротивляться этой силе, позволил убаюкать, оттеснить реальность. Провалился в зыбкую пелену забытья.

Сколько времени прошло, он точно сказать не смог бы, но хлопнула дверь. Ключи каждый из подельников имел свои. Бас привстал...

— Всё путём, — кивнул Вик, стаскивая куртку. — Место известно. Недалеко от порта есть пустырь: безлюдный берег реки, заросли кустарника, холмы. Не первый раз там вопросы решают. И спрятаться есть где. Времени у нас немного, но должны успеть.

Он прошёл в комнату и сел на тахту.

— Я там бывал несколько раз, встречался кое с кем. Дорога идёт по-над рекой и упирается в ровную круглую площадку метров двести в диаметре. С одной стороны холмы, у подножия дикие заросли. Листва опала ещё не вся, там можно спрятаться, а участники, скорее всего, станут в центре. Таким образом, до них будет метров сто.

Он перевёл дух и заключил:

— Спрячемся. Когда момент подходящий настанет — сделаем дело. А потом отойдём незаметно. Есть там тропка, я проведу.

— Когда выезжаем?

— Сейчас. Надо добраться до прибытия основных участников.

Сборы много времени не заняли. Надели куртки, джинсы, кроссовки — обычный наряд городских жителей. Кейсы уложили во вместительные рюкзаки, предусмотрительно купленные Виком ещё в первый день. Брал на всякий случай, а вот пригодились. У двери на миг остановились, как бы собираясь с силами.

Бас бледный и сосредоточенный. Даже угрюмый. Вик спокойный и собранный. Немного на взводе, как всегда бывает перед охотой, но внешне это не так просто определить. Где-то в Центре, в празднично расцвеченном многоэтажном доме, в уютном гнездышке застыла в напряжённом ожидании женщина с волосами, зачёсанными на одну сторону наподобие крыла птицы.

— Ты как, в силах? — тихо спросил Вик. — Хочешь, я схожу сегодня один?

Но Бас посмотрел как-то странно и мотнул головой:

— Нет, командор, вместе, так вместе. Давай закончим уже это всё, что ли...

На автобусе сообщники без приключений, не привлекая к себе внимания, добрались до порта, но на причалы не пошли, обогнули стороной. Потом минут десять шли пешком через голое запущенное поле: то и дело приходилось обходить остовы лодок, горы гнилых ящиков, заброшенные пакгаузы. Добрались, наконец. Прямо по ходу виднелся берег реки — широкая, но быстрая Змейка делала здесь излучину, свинцовая вода плескалась о пологий песчаный берег. Но Вик повёл направо: туда, где возвышалась цепь невысоких холмов. Подножия их, как и ожидалось, заросли густым кустарником. Последние жёлтые листья играли под ветерком, дувшим от реки.

Не доходя метров пятьдесят до кустов, Вик остановился. Вокруг простиралось открытое пространство с утопанной пожухлой травой. Вор повёл руками:

— Вот здесь это обычно и происходит. Дорогу видишь? — он махнул рукой за плечо. — Съезжаются одновременно, опаздывать или приезжать раньше времени считается дурным тоном. Выходят вот сюда, на полянку и становятся лицом к лицу. Начинается «тёрка» — будут предъявлять претензии, брать на голос. Может, сразу полезут драться, по-разному бывает...

Бас примерно знал, как это бывает. Полицейский Пётр служил раньше в оперативном отделе сыска, рассказывал. И даже кое-что растолковывал. Сейчас Себастьян тоже прикидывал: спрятаться лучше всего во-о-он в тех кустах.

— Схоронимся там, — сказал тягун и указал в точности на то место, которое приметил эксперт. — Там в глубине, между холмами есть хороший проход. Уйти можно в любой момент. Стрелять вряд ли будут, скорее всего ножи, кастеты, цепи. Обычно так бывает.

— Всё понял, — кивнул Бас. — Заляжем, дождёмся основных персонажей...

— Ага, и как только появится возможность, я снимаю. И тут же делаем ноги.

— О'кей, всё будет о'кей, командор, — невесело усмехнулся Бас.

В глазах эксперта мелькнула тоска, но лишь на миг. Вик даже засомневался — показалось? Но сегодняшнее настроение напарника ему определённо не нравилось. После операции нужно будет хорошенько отдохнуть. Да и то — бог даст, завершающий этап. Лишь бы сейчас всё получилось, а потом возьмём свои канистры и подальше отсюда. Куда-нибудь на берег синего моря...

Они, осторожно раздвигая кусты, стараясь не ломать ветки и не нарушать первозданный вид зарослей, пробрались в укрытие. Вик ловко оборудовал лёжку. Залегли. Тягун позаботился сформировать «окно» между веток — чтобы был приличный обзор для работы с «пылесосом».

Дождей не было уже три дня, но здесь, в зарослях, сохранялась сырость, и лежать на земле оказалось не слишком комфортно. Ничего, потерпим. Вик достал «блюдец» и пульт — сегодня прятать их не нужно. Можно будет направлять антенну прямо на объекты. И вообще, здесь, в кустах стесняться некого: пусть стучит, свистит, ещё чёрт знает что вытворяет, лишь бы снимала быстрее. Главное сегодня — скорость. Заполнить резервуары и уходить.

И тут от реки, с дороги послышался звук моторов.

Тёмный фургон и светлый микроавтобус появились один за другим. При въезде на пустырь они разделились: фургон свернул и сразу затормозил, автобус же проехал дальше по

дороге, и только потом завершил длинную дугу, вывернув носом к первой машине. Из салонов посыпались участники предстоящего действия — все как на подбор молодые, крепкие ребята с сумрачным выражением на лицах. Стали двумя группами, одна против другой.

— Слева заречные, справа рейдеры, — прошептал Бас, выказывая незаурядные знания в различиях местного криминалитета.

Тех, что справа, было явно меньше, но выглядели они более респектабельно, с определённым бандитским шиком. Приличные костюмы, галстуки, шляпы, тупоносые туфли на толстой подошве. Вик не сразу сообразил, что всё это точная имитация нарядов американских гангстеров ревуших тридцатых годов. Интересно, не держит ли кто под полой старый добрый «Томпсон» сорок пятого калибра? Веселятся ребята...

Заречные, числом около дюжины, оделись более привычно и функционально: кожаные «косухи» и джинсы, заправленные в высокие ботинки. Некоторые держали правую руку немного за спиной — ясно, бейсбольные биты, дубинки, может, велосипедные цепи.

— Рейдеров на глаз вдвое меньше. Интересно, они вооружены? — тихонько спросил Вик.

— Это очень серьёзные ребята, — мотнул головой Бас. — Ножи и кастеты как минимум, но кое-кто может иметь и огнестрел.

От обеих групп отделилось по одному участнику — вожаки. Они сошлись на равном расстоянии от своих сторонников и стали в напряжённых позах — сторбленные спины, руки в карманах. Начался разговор. Слов слышно не было, но позы переговорщиков не оставляли сомнений — протекает далеко не светская беседа.

От силуэтов веяло угрозой и готовностью незамедлительно вцепится друг другу в глотку.

Вик примерялся. Дистанция — менее ста метров, проблем быть не должно. Но ещё рано, братва пока разогревается. В переговорах обязательно должен обозначиться пик, точка, когда страсти закипят не по-детски. Вот тогда и можно будет действовать наверняка. Только не пропустить момент — жаль, слов разобрать не удаётся...

Однако развитие событий угадывалось и с расстояния. В какой-то миг в рядах обеих групп наметилось движение: лёгкое, но грозное волнение. Заречные больше не скрывали дубинок, теснились, едва заметно подтягивались к беседующим вожакам. Рейдеры стояли в каменном спокойствии и все держали руки в карманах.

Это смущало Вика. Стрелять на подобных сходках было не принято, обычно всё завершалось всеобщим мордобоем. Жестоким, часто с жертвами, но без пальбы, по-тихому. Привлекать излишнее внимание было не в интересах обеих сторон. А сейчас Вик с Басом представляли третью, тоже заинтересованную сторону, и встреча с полицией им не улыбалась так же, как и бандитам. Но малочисленность и невозмутимость «пиджаков» выглядели неестественно и пугающе.

Тягун выжидал ещё примерно пять минут, но больше сдерживаться не было сил. Чувство тревоги и беспокойства подталкивали его. Прищурился, отрёпился от всего — знакомый призрачный свет залил людей на пустыре, — и вор ахнул. Аура была не лиловой, и не привычно сиреневой — багровой. Она не перетекала, как обычно, плавными разводами, а мерцала, играла алыми просверками. И вся эта картина была статичной, совершенно не походила на выплеск.

Тянуть или нет? Вик совершенно не видел, не понимал — как, за счёт чего начнёт

перетекать витакс? И трогать, подталкивать поле не хотелось совершенно. Будто внутренний голос кричал — это опасно! — и он медлил. Гладил пальцем кнопку, но не нажимал, словно что-то сдерживало, подсказывало — знакомой пулемётной дроби на этот раз может не случиться.

Тем временем вожак заречных неожиданно сместился, пригнулся и едва уловимо махнул рукой. Рейдер сложился пополам, полетела с головы франтоватая мягкая шляпа. Человек рухнул, пачкая глиной свой приличный костюм, а заречные закричали — вдруг, все разом, дико и безумно. И кинулись на противника, вздымая над головой руки с оружием.

«Пиджаки» как стояли, так и остались стоять редким строем, только руки выдернули из карманов, и над пустырём сухо защёлкали выстрелы. Вот тебе и ножи с кастетами! — эти ребята с самого начала собирались не церемониться, а попросту перестрелять зарвавшихся соперников. Нужен был лишь повод.

При звуках выстрелов заречные как бы споткнулись на бегу. Также разом, все вместе — будто репетировали. А следом упал первый, потом второй, потом группа бросилась врассыпную, а «пиджаки» неторопливо и хладнокровно отстреливали разбегающиеся фигуры. Аккуратно целились, нажимали спуск, и летела в сторону ненужная бита, — что она против пули?! — очередная фигура в кожанке-косухе валилась на истоптанную пожухлую траву.

Уже после падения первого подстреленного Вик зажмурился. Не оттого, что сдали нервы — вид крови его не пугал, да и в переделках бывать доводилось. От выплеска — алобагрового, неожиданного, слепяще-яркого. И следом, с падением второго тела — как кислотой в глаза!

Не дожидаясь обвала под ложечкой, он выставил «блюдце» и нажал заветную кнопку. Чуть напрягся в предвкушении знакомой дроби, но поучил неожиданный и сильный удар в кисти. «Блюдце» дёрнулось в руках так, что тягун еле удержал прибор. Звук, напоминающий удар колокола поплыл среди треска выстрелов.

Турбина в районе кобчика сегодня почему-то не ощущалась. Чёртов прибор, сколько же ещё он хранит загадок? Видимо, витакс сейчас напрямую сливался в хранилище, почти не задевая Вика. Он перехватил привод покрепче, направил в сторону падающих силуэтов и вновь нажал.

Удар! — гул! — боль в глазах!

И выстрелы, выстрелы, выстрелы...

Опять удар!

Гул!

Боль!..

Сиреной взвыл сигнал наполнения конденсатора. Или это Вика только показалось: просто перетянутым нервам негромкий мявк померещился гласом судной трубы.

— Бас! — завизжал он, не узнавая собственного голоса. — Давай второй конденсатор! Давай, дьявол тебя заberi!

Переключился, вжал кнопку, и волна боли опалила истерзанные запястья.

Зареченский вырос перед лежбищем неожиданно. Откуда-то сбоку, ломая кусты как носорог, он вывалился из зарослей. Тормознул, оторопело оглянулся — запаленное дыхание вырывалось облачками пара изо рта. Глаза совершенно дикие. Парень бестолково крутился на месте, бессмысленно таранился вокруг, потеряв ориентацию.

Вик замер, не зная, что делать, а Бас подскочил как на пружинах. В руке его — страшно

и неотвратимо — тускло блеснул большой чёрный пистолет. Лицо напарника исказилось, на миг Вику показалось, что он сейчас заплачет. Но вместо этого Бас вскинул оружие и нажал на спуск.

Выстрел прогремел оглушительно. А Вик одновременно с грохотом вскинул привод и нажал свою кнопку. «Блюдце» дернулось так, что чуть не вывернуло суставы. Казалось, пуля срикошетила от зареченского и попала в него, Вика, и лишь благодаря «блюдцу» он ещё жив и цел. Но всё было не так, потому что парня отбросило обратно в заросли, и оттуда кто-то заверещал в безумном ужасе.

Вор был готов поверить, что это кричал смертельно раненный бандит, но Бас с завидной резвостью, яростно рыча, ринулся на крик, — туда, где скрылся подстреленный. А Вик вскочил и потянулся следом, и увидел, что за ветвями прячется, приседает, накрыв голову руками, второй беглец с поля бойни. И Бас, проламывая кусты, прыжками сокращает дистанцию и приставляет ствол к голове беглеца, прямо к этим судорожно сжатым ладоням.

Ба-бах! Бах!

Из-под ладоней плеснуло чем-то тёмным, но этот отвратительный сгусток, этот жуткий плевок растворился в багровом зареве, и тягун, уже не думая ни о чём, конвульсивно нажал на пуск привода.

Снова удар, и снова Вику показалось, что пули, выпущенные напарником, попадают в него. Лупят в привод, грозят пробить хрупкую преграду и вонзиться в сердце!

Оборвать жизнь...

В это время на пустыре взревел двигатель. Вик только теперь понял, что стрельба прекратилась. Бас, уже не бледный даже, а серо-зелёный, выбрался из-за кустов, схватил его за руку и потащил напролом к пустырю. Вор силился вспомнить, был ли сигнал со второго конденсатора. Вспомнить не получалось. Да теперь это уже не имело никакого значения.

Они вырвались из зарослей. На светлом автобусе, пробуксовывая, спешно покидали место бойни рейдеры. А по всему пространству пустыря лежали трупы. Раскинув руки, подогнув ноги, вывернув шеи. По-разному.

И всюду кровь неопрятными пятнами по осенней блёклой траве. Одиноко прижался к дороге пустой фургон заречных. Именно к нему и тянул Бас. Вик понял замысел друга, и не сопротивлялся, позволял себя тащить. На сопротивление не было сил. Ни на что уже не было сил...

Бас гнал как сумасшедший. Фургон вначале подбрасывало на ухабах просёлочной дороги вдоль реки, потом заносило на крутых поворотах улочек и перекрёстков предместья. Правил дорожного движения партнёр не соблюдал, на светофоры не обращал внимания, и Вик, как бы ни был он потрясён всем произошедшим, по-настоящему опасался, что гонка может закончиться самым печальным образом.

Но бог миловал. Довольно скоро они приехали в район, где снимали мансарду. Машину бросили, не доезжая нужного дома, в глухом тупичке. Почти бегом преодолели расстояние до подъезда, проскакали лестничные марши, ворвались в комнату. И только тут перевели дух.

Бас тяжело повалился на кровать. Выглядел напарник ужасно: на бледном, с землистым оттенком лице лихорадочно горели глаза, лоб покрывали крупные как горох капли пота, синеватые губы тряслись. Да и всё тело его сотрясала крупная дрожь: руки, безвольно упавшие вдоль тела, ходили ходуном, голова и плечи конвульсивно вздрагивали. Себастьян пытался унять этот страшный озноб, но справиться с ним не мог и потому выглядел особенно жалко.

Виктор бросился к столу, вылил в стакан остатки рома, чудом сохранившиеся после вчерашних приключений. Поднёс ром ко рту друга:

— Штурман, выпей! — Он заметил, что его рука тоже подрагивает. — Выпей, тебе нужно взбодриться. Всё уже позади. Мы добились своего, мы теперь богаты! Не раскисай, брат!..

Стуча зубами о край стакана, Бас хлебнул крепчайшего напитка. Подавился, заперхал, разлил алкоголь на себя. По комнате поплыл запах жжёного сахара.

— Да, — выговорил с трудом, — богаты... У нас теперь куча денег!.. Уедем далеко-далеко... куда-нибудь, где нас никто не знает... К морю...

— Конечно, всё теперь будет отлично, дружище! — как мог бодрее и увереннее ответил Вик. И озаботился: — Нужно срочно связаться с Залеским. Он дал мне телефон для экстренной связи. Рассчитаемся с инженером, заберём твою матушку. Шестопёр поможет с документами. Сдерёт, конечно, три шкуры, ну да что уж тут...

В бутылке оставалось на доньшке, и Вик опрокинул в себя глоток жгучей жидкости.

— Что там у тебя с запасами жизненной энергии, штурман? — он потянулся к браслету друга. Бас не помогал и не мешал, позволяя делать всё, что товарищ считает нужным. Лишь безучастно смотрел в потолок и старательно дышал — озноб потихоньку унимался.

Вор сдвинул рукав и не поверил глазам — на дисплее светился зеленою ровный аккуратный ноль! Такого он ещё не видел. Обычно в оперативном пространстве поля что-то есть, хоть несколько сотых единицы — минутки, слёзы, крохи, — но есть. А здесь...

Да, браслет не показывает самый последний резерв организма. Экстренный, так сказать, запас, НЗ. Но он совсем невелик. Выходит, напарник все силы оставил у пустыря? Неудивительно, что вид у штурмана — в гроб краше кладут.

— Эй, Бас, что за дела? Ты ж говорил, что сегодня заправлялся! — засуетился тягун. — Где у нас ближайшая клеть?.. Можно прямо с канистрой... У нас теперь много — две по пятьсот...

— Три по пятьсот, — тихим, но твёрдым голосом поправил Бас.

— Две, дружище, две. Одну нужно отдать, как договаривались.

— Ты не понял, Вик, — у нас три канистры. И это не шутка. Ничего мы этому обрубку из «Партнёра» отдавать не будем. И оставь в покое мой браслет.

Бас отодвинулся. Напарник определённо приходил в себя: дыхание стало ровнее, синева исчезала, озноб почти прекратился. Он смотрел в упор, пристальным давящим взглядом, губы сжались в решительную складку.

— Это опасно, штурман, — меньше всего Вику хотелось сейчас начинать объяснения сызнова. — Неизвестно, кого мы посадим себе на хвост. Будем потом всю жизнь оглядываться, от каждого куста шараться. Нам это надо?

— Залеский своих безопасников не задействует, у него самого рыльце в пушку. Антенну на службе свистнул, собственный карман набивает. Ему «Партнёра» бояться нужно, а не привлекать в помощники.

— Хорошо, а если его самого возьмут в оборот? И потом, человек пустился в серьёзное предприятие, наверняка продумал пути отхода. Рассчитаемся — уйдёт по-тихому. Оставим без доли — неизвестно, как дело обернётся.

— Вик! — Бас сел повыше. Дышал он уже почти нормально, только бледность напоминала о приступе. — Я только что убил двоих! Думаешь, мне это просто далось? Я же не гангстер, не разбойник с большой дороги и не убийца. Я — эксперт по несанкционированным трансферам витакса! Я в полиции служил, таких как ты тягунов ловил! Но положил двоих бандюков, и не жалею об этом. Они стали на пути моего счастья. Нашего счастья, командор!

— Бас, я понимаю, — попробовал урезонить друга вор. — Так сложились обстоятельства. Или ты, или тебя. Не думаю, что заречные стали бы с нами цацкаться...

— Ни черта ты не понимаешь, Вик, — с убийственным спокойствием прервал Бас. — Даже если бы они нас не тронули — стояли бы в сторонке или молили о пощаде... Или просто молчали, но представляли бы при этом хоть малейшую угрозу — я бы и тогда их убил! Никому, — слышишь! — никому я не позволю отнять у меня будущее!..

— Ты спятил. Не понимаешь, что творишь.

— Двоих положил, и третьего приложу. Если надо будет. Какая мне теперь разница? Если ты так опасаясь этого фирмача — ладно, пусть будет ещё один. Звони, я встречу его сам.

— Это не моё решение, Себастьян, — вор попытался заглянуть напарнику в глаза, но тот отвёл взгляд. — Моё решение — отдать Залескому долю и уйти. Не пачкайся больше в крови, не надо.

— Я крови не боюсь. Всю жизнь по краю хожу, жду — вот сейчас приступит к сердцу, и всё, конец. Такой возможности, как сегодня, больше не представится, и упускать её я не намерен.

— А я боюсь. Крови-то... — внезапно успокоился Вик. Понял, переубедить друга вряд ли удастся. — И вот что, сейчас я солью из конденсаторов в канистру и станет их три. Одну оставлю тебе, две другие унесу. И Господь тебе судья.

Он повернулся к кейсам, стоящим у входа с того самого момента, когда они ввалились в комнату, но двинуться с места не успел.

— Вик! — прозвучал сзади голос друга детства — напряжённый, звенящий. — Прошу тебя, не делай этого.

Тягун медленно обернулся. Так и есть: ствол был в руке Баса, дуло уставилось прямо в лицо. Для удобства верный штурман прилёг и облокотился на кровать. Чтоб упор был. Чтоб целить наверняка.

— Видит бог, командор, я не хочу твоей смерти. — Голос товарища по детским играм не дрожал, рука тоже. — Не вынуждай меня. Если ты не отступишься, я сделаю это. Мне очень не хочется, поверь, но я выстрелю. Знаешь, бери-ка сам одну канистру и уходи. Это всё, что я могу для тебя сделать.

Намерения Баса не вызывали сомнений. Вик замер, на принятие решения оставались считанные секунды. Или он согласится, или...

Синюшная бледность залила лицо друга волной. Вот только что он был порозовевший, почти такой, как обычно. Следы происшествия на пустыре уже лишь угадывались, и вдруг... Бас скривился, на миг мелькнуло обиженное выражение, но тут же лицо дёрнулось. Он судорожно, со всхлипом вдохнул воздух — раз, другой. Руку с пистолетом опасно повело.

Виктор застыл на месте.

— Вик, — жалобно, чуть не плача прошептал напарник, — Вик, как же так? Я же счастья хотел — тебе, себе, Софье... Ну почему всё у меня получается так бездарно, Вик?..

Пистолет со стуком упал на пол, Бас рухнул навзничь. Вор кинулся к нему, перевернул на спину — дыхание едва угадывалось, лицо стало безжизненным. Вик попытался найти пульсацию на шее, руки дрожали, и прощупать ничего не удавалось — плюнул.

Хлестнул наотмашь Баса по щеке:

— Брат, не умирай! Сейчас не время! Мы с тобой богаты, молоды и счастливы! Да, Бас, счастливы! Только не уходи!

Бас не шевелился. Потом неожиданно захрипел страшно, выгнулся... Вик еле успел подхватить друга, чтобы тот не упал с кровати.

Его нужно в больницу, срочно! Если это сердце, — а так, скорее всего, и обстоит, — одной клетью не обойтись. Необходимо полноценное лечение! Пусть врачи оказывают помощь, а он привезёт витакса — столько, сколько нужно. Нужно будет — зальёт им всю больницу! Только не терять время...

Он схватился за мобильный телефон, набрал неотложку.

— Первая подстанция... — откликнулся безликий женский голос.

— «Скорая»! — выкрикнул Вик: — Человеку плохо! Приезжайте срочно... — он запнулся, припоминая адрес.

Улица Дальняя, дом то ли четыре, то ли четырнадцать, — дьявол! сколько ходил, не удосужился запомнить номер!

— Что у вас произошло? — воспользовалась запиской диспетчер.

— Человеку плохо! Не знаю, обморок, наверное! Он лежит без сознания...

Вик кричал в трубку и смотрел на партнёра — Бас дышал, но хрипло, с трудом.

— Если обморок, откройте окно, обеспечьте больному приток свежего воздуха, — казённо забубнили в эфире. — Расстегните ворот, это облегчает дыхание. Можно дать понюхать нашатыря.

— Какой нашатырь — он сердечник, доктор! С детства болеет!

— Сейчас ни одной свободной бригады нет, — в голосе послышалось лёгкое сожаление. — Как только освободится — передам вызов. Адрес?

— Дальняя, четыре! Мансарда под крышей, после пятого этажа, без номера. Да я встречу — когда будет машина?!

— Надеюсь, в течение десяти-пятнадцати минут кто-нибудь освободиться. А пока положите больного удобнее, обеспечьте приток свежего воздуха... — казённый безликий голос продолжал бубнить что-то ещё, но Вик отключился.

Нет, «скорой» не дожидаться. Пока у них освободится бригада, пока они доберутся, Бас может умереть. Надо выпутываться своими силами.

Вик ухватил тяжёлое, непослушное тело друга, взвалил на плечо и потащил. Через комнату, пнув ногой входную дверь — на лестницу. Вниз — сбиваясь с шага, соскальзывая на ступенях, задыхаясь. Из подъезда — прямо на проезжую часть дороги...

Движение в предместье никогда оживлённым не было, и сейчас это играло против тягуна — транспорт, срочно нужен транспорт, чёрт побери! Какая-то колымага, обшарпанная ветхая легковушка, показалась из-за поворота. За рулём сидел некто в шляпе, и тормозить, судя по всему, не собирался. Зачем связываться со странной парочкой — один волочёт другого со зверской рожей?..

Вик пошёл прямо на автомобиль, как на таран, не позволяя себя объехать. Транспорт остановился-таки, а куда деваться? Водитель, дед пенсионного вида, попытался возмущаться, но Вик так на него глянул, что тот осёкся, а потом и помог погрузить тело Баса на заднее сидение. Ехали молча и быстро, насколько позволял изношенный двигатель.

Врачи приняли Баса — он ещё дышал, но в сознание не приходил. Уложили на каталку и быстро укатили куда-то вглубь помещений приёмного отделения. Только донеслось: «Готовьте реанимационный зал!»

«Вы родственник?» — спрашивал кто-то в белом халате. «Да-да, родственник... близкий. Доктор, он жить будет?» — «Не знаю, пока ничего не знаю... Подождите здесь».

Вик остался один, слонялся по невеликому пространству больничного коридора, не зная, куда себя деть. Потом сел на лавку для посетителей. Сразу потянуло в сон. Сказывалось напряжение последних часов. Он даже задремал, потому что перед глазами опять замелькали: берег реки, пустырь, две шеренги бандитов друг против друга. И руки, судорожно прижатые к голове. И тёмный плевок из-под них.

Вик вздрогнул и очнулся.

Нет, спать нельзя. Нужно дождаться заключения врачей. И попытаться обдумать ситуацию, хоть момент для размышлений не самый удобный. Это что же получается, он сегодня снимал витакс с погибающих людей? Учёные давно ломают голову — что происходит с полем в случае преждевременной смерти носителя? Рассеивается в эфире, переходит к другим носителям? Ещё что-то?..

Сегодня он сам себе продемонстрировал — легко, очень легко снимается и идёт в конденсаторы.

Однако беспокоило Вика другое — что случилось с Себастьяном? Больное сердце, это понятно. Приступы были и раньше, друг с детства таскал в кармане пилюли. В старших классах начинал день с ви-пункта, с лечебной подпитки. К этому Виктор привык, все эти дни давал Басу жетоны на ежедневную утреннюю заправку. Или он их по какой-то причине не использовал? Почему браслет друга высветил ноль?

Вытряхнул из рукава собственный индикатор поля: на дисплее светились обычные цифры фонового значения. Для полной диагностики поля нужна клеть или сканер, но и браслет показывает — благополучно у человека с витаксом, или его недостаточно. Может, виноват этот последний съём? — дикий, с кровью, с предсмертными хрипами...

Додумать Вик не успел — выкрашенная белилами дверь с надписью «Не входить» распахнулась. Появился насупленный врач в зелёном хирургическом костюме и такого же цвета колпаке. В руках доктор держал пластиковый пакет. Он окинул быстрым взглядом пространство приёмного отделения и стремительно направился к одиноко сидящему вору.

— Это вы привезли больного?

— Да, доктор. — Вик встал. — Что с ним?

— Сожалею, — ответил врач и отвёл взгляд. — Поверьте, мы сделали всё, что было в наших силах. Но очень трудно помочь человеку, поле которого пусто.

— Пусто? — эхом откликнулся Вик.

— Да, абсолютно пусто. Будто кто-то высосал весь витакс каким-то загадочным образом. У нас с недавнего времени установлена аппаратура, определяющая напряжённость поля. Точнее, не всего поля, а именно жизненной составляющей. Так вот у Лагеря... — ведь так звали пациента? Мы прочли в документах...

— Так, — кивнул Вик.

— Так вот у Лагеря витакса не было. Полная пустота. Вы не знаете, как такое могло получиться? Что случилось с парнем?

— Не знаю, доктор, — ответил Вик. — Ему стало плохо. Он сердечник, приступы были и раньше. Я думал, очередное ухудшение.

— Сердце само собой, — покивал врач, — но не только. Мы даже ввели дозу витакса, аппаратура это позволяет. Немного, конечно, всего несколько единиц, сколько отведено федеральным бюджетом. Но эффекта не получили. Даже не знаю, что сказать. Будет вскрытие...

— Не надо вскрытия. Я могу забрать тело?

— У него есть близкие родственники? Вы ему кто?

— Друг. Есть ещё мать...

— Пусть она придет. Иногда мы позволяем забрать тело без вскрытия, но нужно оформить документы. — Врач замолчал. Потом потряс пакетом: — Здесь всё, что при нём было. Передадите матери?

— Давайте. — Вик взял пакет. — Спасибо, доктор...

— Чем мог... — врач кивнул, помолчал. Потом, не произнеся больше ни слова, повернулся и пошёл к двери.

Вик смотрел ему в спину, будто надеясь на что-то, когда врача неожиданно повело. Ноги стали заплетаться, его ощутимо качнуло — еле успел опереться на стенку, чтоб не упасть. Вик бросился на помощь, подхватил под локоть небогатырского сложения эскулапа. Лицо врача было бледно, на лбу выступил пот, глаза закатывались.

Ну точно, как после неожиданного обильного съёма, поразился тягун!

Он видел такое несколько раз: когда сам осваивал профессию, когда работали другие. Начинаящий вор не умеет рассчитать усилие, берёт по неопытности слишком много и резко — вот и валится человек. С точно таким же застывшим лицом...

Но он-то сейчас не тянул! И «пылесоса» при себе не было, и конденсатора — хапни он столько, его самого бы сбilo с ног! Что за чертовщина?..

— Эй, кто-нибудь! — крикнул Вик в гулкий пустой коридор, облокотив безвольное тело на стену. — Тут вашему доктору плохо!..

Заветная дверь распахнулась. Из-за неё показалось встревоженное женское лицо.

— Да помогите же! — в отчаянии обратился к ней вор. — Врачу плохо!

Из двери принялись выскакивать фигуры в костюмах и халатах, Вик с облегчением передал им на руки занемогшего врача. Вокруг него захлопотали, моментально появилась каталка. Уложили. Беспомощно свесилась рука в зелёном хирургическом костюме. Под гомон и деловитое перекрикивание персонала, каталка загремела по коридору.

Чёрти что — у них тут сами доктора нуждаются в помощи!

Вик остался один. В пустом тоскливом пространстве, пропитанном запахами дезинфекции и человеческого страдания. Побрёл к выходу — без мыслей, без чувств, без желаний. Силы были на исходе — тело двигалось как автомат, без участия воли. Только отметил машинально, что слегка покалывает в области крестца.

Где-то снаружи, за дверью взревел двигатель, и приглушенный голос крикнул: «Эй, принимайте пострадавшего! И нейрохирурга вызывайте...»

Как добрался до мансарды, Вик не помнил. Кажется, взял такси. Вроде даже говорил о чём-то с водителем, поддерживал беседу, но всё было как в тумане.

Эх, Бас, Бас! Дружище, как же так? «Я счастья хотел — тебе, себе, Софье...» Что-то царапало в этой фразе, больно щемило сердце. И что теперь говорить Валерии Лагерь, как в глаза ей смотреть? Единственный и ненаглядный сыночек Себастьян — свет в окошке. Смысл жизни.

Вспомнилось почему-то, как в детстве, на излюбленном пустыре, Бас частенько проигрывал одну и ту же сцену — на командора нападает злобный пришелец, а он закрывает его своим телом. Герой-штурман погибает, но спасает командира. «Зачем умирать? — протестовал Вик. — Давай мы навалимся на него вместе и победим!» — «Ты ничего не понимаешь! — обижался друг. — Так в кино всегда показывают! Так героичнее!..»

Детские шалости остались в далёком прошлом, теперь мы играем во взрослые игры. С непредсказуемым и печальным финалом. Для Баса этот финал состоялся — друг пересёк

ленточку. Только не на берегу тёплого синего моря, как мечталось, а в морге городской больницы. С высосанным до доньшка полем. Теперь твоя очередь, Виктор Сухов? — подумал он.

Так и приехал на Дальнюю — ничего не различая вокруг. Поднялся по лестнице. Кажется, с кем-то поздоровался по пути, хотя никого в доме не знал. Знакомиться с кем-либо во временном пристанище, штабе трёхдневной операции, не видел смысла. Да и светиться не стоило. Ну да теперь уже всё равно...

Пятый этаж. Ещё один лестничный марш, тесная площадка, дверь мансарды. Створка приоткрыта.

Странно, Вик помнил, как тащил тело напарника, и захлопнул дверь ногой. Даже замок щёлкнул. Или не щёлкнул? Может, перепутал? Не мудрено...

Он вошёл и сразу всё понял. Нет, ничего он не забыл и не перепутал.

Сумок-конденсаторов, брошенных впопыхах у входа в комнату, не было. «Пылесоса», закинутого в кресло до лучших времён, тоже. Из-под тахты не торчали угловатые канистры по пятьсот лет витакса каждая. Ничего не было. Даже пистолета, который выпустила слабеющая рука Баса.

Вик присел на кровать. Потянулся за сигарой и обнаружил, что сжимает в руке пакте. Тот самый, который дал ему доктор. Вытряхнул содержимое: браслет, мобильный телефон, зажигалка, ключи от мансарды... Стоп, а зажигалка Басу зачем? Друг не курил, с его сердцем это было бы сущим безумием. Немного выпить ещё ладно, это случалось, но тоже не часто. Да и то больше пива...

Вик откусил кончик сигары, сунул в рот и принялся разглядывать огниво. Изящная штучка: корпус с золотым напылением, вензель какой-то затейливый, верхняя крышка — имитация под слоновую кость. Он щёлкнул, но огонька не появилось. Попробовал ещё раз — с тем же успехом. Посмотрел внимательнее и был поражён открытием.

При желании от зажигалки можно было бы прикурить — за ненужностью Бас просто не озаботился наличием газа, — но сделана она была не для этого. Подцепив ногтем заднюю крышку, Вик увидел микрочип. Похожую поделку показывал как-то для смеха Шестопёр — вот, мол, какие шпионские штучки бывают! Авторучка: нажмёшь на колпачок, и в эфир уходит импульс. Зажигалка, портсигар, брелок для ключей — всё это может при необходимости подать сигнал, и где-то этот сигнал улавливается приёмником.

Одноразовый передатчик, годный на то, чтобы один раз дать знать — всё готово! И Бас, судя по всему, зажигалкой воспользовался. Щёлкнул, и на адрес мансарды выехал человек. И забрал канистры, сумки, привод. Заодно прихватил пистолет. Оставил Вика пустым.

И кто он, этот человек? Так Бас сам сказал: я, мол, счастья хотел — себе, тебе, Софье... Вот что не давало покоя, цепляло и отвлекало — Софья! Значит, напарник постоянно поддерживал связь с бывшей одноклассницей. Наверное, и планы строил, и адрес мансарды дал. Я сама отведу тебя на берег моря — да, Соня?

Вик в сердцах отшвырнул зажигалку и сигару. Он ведь и сам получал аналогичное предложение — мол, зачем Басу чемодан витакса, давай его лучше пристроим в больничку. Не получилось с одним, дама быстро нашла путь к другому. К другу...

И Бас купился. Верный штурман ошибся в расчетах, проложил неверный курс. Вик не верил, что Софья всерьёз намеревалась уйти к Себастьяну. Наобещать, поманить золотым миражом, посулить совместное безоблачное счастье в далёкой тёплой стране — это легко! Но вот собиралась ли она выполнять обещание? Вряд ли. А друг поверил.

Интересно, Залеский тоже в курсе происходящего? Пистолет-то ведь от него, больше не от кого. Как он, Вик, раньше об этом не подумал?! Не до того было. Если бы Басу не стало дурно, смог бы он ради девушки застрелить друга детства? «Бери одну канистру и уходи. Это всё, что я могу для тебя сделать...» А внизу кто-то ждал? Точный ответ теперь не узнаешь.

Вик достал телефон. Инженер давал номер для экстренной связи. Куда уж экстреннее, подумал, и набрал десять цифр. «Абонент недоступен...» Ничего другого и быть не могло, этот номер никогда больше не ответит.

Да и не надо. Гнёздышко-то Софья так просто не бросит. Попытается продать, как минимум. Это нужно быть вором, настоящим профессионалом преступного мира, чтобы при первом появлении лишь тени опасности, в любой момент — бросить всё. Встать на крыло и бежать, не оглядываясь и не сожалея.

Соня не такая. Соня так не умеет, и её помощник-инженер тоже. Инженер — тем более, потому что связан с всемогущим концерном, имеет обязательства и не может в один миг раствориться в неизвестности.

Стоп! одёрнул себя Вик, — получается, это он должен был погибнуть в конце операции? Получается, Бас его пощадил — иначе и быть не могло! Как оставлять обманутого соучастника живым? «Это всё, что я могу для тебя сделать...»

Несчастный друг, ты готов был даже защищать меня... «Вызывай этого фирмача, я его встречу...»

Нет, ребята, так дела не делаются.

А как делаются, это он расскажет Соне. И Залескому.

Вик покинул мансарду, ключ бросил в почтовый ящик хозяйки. Сегодня можно так, по-английски. Противоречивые чувства владели вором. Душа рвалась туда, к многоцветной, словно с детского рисунка многоэтажной башне, где свила себе гнёздышко Софья, а рядом вполне мог находиться инженер. Однако с той же лёгкостью в гнезде сейчас могло никого не оказаться.

Да, Софья просто так собственность не бросит, но что мешает ей на время закрыть квартиру и не показываться там? А потом продать через какое-нибудь агентство недвижимости. Тогда придётся искать сладкую парочку через риэлторов, общих знакомых, может быть, — аккуратно — через «Партнёра». И на всё это нужны деньги и время. Время и деньги. И витакс, а он остался без волшебного инструмента и заветных чемоданов. Нужно что-то придумать...

А что выдумывать велосипед, усмехнулся про себя тягун, придётся тряхнуть стариной. Теперь, после акции с применением «пылесоса», обычный тяг казался рутинной: заурядным, несложным и малоинтересным делом. Так нельзя, одёрнул себя вор. Никто не отменял ни ви-контролёров, ни ищек. А Баса, друга, готового предупредить об опасности, рядом уже нет.

Эх, Бас! Ну как же так, дружище?..

Прикинув все «за» и «против», Вик решил не устраивать большой охоты. Собрать поверху единиц десять, чтоб было с чем показаться в «Шестке», а там с Валеркой Шестопёром он договорится. Если надо, займёт немного, а потом витакс у него будет. Зря, что ли они с напарником рисковали — на стадионе, на площади, в кустах пустыря? И все эти смерти, они что — зря?!

Ближайшим людным местом оказалась автобусная остановка. Незаметно подкрался вечер, и желающих уехать было достаточно. Небо вновь заволочло тучами, начал накрапывать мелкий холодный дождь. Люди жались под козырьком, прятались под зонтами. Поднимали воротники курток и плащей, стараясь укрыться от ледяных капель. Ветер играл и воротниками, и зонтами, норовил попасть в лицо пригоршней осенней стылой влаги.

Вор стал немного в стороне, надвинул пониже на лоб кепку. И прицелился на двух подружек, стоявших под одним на двоих зонтике и оживлённо что-то обсуждавших. Применять сейчас весь арсенал приёмов тягун посчитал лишним — затевать ссоры и скандалы было не с руки. Обстановка не та, да и времени нет. Девчонки щебетали, им было наплевать на плохую погоду и окружающих — вполне благоприятный фон. А дальше Вик надеялся на свои способности.

Прикрыл глаза, сосредоточился. Аура появилась сразу и отчётливо: приятная, розовая, переливчатая. Совместная. Девушки пребывали в хорошем настроении. Та, что повыше жестикулировала, растолковывая что-то подруге, и часть розового ореола наливалась дополнительным оттенком алого. А ведь можно тянуть и так — не на раздражении и гнев, а на положительных эмоциях. Это тоже нестабильность поля.

Вик потянулся. Трепетной бабочкой мелькнул выплеск — быстрый и мимолётный, как сквознячок в тёмной комнате. Знакомо толкнуло мягким и тёплым под дых. И тут же все ощущения исчезли. Ни приятной тяжести принятого витакса под ложечкой, ни краткой

слабости в коленях. Будто проглотил глоток воды и вкуса не разобрал.

А вот в области крестца рыкнула турбина. Такое было ощущение, будто установили там с некоторых пор мощный турбодвигатель, слегка шевельнувший сейчас своими лопастями. На один краткий миг — словно вспышка обожгла заветное место, откуда все эти три дня так славно текло в конденсаторы. Только не было сейчас при нём ни «пылесоса», ни чемоданчиков. Что за чёрт?

Он невольно взглянул на браслет — фоновое значение. Ни следа принятого витакса — радость тягуна, пойманного контролёрами на горячем. Но простите, по его ощущениям должно было осесть единиц пять-семь. Это как минимум. Куда ж они девались?

С подобным Вику сталкиваться ещё не приходилось. На мгновение он растерялся. Правило тягунов гласит: если обстановка непонятна, если происходят вещи из ряда вон выходящие — беги. Бросай всё и беги! Но ситуация была сейчас совершенно иной — Вику до зарезу нужен был витакс. Прийти в «Шесток» пустым и клянчить подачку было не в его правилах. Да и Шестопёр не поймёт.

Он прикрыл глаза и повторил попытку. Из-за этого, наверное, и не заметил сразу, что девушки притихли, только бросилось в глаз — аура их значительно побледнела. Однако выплеск произошёл, да ещё какой! Ветвистый протуберанец метнулся к нему от женских фигурок в косой пелене усиливающегося дождя. Вик даже присел, ожидая приёма повышенной дозы. Даже руки слегка растопырил, как бы готовясь подхватить брошенную ему нешуточную тяжесть...

Тупой толчок в грудь — краткий и лёгкий — и загадочная турбина взревела: жарко, мощно, с диким ощущением, будто он сейчас превратится в ракету и стартует с щербатого асфальта прямо в затянутое тучами небо!

А следом девчонки начали валиться на этот самый мокрый, грязный, щербатый асфальт — сразу обе. Одна упала в лужу — тяжело, с фонтаном брызг, как опрокинутая тумба, другая опустилась невесомо и тихо — только дождь принялся радостно заливать беззащитно открывшееся, бледное и застывшее лицо.

Вик остолбенел. Он не мог отвести взгляда от мёртвых — уже мёртвых! в этом не было сомнений! — девушек, но разум отказывался принимать происходящее! Не верил тому, что видели глаза. А на остановке раскручивалась уже полная дичь: людей начало шатать. Казалось, все они только что приняли по полному стакану крепкого спиртного и сразу опьянели. Послышалась невнятная громкая речь, движения стали смазанными, слышались вскрики. Опускались слабеющие руки с зонтами, фигуры в куртках и плащах раскачивались, переступая по лужам. Потом приглушенные городские шумы прорезал неожиданный истерический смех, а следом — тут же — вой. И стон. Кто-то слабо пискнул: «Помогите!»

Вор не сразу понял, что тяг продолжается. Турбина ревела глуше, но вполне отчётливо, и самое главное — не подчиняясь воле тягуна. Вик не знал что делать, как остановить проклятую горелку, сжигающую сейчас чужой витакс, как адская топка!

А люди тем временем начали падать. Один за другим, попарно, по трое — словно кто-то незримый запустил некий жуткий принцип домино, и первая костяшка валит теперь всех, и свалит неминуемо! В грязь, в лужи, со стонами и хрипами — люди падали и умирали...

И тогда Вик побежал — быстро, как только мог. Сбиваясь с шага, чуть не падая — но, изо всех сил удерживая равновесие, — и не разбирая дороги, — и всё быстрее и быстрее! — потому что остановиться нельзя было ни на миг! Потому что перед глазами плыли фигуры, ватно валяющиеся под косыми струями дождя...

Единственная мысль заполняла разум — он только что высосал всех людей на автобусной остановке. Всех, сколько их там было. Прикончил — да, судя по всему, прикончил — чёртову кучу народу...

Ужас заполнял душу.

Вик бежал, пока хватало дыхания, а потом остановился — без сил. Опустился — почти упал — на дорожный бордюр, тяжело опёрся о мокрый бетон руками. Запалено втягивая в себя сырой воздух.

Что-то очень неправильное творится на этом свете, тягун.

По прошествии нескольких минут — пяти? десяти? — огляделся. Бег завёл его на улицу Планерскую. Отсюда до «Шестка» десять минут быстрого хода — на Фуфайке всё близко, если знаешь, где срезать углы, какими задворками и переулками пройти. С транспортом решил не связываться, не хватало ещё убить полный трамвай пассажиров. Вначале нужно разобраться в том, что происходит.

И помочь в этом сможет тот же Шестопёр. У него не только клеть, но и сканер, способный провести диагностику поля. Браслет-то так и показывает фоновые значения, будто не было только что кошмара повального, ураганного съёма на остановке. Если ему верить, Вик ничего не взял. Что ж тогда люди падали, как подкошенные? И куда девался витакс?

Бар «Шесток» приветливо мигал разноцветными огонькам из-за неплотно закрытых жалюзи. Тягун постоял в отдалении, осмотрелся. Ничего подозрительного вокруг не наблюдалось, всё как обычно — пустынно, тихо, даже немножечко сонно. В других подобных заведениях сейчас, к вечеру начинается самая горячая пора: собираются завсегдатаи, кутят залётные, задорно смеются девочки — дым коромыслом. Но в «Шесток» и в вечернее время чужие не ходят, никакой сутолоки. Изредка хлопнет дверь, принимая кого-нибудь из своих, и всё.

Это было удобно, любой подозрительный человек или автомобиль на виду. Поэтому, выждав для верности с четверть часа, тягун вошёл в бар и двинулся прямо к стойке. Здесь ничего не изменилось, хотя Вику казалось, что с прошлого визита прошла целая жизнь. Умер Бас, его самого предали и обокрали, и с организмом теперь творится какая-то чертовщина. Но неизменны столики под не слишком свежими скатертями, тихий говор двоих смутно знакомых парней в углу (то ли покупал у них что-то, то ли, наоборот, продавал). Негромко позвякивают пивные кружки.

— Привет, — тягун помахал человеку за стойкой.

Тот улыбнулся, и сеточка морщин разрежала кожу у носа и на висках. Валерка был всего-то двумя-тремя годами старше Вика, а выглядел солидным дядькой. Невысокий, но при этом коренастый и крепкий, он легко двигался и был проворен, когда нужно, до чрезвычайности. И так же опасен, но морщинки эти обманывали многих, кто не знал Шестопёра близко, и бармен поддерживал образ этакого простецкого дядечки чуть ли не преклонного возраста. За спиной его перемигивались разноцветные бра и на лысой как шар голове отражались отблески света — одна половина лица Шестопёра казалась неестественно красной, а другая мертвенно зелёной, но выцветшие глаза смотрели как всегда спокойно и доброжелательно.

— Пива? — спросил он.

— Потом, Валера, — отмахнулся Вик. — Нужна твоя помощь...

— Хочешь скинуть? — оживился старый товарищ.

— Может, и скину, но больше меня интересует общее состояние поля. Ты говорил, что

обзавёлся сканером. Выручай, брат...

— Какой разговор, Вик, — улыбнулся Шестопер, и морщинки радостно поползли от верхней губы к вискам. — Полина, подмени! — крикнул он помощнице и обернулся к вору: — Сударь мой, пройдёмте в закрома...

Они прошли к туалету, но вместо двери с писающим мальчиком воспользовались другой, той, что располагалась рядом и не имела обозначения. За ней находился крошечный предбанник, единственным предназначением которого было скрыть вторую дверь — тяжёлую, сейфовую. И вот уже за ней открывалось довольно обширное глухое помещение, освещённое лампами дневного света.

Ви-клеть, насколько разбирался Вик, одной из последних моделей, канистра длительного хранения (точно такие заполняли они с Басом), а в углу — сканер. Чем-то похожий на аппараты для прогревания, какие видел Вик когда-то в физиокабинете поликлиники: кубический прибор на передвижном столике размером с ящик для фруктов и с суставчатыми кронштейнами по бокам. На кронштейнах крепились лепёшки датчиков.

Шестопёр усадил вора на стульчик, ловко приладил с обеих сторон головы датчики, регулируя длину кронштейнов. Потом защёлкал тумблерами на панели — загорелись и замигали огоньки. По небольшому дисплею поползла кривая.

— Тек-с, тек-с, — балагурил без устали Шестопёр, переключая тумблеры сканера, — щас глянем, что вы имеете, господин тягун. Так, двое с боку — ваших нет... В смысле, две единицы в оперативном пространстве поля. Обычный фон — два валета и вот это... На браслете они же? Ну, я ж и говорю... Неассимилированного витакса нет. Так ты, брат, без добычи? А что собирался сливать — из собственного поля, что ли? Как последняя корова? Стоп, а это что?..

Вик слегка напрягся: сейчас Валерка что-то должен определить, увидеть что-то должен на своём ящике и объяснить...

— Эй, Вик, да ты свистишь!.. — поразился Шестопёр. — Ты тянешь прямо сейчас!

Он слегка отстранился от тягуна и защёлкал переключателями ещё проворнее.

— Друг мой, от тебя идёт постоянный устойчивый поток, — растерянно пробормотал бармен. — Свистишь, как соловей!.. И куда? А главное, от кого? От меня?!

Вик напряжённо замер на стульчике. Прозрачные глаза Валерки округлились, ещё сохраняя добродушное и простоватое выражение. Он даже оглянулся, будто в комнате мог присутствовать кто-то ещё кроме них двоих. Но рядом никого не было, и Шестопёр обернулся к Вику:

— С-сука! Ты... — бармен задохнулся, — ты принёс сюда пробой?!

Вик оттолкнулся ногами и упал вместе со стульчиком на спину. Только это и спасло от удара набитого кулака, просвистевшего над самой макушкой. Упал, кувыркнулся через плечо и вновь оказался на ногах — в полуприседе, с выставленными напряжёнными руками. Готовый отбиваться изо всех отпущенных природой сил...

Но Шестопёр не собирался драться, хоть и имел в этом искусстве большое преимущество. Из-за поясного ремня сзади он выхватил шот-ган. Резким движением и звонко — совсем не картинно — взвёл курок. Вику в лицо уставилось курносое куцее рыло револьвера.

Вор ушёл в сторону, под прикрытие сканера, но противник присел, выцеливая между опор передвижного столика, и Вику ничего не оставалось, как метнуться дальше — за клеть.

— Валера! — крикнул он в слабой надежде урезонить разъяренного бармена. —

Погоди! Не стреляй!

— Вылазь! — орал Шестопёр. Стрелять через ажурные стойки клетки он не решался, — слишком дорогая это штука — клеть, — и нервно шарил дулом, выискивая возможность открыть огонь. Палец готовно лежал на спуске. — Вылазь, пристрелю как собаку!

— Валера! — крикну Вик с тоской, понимая, что остановить бывшего друга словами не удастся, и в следующий миг переместился к чемодану долгоиграющего конденсатора. Оперся в него обеими руками и толкнул, что было сил в сторону стрелка.

Чемодан заскользил по гладкому полу со стремительностью торпеды и всем своим немалым весом ударил Шестопёра по ногам.

— Мля! — успел выкрикнуть тот, заваливаясь, и в тот же миг грохнул выстрел. В закрытом пространстве комнаты звук его был подобен грохоту взорвавшейся бомбы. Пуля с отвратительным воем срикошетила от стены, но Вик уже метнулся к двери. Благо, был здесь не впервые и знал, как отмыкается запор изнутри.

Вывалился в предбанник, оттуда в коридор, чувствуя спиной полную свою незащищённость и уязвимость: возможность в любой миг получить в эту голую, неприкрытую, ставшую вдруг такой широкой спину — пулю! Перед глазами мелькнул писающий мальчик — к чёрту! — на выход! Там, с растерянной рожей, но готовый к драке застыл Роберт, вышибала Шестопёра!

Вик кинулся через зал, преодолевая прыжками заставленное мебелью пространство — сбивая столы, переворачивая стулья, спотыкаясь, но преодолевая преграды. Зайцами скакали под ногами солонки и салфетницы. Сзади раздавались негодующие выкрики, тонувшие в грохоте и звоне, мелькнули вытянутые лица смутно знакомых ребят — Вик рвался к окну! И достиг его, желанного, и прыгнул головой вперёд, — как в ледяную воду, — в проём, перечёркнутый тонкими нитями жалюзи.

Сердце сжалось в болезненный комок. Умом он понимал, что тонкие пластиковые ленты декоративной занавески опасности не представляют, но под ложечкой всё равно ёкнуло — стена! впереди стена из пластика, стекла, металла переплётов, ещё чёрт знает чего! Но тело уже рвануло в полёт — и со звоном, треском, каким-то подозрительным скрежетом проломило стоявший на пути барьер! Весело поскакали по асфальту стеклянные брызги...

Вик вылетел на улицу живым болидом, покатился по асфальту громадным комом измятой жалюзи, обернувшейся вокруг тела на манер греческой тоги. Среди лент застряли осколки витринного стекла, а внутри, как начинка в пироге, бултыхался тягун, силясь сбросить с себя ненужный наряд. У него получилось — выскочил, наконец, как змея из кожи, и рванул по улице: слепо, запалено.

Сзади послышалось: «Стой!» — но беглец только припустил быстрее. Мёл по улице крупными скачками, отчётливо понимая, что забег этот может стать последним в его жизни.

Улица уходила вдаль, прямая и пустынная, и тонула во мраке наступавшей ночи.

Пробой! — стучала кровь в висках — пробой-пробой-пробой!

Вик нырнул в тёмный переулок, на повороте занесло — чуть не упал! — но удержался и продолжил бег! Второй раз за неполный час он бежал со всех ног — от судьбы, от людей, от собственного дара, ставшего вдруг проклятием. То ли от преследователей убегал, то ли от себя.

Но погони не было. Не захотели связываться, догадался Вик и перешёл на шаг. Прогнали со своей территории, и ладно, а нет — так убили бы наверняка. Пробой — крайне редкое, но

самое страшное явление, что может случиться с тягуном. Вик слышал о таком дважды: одного носителя пробоя убили сами воры. Лишь только разобрались в сути происходящего, не вдаваясь в подробности, не пытаясь осмыслить причины — пристрелили, и всё.

Второго забрали люди из ви-контроля. Потом долго гуляли слухи, один другого нелепее, но каждый уяснил главное: при определённом несчастливом стечении обстоятельств в поле тягуна появляется дыра, как прореха в кармане, и в ту дыру уходит витакс. Куда он девается, непонятно. Рассеивается в эфире, говорят в подобных случаях, но ни «пробитому», ни окружающим от этого не легче.

Носитель пробоя постоянно тянет со всех объектов, появляющихся на определённом удалении от него. Витакс тут же покидает поле, уходит в эту самую прореху, и чтобы быть живу, тягун постоянно понемногу тянет у любого, кого видит. А даже если и не видит — процесс идёт непроизвольно, как защитная реакция организма. Лишь бы в оперативном пространстве оставалось хотя бы несколько единиц. Чтобы не умер сам носитель.

Таким образом, человек становился крайне опасным для всех: своих и чужих, друзей и врагов, тягунов, контролёров и подпольных скупщиков. Любой, оказавшийся на определённой дистанции от «пробитого» становится донором, а тот, в свою очередь, не имеет возможности контролировать тяг: не может ни прекратить его, ни даже ослабить.

Это то, что в общих чертах было известно Виктору. Теперь он на собственной шкуре испытал, что такое тянуть с дырой в поле. Девчонки на остановке, остальные пассажиры, валившиеся пачками в осенние лужи, стояли перед глазами. Разъярённый Шестопёр... Теперь каждый мог отстрелить Вика, как взбесившегося пса. По давней договорённости между ворами носитель пробоя считался вне закона.

И смерть Баса выглядела теперь в ином свете. Пробой-то формируется не сразу, постепенно. Вспомнились странные недомогания партнёра после акций. Вначале Вик считал всё это закономерным ответом организма ищейки с повышенным нюхом на съём сумасшедшей силы. После митинга рассудил, что на Себастьяна подействовали слова Царёва. Сейчас вполне могло оказаться, что причиной гибели Баса стал он, Вик.

Выпил друга, сам того не зная. Не ведая, — но от этого не легче.

И последнее. «Шесток» — бойкое место. Для своих, конечно. Очень скоро все заинтересованные получают информацию о беде Вика, а значит, за помощью обращаться не к кому. Да, не повезло тебе, парень — и пулю между глаз. Что произошло с тем бедолагой, который попал к контролёрам, было неизвестно, но тягун почему-то не сомневался — ничего хорошего.

Только инженер может помочь, неожиданно для себя вывел вор. Он ведущий специалист крупнейшего концерна, связанного с витаксом. Все беды Вика начались после применения «пылесоса». Пусть помогает выкручиваться. Не говоря уже о полагавшемся ему чемодане витакса. И смерть Баса, по большому счёту, на его совести...

Но там Соня, мысленно ужаснулся Вик! Сможет ли он не тянуть в её присутствии? Девочка виновата, слов нет, но не такой же ценой платить — высосать досуха ту, с которой был близок, которую и сейчас вспоминает если не с нежностью, то и без ненависти. А может и с нежностью?.. И которую уж точно готов простить.

Перед глазами вновь всплыли падающие девчонки, особенно та, вторая, лицо которой он успел разглядеть: застывшая маска в каплях дождя...

Вор вздрогнул.

И что получается, ему теперь вовсе нельзя появляться на людях? И отстраненно

подумал, что это стоит проверить. Пока что он блуждает по тёмным проулкам Фуфайки, но в десяти минутах ходьбы проспект Развития с толпами прохожих, утюжащих асфальт в любую погоду и любое время суток. Вечером там даже оживлённее: люди толкуются у кафе и кинотеатров, возле ночных клубов и танц-холлов.

Есть где потренироваться, опробовать свою силу и свою слабость.

Он прошёл проходными дворами, кривыми улочками и переулками спального района — вот и проспект. Сияние неона, потоки машин, перемигивание светофоров. Поток прохожих — зонты, мокрые плащи, улыбки на лицах. Это днём здесь снуют озабоченные, деловитые клерки и мелкие дельцы, а вечер — время развлечений и отдыха. Тон задают увеселительные заведения всех мастей. И настрой совершенно другой.

Вик влился в толпу. Шёл не торопясь, поглядывая по сторонам. На него никто не обращал внимания — окружающие были заняты собой, своими планами на вечер. Вор слегка расслабился: никто не падал при его приближении, не шатался, как пьяный, не кричал «караул». Вик решил подстраховаться. Существовал старый испытанный приём: при появлении ищек тягун начинал проговаривать про себя детские считалочки. «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...»

И один тягун, которому нельзя тянуть...

Считалочки, бывало, помогали скрыть «сырой» витекс в поле. Закрывали мысли о проведённом съёме, заставляли переключиться. Это сбивало ищейку, мешало ему поймать гамму ощущений, характерную для «сытого» тягуна. Приём срабатывал не всегда, и не со всеми экспертами. Баса он бы точно не обманул, подумалось почему-то, но Вик упорно продолжал: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...»

Да, ножик. Хорошо бы сейчас иметь хотя бы ножик. Спокойнее было бы...

Неожиданно он понял, что идёт в некой зоне отчуждения. Несмотря на плотность толпы, люди вокруг расступались и не приближались к нему ближе, чем на метр. Подсознательно берегут поле, понял Вик, чувствуют опасность на подкорке. И ещё понял — так теперь будет всегда. Если ничего не сделать, он будет изгоем, одиноким не только в толпе посторонних прохожих, но и рядом с близкими людьми.

Пропади оно всё пропадом.

Экспериментировать, так на полную катушку, решил Вик и зашёл в небольшой бар. Пристроился у стойки с краю, заказал пива. В большое зеркало на стене хорошо просматривался зал — столики, подпившие посетители, бильярдный стол в дальнем углу. Двое гоняли шары, перебрасываясь шутливыми репликами. Слева от Вика чах хорошо нагруженный мужчина зрелого возраста — то и дело ронял голову на грудь и опасно накренился на высоком табурете, но тут же встряхивался и вновь принимал вертикальное положение и гордый вид.

Всё как обычно, так и выглядят небольшие заведения. Вик уже понял: не стоит щуриться — можно ненароком увидеть поле и потянуть. Не стоит думать о тяге, нужно постараться забыть об опасностях, расслабиться, прийти в состояние приятного и пустого ничегонеделанья, какое появляется порой само по себе в минуты ленивой истомы на диване. В этом мог помочь алкоголь.

Он заказал стопку водки. Напиток прокатился ледяным шариком по пищеводу, и следом приятная горячая волна потекла по телу, пригладила взъерошенные нервы. Действительность качнулась, тихо поплыла в жёлтом, косом свете ламп. Чего и требовалось — только не допускать в мозг ненужных ассоциаций, поставить барьер перед памятью и мыслями.

— Послушайте, э... любезнейший, — прозвучало слева, оттуда, где сидел стойкий выпивоха. — Не составите ли компанию на рюмочку?

Вик повернулся, так и есть: у посетителя слегка просветлело в мозгах, и душа его потребовала очередной дозы и общения.

— Почему бы нет, — откликнулся вор. — Бармен, ещё по одной — мне и этому господину.

На полированной стойке вмиг образовались две стопки.

— А после этого, — мужчина показал на выпивку широким смазанным жестом, — повторить обоим за мой счёт. — И повернулся к Вику: — Меня зовут Семёном, — по-птичьи наклонил голову он.

— Виктор.

— Чудесно, Виктор. — Семён кивнул — не только головой, но и плечами, грудью, всей верхней частью тела. — Предлагаю тост. За Неукротимых!

Ого, дядю потянуло в революцию. Сказано было громко, с пьяным запалом, и Вик невольно бросил взгляд в зеркало. Двое посетителей удивлённо вскинули головы, но тут же возобновили прерванную беседу. Остальные и вовсе не отреагировали. За бильярдом продолжали стучать с костяным звуком шары.

— Да-да! — собеседник поднял неверной рукой стопку. — За тех ребят, кто не прячутся за красивыми лозунгами и высокими речами! Кто предпочитает пустым разговорам дело! А не то, что Ограничители. Сколько слов и обещаний! Океан слов. Ниагара пустых обещаний. И в итоге — что? — комиссия по распределению витакса так и не созрела. Только не говорите, что карикатура, созданная Барышниковым — комиссия. Её нет и не будет, попомните моё слово.

— Слышал, недавно на митинге Ограничителей произошло громкое событие? —

осторожно спросил Вик, не торопясь опрокидывать свою стопку. — Громкое в прямом смысле слова — взрыв, покушение на лидера партии?..

— Бог с вами, никаких взрывов, — пьяно протянул Семён, приканчивая очередную дозу водки. — Я свидетельствую, был там сам: Неукротимые грозились взорвать Царёва. Пуф! и всё! Целая группа боевиков. Но не стали делать этого. — Поборник революционных изменений пьяно покачал пальцем перед лицом Вика. — Потому что они не террористы. Да, иногда их методы несколько... нетривиальны... — Он на секунду задумался, кренясь на табурете, но тут же выпрямился: — Однако они не террористы.

— И что стало с группой? — спросил Вик то, что его действительно интересовало.

— Их всех арестовали! — горестно выпалил собеседник. — Представляете, Виктор, бойцы спецназа окружили их кольцом, взяли на прицел и вывели с площади. Прямо к полицейским автомобилям. Я сам видел, как ребят забивали в автозаки! — Рассказчик всхлипнул. — Говорят, предводителем у них был сам Гром! Легендарная личность! — Карбонарий уронил руки на стойку, силы его явно были на исходе. — И его тоже... арестовали...

— По радио передавали, спецназ открыл огонь.

— А вы верьте больше этим трепачам! Им лишь бы сенсацию раздуть... Нет, не убили, но арестовали... совсем...

Голова Семёна клонилась всё ниже, пока не опустилась на руки. Источник информации затих. Бармен посмотрел на него с насмешкой.

Вик задумался: и с этой стороны рассчитывать на поддержку не приходится. А ведь была мысль — обратиться к Грому. Доверять этому кукольному почитателю Неукротимых на сто процентов, конечно, тоже нельзя. В алкогольном чаду он проводит много больше времени, чем трезвым. Но ситуация складывается следующая: главарь либо погиб, либо в заточении. В любом случае — недоступен. А жаль, у этих ребят аппаратура всегда была на уровне, да и специалисты — из молодых и радикально мыслящих, но толковые. Вспомнить того же Опера. У парня диплом с отличием и два патента как раз в сфере изучения поля и выделения витакса — так, во всяком случае, говорил сам Опер, когда подвозил его с загородной базы Грома.

Опять пришла в голову мысль, что жизнь за несколько дней изменилась кардинально. Баса потерял, Софья из друга превратилась... В кого превратилась Соня? Во врага, в чужого, ненужного, и даже опасного человека? Или нет? Или всё же он рассчитывает на неё в тайне души. Видит в ней партнёра, и даже больше...

Партнёр. Инженер. Только он и остаётся. С какого бока лучше начать?..

Оживление в зале привлекло его внимание, оторвало от размышлений. И во время: от входа к стойке двигался патруль. Полицейский сержант и контролёр с жезлом. Служивые двигались неторопливо, очевидно, вымокли под дождём и зашли не с целью проверки, а погреться и пропустить чего-нибудь горячего. Но расслабляться не стоило — эти всегда на службе, всегда готовы досмотреть подозрительного человека. А у Вика поле свистит, как сказал Шестопёр — что твой соловей.

Полицай был невысоким и коренастым. Шёл уверенно, чуть вразвалку, спокойно поглядывая по сторонам с видом полноправного хозяина положения. Под мокрой накидкой проглядывал хорошо подогнанный китель — опытный бывалый служака. Контролёр — худой и скуластый — бегал глазами по залу, играл жезлом. Казалось, он пребывает в постоянном нетерпении поймать кого-нибудь за руку, прихватить на горячем. Есть такой

вид службистов — ежеминутное лихорадочное желание действовать сжигает их изнутри.

Вик махнул стопку, заказанную ему поклонником Грома, потупился. Алкоголь снимает нервную напряжённость, да и отношение к пьяному человеку совсем не то, что к трезвому. Во всяком случае, когда речь идёт о ви-контроле. Поэтому тягун склонился над стойкой, завис на манер своего недавнего визави. Ну, выпили мужики чуть лишнего — обычное дело, с кем не бывает.

Судя по всему, полицай так обстановку и оценил. Глянул мельком, при виде спящего Семёна чуть усмехнулся и отвернулся к бармену:

— Привет, Пётр. Сделай-ка мне чайку, как я люблю. А напарнику... что будешь, господин контролёр?

— Кофе, — отрывисто бросил тот.

— А моему напарнику кофе, — обстоятельно закончил сержант.

Всё правильно, подумал Вик, патрулирует в этом районе постоянно, заходит в бар не первый раз и бармена знает по имени. А тот — его вкусы и привычки. Интересно, контролёр тоже постоянный, или меняется?

— Отдыхать клиентам никто не мешает? — продолжал между тем полицейский, намекая на уснувшего карбонария.

— Так это ж Семён, господин сержант, — отреагировал с лёгким смешком бармен, наливая в стакан коричневую жидкость, исходящую лёгким паром, и ставя посуду перед заказчиком. — Можно сказать, местная достопримечательность. Да он безобидный, проспится и пойдёт домой. Никаких проблем...

На стойке появился пластиковый стаканчик с кофе для контролёра.

— Ага, — кивнул полицай и выпил содержимое стакана в три крупных глотка. Похоже, был там не только чай. Или совсем не чай, но благодущия у сержанта после выпитого прибавилось. — Если что, говори, не стесняйся, — прогудел почти весело.

— Обязательно! Заходите... — радушно улыбнулся бармен.

Вик приложил ладонь к виску, будто искал опору, словно пригорюнился во хмелю, и одновременно скрывая от опасной парочки лицо. Замер, не забывая поглядывать в зеркало, контролируя положение стражей закона. Спокойно, заклинал он себя, ты обычный посетитель бара. На улице дождь, зашёл погреться, немного перебрал. Что может быть естественнее. Браслет показывает фоновое значение, пока дело не дошло до жезла...

Сержант уже повернулся к залу, огляделся, больше для порядка, явно собираясь на выход, когда контролёр произнёс негромко, но так, что его было хорошо слышно:

— А тот, что рядом — кто? Что-то я раньше его не видел...

Чёрт, постоянный патруль, понял Вик. Ходят в паре давно, знают всю округу. Так тоже случалось, хоть и не часто.

Полицай, может, и не был расположен к проверкам, не видел в зале и посетителях ничего опасного, но контролёр упёрся взглядом в вора, к кофе не притронулся, и уходить просто так не собирался.

— Эй, господин хороший, — окликнул он, обращаясь к Вику и заходя ему со спины, — документы есть?

Сержант, пропуская напарника, чуть подвинулся с недовольным видом — проверять документы было его прерогативой, — но до поры не вмешивался.

— А? — сделал вид совершенно пьяного человека Виктор.

Контролёр в это время слегка похлопал его сканером по плечу.

— У тебя спрашиваю, документы... — закончить он не успел. Сканер пискнул и высветил на панели значок движения потока. Как-то раз Вику представилась возможность рассмотреть оружие врага вблизи. Показатели общего и оперативного витакса, степень ассимиляции, ещё что-то, чего тягун не запомнил, но вот показатель потока — характеристику, которой при необходимости контролёр может подтвердить тяг, — запомнил очень хорошо.

Лицо служивого вытянулось — он и в страшном сне не мог себе представить, что вот так, у него на глазах может происходить тяг. Неизвестно от кого и куда, но процесс был на лицо — жизненная сила перетекала через этого странного, подозрительного парня как дождевая вода по водосточной трубе.

— Ты!.. — только и смог промолвить контролёр, а сержант уже отработанным движением бросил руку к кобуре, и времени не осталось совершенно.

Вик даже не стал прикрывать глаз, в этом не было необходимости. Он и так знал — стоит чуть потянуть, и виткас повалит из этих двоих, словно перегретый пар из чайника — с шипением и посвистом. И менять положение тела он тоже не стал, только конвульсивно сжал кулак — правый, свободный, которому не нужно было подпирать висок.

Турбина взревела, в области кобчика полыхнуло, и в который раз Вику показалось, что дымный и огненный этот выхлоп увидят сейчас все в зале, но всё было совершенно не так. Никто и понять ничего не успел, как оба патрульных грохнулись на пол, не издав ни звука. Сержант — так и не отпустив свою кобуру...

А потом было бледное, вытянутое лицо бармена. Глаза его на миг оказались прямо напротив вора — зрачок в зрачок, — но уже в следующий миг глазные яблоки бедняги закатились. Ноги подкосились, и бармен начал оседать за стойку. Лицо его приняло мертвенный жёлто-зелёный оттенок. Да он и был уже мертвецом.

В зале продолжались приглушенные разговоры, на бильярде кто-то с победным восклицанием загнал шар в лузу, а Вик тронулся к выходу, пряча глаза, стараясь ни с кем не встретиться взглядом, никого не коснуться — даже мысленно. Особенно мысленно...

Но чёртова турбина и не думала униматься. В зоне выброса горело огнём, и тягун чувствовал, как чужой витакс перетекает через его тело, струится, прёт неистовым и неудержимым потоком. Он ускорил шаг — потом бросился опретью из бара, — но это не помешало на выходе услышать крики и всхлипы. «Помогите!» — пискнул кто-то тогда на остановке. Сейчас и этого не было, но Вик видел будто воочию, будто на спине у него открылись глаза, — как падают между столов посетители. Словно высушенные бабочки.

Будь оно всё проклято!

Через час Вик взломал замок на двери гнёздышка. Как он и предполагал, квартира была пуста. В баре Софьи нашлась бутылка коньяка, тягун выпил одним махом полный стакан и упал без сил на диван. Больше он отсюда ни ногой. На улицу ни ногой, куда бы то ни было — ни-ни! Будет сидеть, и ждать Софью. И Залеского. Как-нибудь выманит их сюда, как — придумает завтра, не сейчас. Сейчас нет сил, нужно поспать, — упасть, провалится в беспомыслие. Хоть ненадолго...

Забыться...

Иначе — сумасшествие, суицид, кара господня...

Хоть ненадолго...

Софья не любила отели. Не любила администраторов, норовивших сунуть нос не в своё дело, горничных, приходящих в самое неудобное время, когда хочется побыть одной. Весь этот гостиничный навязчивый сервис не любила. Даже лифтёров. Даже в дорогих и фешенебельных заведениях.

Но Залеский сказал, так надо. Мол, поживи в номере, не долго, пока я улажу некоторые формальности, и мы уедем. Далекое, где нас не знают, где можно всё начать с чистого листа. И она покорилась. А что делать? Вик от союзничества отказался категорически, Бас...

Бедняга Бас, какая нелепая судьба! Умереть от сердечного приступа в самый неподходящий момент. Вчера приехал Залеский, инженер был взволнован. Ей показалось — откровенно трусил, но виду старался не подавать.

— Твои протеже чуть не провалили всё дело, — нервно выговаривал он Софье. — Помощник тягуна, этот эксперт — ему стало плохо. Он что, болел?

— Да, — растерянно ответила она, — ещё со школы. Сердце у него нездорово...

— Вот-вот, а после акции и вовсе занемог! — саркастически произнёс любовник. — А твой друг Вик потащил его в лазарет. Хорошо хоть, я позаботился о канистрах и прочих уликах, включая привод. Подумать страшно, что было бы, заинтересуйся этой парочкой полиция и контролёры! А это могло произойти, в больницах тоже не дураки сидят...

— Почему «болел»? Что с Себастьяном? — внутренне холодея, спросила Софья.

— Я узнавал — увы, ему ничем нельзя было помочь... — Залеский сморщился, как от зубной боли, но обороты сбавил. — Пойми, дорогая, существуют запланированные потери. При наступлении гибнет до тридцати процентов личного состава...

— Ну да, — отстраненно кивнула она. Холод внутри разливался всё шире и глубже, забираясь в самые отдалённые уголки души. — Из троих — один в потери, всё верно.

Инженер воспринял её отстранённость по-своему:

— Но ты молодец, вовремя уговорила эксперта, и свою положительную роль он сыграл. Пригодилась зажигалочка. Канистры у нас — полторы тысячи лет! — Она молчала. Залеский продолжал: — Софья, парня не вернуть, и сделанного не воротишь. Теперь нужно завершить начатое...

А потом и предложил — поживи пока в отеле. Не долго — и мы уедем. И вот она живёт: терпит администраторов, мечтающих покопаться в грязном белье постояльцев, горничных и лифтёров. Впрочем, последние ни при чём — из номера она не выходит. Еду заказывает в ресторане, контакты с миром сведены до минимума. И ждёт — ждёт звонка, сигнала к отъезду.

После отказа Вика она поставила на тягуне крест. Лёгкость и воздушность существования постепенно истаяли, ожидание праздника в который раз уже окончилось ничем. Не праздник — серые будни маячили впереди, суровая необходимость избавиться от лишних людей. Чтоб самой не стать лишней.

Да, импульсный передатчик дала Себастьяну она. И не только передатчик, но и пистолет, и капсулу с хитрым лекарством, которым снабдил Залеский. Объяснил, мол, четыре-шесть часов глубокого и совершенно безвредного сна. За это время они будут далеко. Но вот уже второй день, как она сидит в этом вонючем отеле. Дорогом, но всё равно

вонючем...

План был прост: после завершения операции Бас предлагает Вику отпраздновать победу, подмешивает в напиток содержимое капсулы, подаёт сигнал и дожидается приезда инженера. Если что-то пойдёт не так, не удастся усыпить друга — удерживает Вика под угрозой пистолета. Она попыталась представить, как Бас удерживает Вика, пусть даже под наведённым стволом. Это Бас-то — добряк и недотёпа. Нет, не получалось представить.

Только одним способом можно было это сделать — выстрелом.

Решился бы Себастьян на убийство старого друга, и позволил бы Вик стрелять по себе безнаказанно? Одни вопросы без ответов. Но всё пошло совсем не так. Даже Залеский не знал, где сообщники набирали последнюю канистру. Или сказал, что не знает. Что произошло между ними? Почему Бас включил передатчик и не воспользовался капсулой? Или планы спутал сердечный приступ?..

Софья примостилась на гостиничном диване у телефона. Поставила рядом чашку горячего чая, заказанного в ресторане. Ждала звонка: так сказал Залеский — никаких мобильных, дескать, позвоню по городскому и скажу условную фразу. Заберём документы и уедем — далеко, навсегда, к новой счастливой жизни.

Телефон молчал. Остывал чай.

Самым трудным было уговорить Себастьяна. Никогда ещё, наверное, не была она столь красноречива, столь убедительна и проникновенна. И взгляды дарила из самого убойного своего арсенала, и прикосновения таили в себе небывалый заряд того самого колдовского электричества, что действует на мужчин безотказно.

С Виком, правда, это не сыграло, ну да что уж теперь...

Бас тряс кудлатой башкой, смотрел глазами больной и преданной собаки. Преданной — хорошее слово, как раз к месту. Бас не соглашался, но все его доводы она знала наперёд и потому имела преимущество.

— Это же Витька, Соня! — говорил одноклассник. — Витька, вспомни, как мы дружили! Разве я могу теперь...

— Он молодой и здоровый, не в пример тебе — отвечала она. — Что ему станется? И он тягун, натягает себе витакса ещё. А у тебя это единственный шанс. Ты хочешь на берег моря, к своим любимым пальмам?

Бас согласно кивал, растрёпанные волосы ходили ходуном. Наверное, так бьются пальмовые ветви на ветру.

— Тогда слушай меня. — Когда было нужно, она умела вбивать слова как гвозди. — Я освобожусь от Залеского. Всё уже готово, осталось только спустить курок. Мы уедем вдвоём, туда, куда ты захочешь, и будем вместе. Но для этого и тебе придётся постараться. Я убираю Залеского, ты — Вика.

— Убрать?! — испугался Бас. — Ты имеешь в виду?..

— Нет, не то, что ты подумал. По-твоему, я чудовище, чтоб замышлять убийство? Он ведь и мой друг, Бас! Просто нужно его... обезвредить. Я спрашивала у знающих людей — тягуны привычны к смене обстановки. Живут в постоянной готовности сорваться с места и уехать. И на опасность, на экстремальную ситуацию реакция его будет именно такой — бегство. Ему же лучше. Он жил неизвестно где столько лет, тебе от этого было хуже?

— Это предательство, Соня!.. — стонал Бас. — Я так не могу!..

Преданные, все мы преданные друзья...

— Можешь! — Она посмотрела на одноклассника самым будоражающим взглядом. И

положила руку на плечо, чтоб токи шли от тела к телу. — Виктор сильный, он выпутывался и не из таких переделок. Выкрутится и на этот раз. Но нам с тобой шанса быть вместе больше не представится — это я знаю точно.

Вот так, эксперт, капелька ультимативности не помешает.

— А если сорвётся, если Вик не выпьет? — сделал последнюю слабую попытку Бас.

— Тогда действуй по обстоятельствам, — закруглила она. — В конце концов, у тебя будет ещё пистолет. Можно припугнуть, подержать на мушке. Подъедет Залеский, вдвоём вы справитесь. А потом я от него, от инженера этого, избавлюсь. Но помни: трёх чемоданов достаточно двоим, но на троих этого слишком мало. Твоё счастье в твоих руках, Себастьян. Наше счастье...

Убеждала и верила сама. Рассчитывала, что потом сможет так же легко уговорить одноклассника на лечение в хорошей клинике. Надеялась на свои чары. Только всё пошло не так. А ведь она не обманывала Баса. Или почти не обманывала: уже через час после состоявшегося разговора её ждал Тихон, старший инспектор регионального отдела ви-контроля. Ждал в той же кондитерской, что и прошлый раз и так же плотноядно улыбался.

— Соня! — гудел он прокуренным своим голосом. — Чёрт возьми, я опять скучаю по тебе!

— Не хватило той ночи в гнёздышке? — игриво спрашивала она. — Мало, хочешь, чтоб я высосала из тебя все силы до доньшка?

— Я не против, — хохотал он в ответ, — пусть эта ночь повторится, а потом будь что будет!

— Можно и повторить, — кивала она, — но позже, сегодня я позвала тебя не за этим. Скажи, Тиша, как ты посмотришь на крупную аферу в сфере трансферов витакса, проведенную с применением новейшей аппаратуры концерна «Партнёр»?

Вся игривость вмиг слетела со старшего инспектора.

— Смотреть я могу лишь одним образом — с точки зрения нарушения закона. Но... — и зыркнул исподлобья. — Есть факты? Улики? «Партнёр», знаешь ли, слишком серьёзная организация, чтобы идти против неё с пустыми руками. Тут нужны железные доказательства.

— Будут тебе доказательства. И имена, и даты. Будет знатный переполох, за такие дают ордена или повышение по службе. Тебе есть, куда вешать ордена, Тихон?

Что-то мелькнуло на грубом лице старшего инспектора, что-то, что не оставило у неё сомнений — инспектору позарез нужно громкое дело. Для начальства ли, для самоутверждения — его дело, но Тихон крайне заинтересован. И это главное.

— Нет, всё-таки ты бесовка, Соня! — погрозил он пальцем. Сгладить попытался, не показать этот свой интерес — поздно. Улыбнулась загадочно, и Тихон не выдержал: — Что ты хочешь взамен? Я тебя слишком хорошо знаю, чтоб не понять — ты не будешь петься о моей карьере бесплатно.

— Верно. Мне нужны документы. Чистые документы для выезда из страны.

— Только-то? — присвистнул инспектор. — Не такая уж малая плата...

— Но и не такая большая. При твоих-то возможностях.

Теперь пришлось дать Тихону отбой. Вся надежда на инженера — что он разбирается не только в способах сбора и хранения витакса, но и организует отъезд. Или бегство, какая разница.

Звонок телефона прозвучал резко и неожиданно.

— Да! — схватила трубку она. — Слушаю!

— Соня, это я, — забубнил Залеский. Кретин, будто она не понимает, что звонить сюда может только он! Будто не узнаёт голос! — Я всё закончил, мы можем уехать...

— Хорошо, едем в аэропорт?!

— Да... — замялся любовник. — То есть нет... То есть — не сразу...

— Не мямли, Залеский, — раздражённо оборвала она. — Говори толком, куда ехать?

— Нужно заглянуть в гнездышко, — проблеял он.

— Ты рехнулся! — не сдержалась она. — Самое опасное место, какое только можно придумать! Мы ведь договорились — в квартиру не возвращаемся. Потом продадим потихому, и дело с концом...

— Понимаешь, всё раскрутилось так неожиданно, — не унимался инженер. В голосе отчётливо звучали покаянные нотки. — Я спрятал там деньги. Трансфер витакса в иностранный ви-банк займёт несколько дней. Документы у меня, но билеты... да и на текущие расходы нужны средства...

— Чёрт бы тебя побрал, Залеский! — с чувством выдохнула в трубку она. — Я спускаюсь к входу, жду тебя через пять минут. Оттуда — сразу в аэропорт.

— Конечно, Соня, ласточка моя! — обрадовался любовник. — Через пять минут я тебя подхватю, а к вечеру мы будем далеко отсюда. Только ты и я! С кучей денег!..

Дай-то бог, подумала она. Может и правда, всё ещё наладится?..

Звук открываемого замка заставил Вика встрепенуться и напряжиться. Стукнула дверь, и он мигом слетел с дивана. Крадучись прошёл под прикрытие большого стенного шкафа и стал, протиснувшись в узкое пространство между шкафом и стенкой. Оконная гардина прикрыла его, словно пологом...

Вчерашнюю ночь вор провёл в коньячном угаре: засыпал ненадолго, потом вскакивал, толком не понимая, где находится — на автобусной остановке? в баре? что, сейчас опять повалятся трупы? — вспоминал — хлебал коньяк прямо из бутылки — и вновь падал. Но с утра пить прекратил, пробавлялся чаем, да в холодильнике нашлась забытая палка сухой колбасы.

Именно забытая. Не зная наверняка, Вик безошибочно определил — квартира брошена, жильцы сюда не вернуться. Но идти было некуда: домой — слишком опасно, к знакомым... Какие теперь знакомые? С пробоем в поле... В «Шестке» уже отметил — еле ноги унёс. Оставалось валяться на Софьином диване и размышлять.

Воспоминания о женском теле, которое ласкал здесь же, на этом самом диване, Вик от себя гнал. Получалось плохо: стоило прикрыть глаза и казалось, он вновь чувствует вкус её губ, шелковистую нежность кожи, податливую хрупкость плеч. Тряс головой, прогоняя видения, и старался сосредоточиться на главном — как быть дальше? Обзвонил агентства недвижимости и без большого труда узнал — квартира выставлена на продажу. Деньги заберёт риэлтор, передаст продавцу. Сведения о продавце, естественно, не разглашаются — извините.

Извиняю, подумал Вик, и принялся звонить в аэропорт. У знакомого диспетчера по большому секрету узнал — на фамилии Залеского или Станкевич билетов не заказывали, но у «Партнёра» есть свой самолёт. Из концерна позавчера звонили, сделан предварительный заказ на завтра. Время вылета и маршрут обещали уточнить позже. Уж не сладкая ли парочка отметилась? Если да, то где их искать?

И вот щелчок замка и звук открываемой двери. Невнятные голоса, один явно мужской, с оправдывающимися интонациями, второй женский — напористый и нетерпеливый. Голоса звучали в прихожей. Вик ждал в своём закутке. Мысленно прикинул, что можно использовать в виде оружия. Как назло, ничего подходящего в пределах видимости не наблюдалось.

Ну и пусть, невесело усмехнулся про себя тягун, я теперь сам оружие. Только бы не зацепить Софью.

Опыт тягачества жил в Викторе сам по себе — это он заметил давно. Бывало, совершал какие-то действия неосознанно, на интуиции, и только потом разумом доходил, почему следовало сделать именно так, а не иначе. И появлялся новый профессиональный приём, новая тонкость в искусстве тащить чужое поле.

На примере предыдущих эпизодов — на автобусной остановке и в баре — он понял: самый мощный тяг идёт спереди, через глаза, ладони (когда они повернуты к объекту), через область солнечного сплетения. Но по мере приёма витакса принимающая поверхность увеличивается. Похоже, открывается всё поле — его поле — и становится одной огромной ловушкой для всякого, кто находится в непосредственной близости.

Пределов своих возможностей Вик пока не знал. Быть может, разойдясь, он мог бы, к примеру, высосать всех пешеходов на улице. Или посетителей большого магазина или кинотеатра. Над всем этим стоило ещё поразмышлять, но сейчас тягуна волновал один вопрос — как настроится на Залеского, не причинив вреда Соне?

Голоса тем временем стали громче, дверь распахнулась. Первым зашёл инженер и цепко оглядел гнёздышко. Видимость из угла Вика была недостаточной, не так, чтобы всё как на ладони, но этот прицеливающийся взгляд Залеского он различил, и почему-то этот взгляд очень не понравился вору.

А инженер, тем временем, сделал шаг внутрь комнаты и остановился. Шумно потянул носом и вдруг заявил жизнерадостным голосом:

— Ах, как смачно пахнет коньяком! У тебя был коньяк в запасе, дорогая? Я бы тоже сейчас немного выпил...

Софья появилась сзади с удивлённым лицом.

— Но кто-то уже потревожил твой закрома. Вон, и стаканчик на столе с остатками благородного напитка! Хочешь, угадаю, кто это? Ну так, ради шутки... — Залеский балагурил вроде для Софьи, вроде обращался к ней, но вдруг отвернулся от спутницы и произнёс в пространство комнаты громким голосом: — Виктор Сухов, ловкий тягун и опасный преступник, выходи! Я знаю — ты здесь.

Жизнерадостности при этом в инженере не убавилось ни на каплю. И улыбаться он не перестал. Казалось, гость разыгрывает весёлую интермедию, и после выхода Вика придёт время всем радостно и облегчённо рассмеяться и захлопать в ладоши.

Вик выступил из своего убежища, но было ему не до смеха. И не до аплодисментов.

— Ты прав, инженер, это я. Пришёл продемонстрировать весёлый — обхохочетесь! — номер. Только предупреждаю, шутки у меня теперь немного рискованные, но ты сам помог мне стать фокусником. С помощью своего замечательного прибора...

Улыбка так и не покинула губ Залеского, но в тот же миг он лёгким, почти неуловимым движением прянул назад, оказался рядом с Софьей, а ещё через мгновение вытолкнул её перед собой, жёстко удерживая за плечи. Девушка была ошеломлена, глаза её округлились, руки безвольно опали вдоль тела. Тряпичная кукла в руках опытного кукловода.

— Но-но, Виктор! — выкрикнул Залеский, прикрываясь Софьей как щитом. — Если в ещё не в курсе, отток поля пойдёт в первую очередь от ближайшего объекта. Прежде чем добраться до меня, вам придётся высосать нашу подругу до состояния высохшего осеннего листочка. Вы этого хотите?

Вик замер. В голове одна за другой стремительно сменялись мысли: откуда он знает? или сразу знал и предвидел последствия? и как теперь быть — ведь тяг может начаться и помимо его воли?!

— Ну что, будете пробовать? — радостно проорал Залеский.

От энтузиазма противника тягуна чуть не стошнило. В висках пульсировала кровь, ноги ослабли и, самое неприятное — предательски нагрелся крестец. И тут же под ложечкой заныло — сладко и томно, как всегда бывает перед тягом. Ощущения не могли обмануть — ещё миг, и он начнёт принимать витакс. Взрвёт турбина, поселившаяся в его организме по вине человека, прикрывшегося женским телом. В груди распахнётся ненасытный зев, и откроется тоннель, ведущий неизвестно куда, и неизвестно куда сбрасывающий чужие жизни.

Только на этот раз жизнь будет не чужая — Софьи!

— Ага, почувствовал, вор! — тон Залеского изменился. Весёлые нотки из его голоса пропали, сейчас это был враг, сбросивший маску благодушия и обнаживший клыки. — Понял уже, что сейчас будет?!

Софья дёрнулась, но инженер держал крепко.

— Только я могу тебе помочь! — продолжал инженер. — Только я знаю, как остановить тяг в пробое! Но у меня есть условие — ты отслужишь мне за помощь...

— Как ты это сделаешь? — не поверил Вик. Внутри уже всё дрожало, внезапно пришло понимание, ясное и однозначное как удар — он на последнем пределе.

— Нет времени сейчас объяснять! — выкрикнул противник. — Стой смирно, где стоишь и ничего не предпринимай. И тогда, может быть, наша Сонечка не пострадает...

В следующий миг в комнате появился новый участник — крупный мужик в берете и тёмном плаще. В руках он держал небольшой прибор — ничего особенного, просто коробка размером с небольшую книгу и мерцающими на панели индикаторами. Особенно ярко — светлячком в ночи — светился зелёный огонёк, но незнакомец щёлкнул то ли клавишами, то ли переключателями, и светлячок сменился красным стоп-сигналом.

И тут же улеглась дрожь в теле. Все сокровенные зоны, только что готовые начать съём — под ложечкой, руки, ещё что-то, на что не очень-то обращаешь внимание, но знаешь — они есть и работают, когда надо, — всё занемело. Застыло. И погас разгоравшийся у крестца пожар...

Вик чуть не упал, так неожиданно произошёл переход.

А комната между тем наполнялась людьми. Все похожи друг на друга как тени на стене: одинаковые тёмные плащи и береты, сосредоточенные лица без примет. Двое ловко подхватили Софью и потащили на выход. Девушка пискнула, но больше ей ничего сделать не позволили — стремительно вывели за дверь, и больше Вик её не видел.

К «плащу» с прибором присоединился второй, такой же, только поменьше ростом и не такой широкий в кости. Зато с пистолетом в руке. Стал рядом. Оружие держал стволом вниз, но сомневаться не приходилось — появится необходимость, мгновенно пустит его в ход.

— Сядьте, Виктор, — Залеский указал на стул у того самого столика, на котором стоял стакан с остатками вчерашнего коньяка. — Пришло время объясниться.

Дождавшись, когда вор выполнит просьбу, занял место напротив. Достал из внутреннего кармана фляжку, судя по всему серебряную, отвинтил колпачок. Тот волшебным образом обернулся в две стопки. Проговорил спокойно:

— Теперь можно и выпить.

Вик поймал себя на мысли, что наблюдал уже третью ипостась этого человека. Первой была рыхлая и безвольная личина Сониного любовника, мечтающего хапнуть куш пожирнее и смыться с красивой женщиной в далёкие тёплые страны.

Вторая — злодей, ловко сыгравший под простачка. Не стоит кривить душой, Вик представлял себе совершенно иной сценарий встречи с обманувшими его подельниками. Считал, что сможет нагнать на них страху и диктовать свои условия. Представлял себе растерянного, трясущегося инженера и кающуюся Соню. Предлагающую свою любовь и верность...

Сейчас перед тягуном сидел третий Залеский — спокойный, собранный, деловой. Нейтральный — без злобы, ажиотажа и лицедейства. И говорил уверенно и по-деловому:

— Вы наверняка уже догадались, Виктор, что дело совсем не в трёх чемоданах витакса. Полторы тысячи лет жизни — кусок, конечно, неплохой, но даже Софья понимала, что это

ещё не бессмертие. Это только стартовый капитал, площадка, с которой нужно уметь оттолкнуться, чтобы прыгнуть высоко-высоко. Сумела бы девочка это сделать? Не знаю, хотя определёнными талантами наша затейница определённо не обделена. Уже то, что она чуть не науськала на меня старшего инспектора одного из региональных управлений ви-контроля, говорит о многом...

— Кто вы, Залеский? — спросил Вик.

— Я-то думал, вас гораздо больше будут занимать собственные проблемы, — улыбнулся собеседник и налил, наконец, в серебряные стопочки. — Зачем вам лишние секреты? Скажем так, я представляю Службу. И будьте уверены, полномочия у меня самые серьёзные.

— И всё это с самого начала?..

— Да, — просто подтвердил Залеский. — Всё это с самого начала операция с привлечением концерна «Партнёр». Цель операции вам знать не положено. Не имеете необходимой степени допуска, — хохотнул лже-инженер, — но доиграть роль до конца придётся.

— И как же вас теперь называть? Не инженером же...

— Да как угодно. Нравится инженером — валяйте. Хотите — по фамилии, тоже неплохо. Она у меня подлинная. А хотите — господином полковником. Это, кстати, будет недалеко от истины.

К этому времени Вик окончательно пришёл в себя. Хотели бы убить, убили бы сразу. Витакс у них. Значит, нужно что-то ещё. «Отслужить» — это как?

Он поднял стопку:

— Надеюсь, напиток не отравлен?

— Бросьте, Вик. Мы ж не в дешёвой мелодраме.

— Тогда уж не в классической трагедии. Это там принято подносить чашу с ядом. — И опрокинул стопку, словно водки выпил, а не дорогого, судя по аромату, коньяку. — Налейте ещё, господин полковник, и введите в курс дела — что за чертовщина происходит со мной и вокруг меня.

— Вот это с удовольствием, — улыбнулся полковник. — Я и про коньяк, и про разговор.

— То, что вы, тягуны, называете пробоем, наши головастики именуют мудрёным термином. — Теперь полковник ещё и закурил сигару, сизый дым слоями потянулся к потолку. — Что-то там с флюктуациями поля: искажение структуры и формирование устойчивого отрицательного градиента... И ещё всякие бла-бла-бла... Ну, вы понимаете, на то они и учёные, чтоб говорить вещи, только им и понятные. Но суть явления известна. Человек превращается в автомат по съёму витакса, при этом сам с этого ничего не имеет. Добыча не усваивается, даже не задерживается. Уходит со свистом... Куда? Над этим ломают голову ведущие специалисты, но, увы, пока безрезультатно.

Вик внимательно слушал. Залеский говорил пока вещи известные, но к чему-то он ведь клонит?

— Однако некоторые закономерности всё же известны. Как это происходит обычно? Вы используете определённые участки тела, наиболее чувствительные к контакту с полем. Что там у вас есть — глаза, руки, нижняя половина груди, точнее, солнечное сплетение. Если принять человеческое тело за ось, а поле вокруг него за окружность, то получится, что тягун открывает этакую амбразуру, щель, через которую втягивает витакс. Открывает градусов на шестьдесят. Это обычно, но вот у «пробитого»...

— А вы неплохо разбираетесь в нашем ремесле, — заметил Вик.

— Положение обязывает, — улыбнулся в ответ полковник, пыхнув сигарой. — Тягачеством занимается не только ви-контроль. Те — цепные псы, призванные охранять от вас общество. Сберегать добропорядочным гражданам праведно нажитый витакс. Но есть и другие структуры, которые исследуют этот феноменом, пытаются раскрыть его механизм. Вас, тягунов, не так много. А рядом ещё те, кого вы называете ищейками. Тоже странные личности — сами тянуть не могут, но слышат, как это делаете вы. Как у всех вас — и тех, и других — всё это получается, непонятно. Но вернёмся к пробую.

— Скажите, Залеский, сколько всего было «пробитых»?

— Это секретная информация, Виктор, но вам я скажу. Вы — шестой.

— Я знал только о двоих...

— Ну да, наверняка вы знаете о самых первых. Потом произошло ещё три случая, но ситуация уже была под нашим контролем. Этих людей немедленно изолировали и... исследовали.

Почему-то сразу стало ясно, чем закончились исследования для исследуемых.

— Так вот, — продолжал полковник, — начинается всё как обычно, разве что контролировать запуск «пробитому» становится раз от раза всё труднее. Он тянет, как дышит — почти без волевого усилия. Превращается в этакий магнит, притягивающий витакс окружающих людей. А следом происходит расширение амбразуры. По неизвестным причинам из шестидесяти градусов она быстро увеличивается до ста восьмидесяти. То есть, вы тяните уже всей передней поверхностью тела. Точнее, поля. Любой человек, появляющийся перед вами, автоматически превращается в объект тяга. И очень быстро какие-либо границы исчезают совсем. Это уже не амбразура, это уже круговой обстрел. Может, кольцо, может, поле открыто полностью. На все триста шестьдесят градусов. Больше для «пробитого» нет ограничений: он тянет со всех, кто вокруг него — спереди, сзади, с

боков. Отовсюду. Чёрная дыра, а не человек. Запусти такого в город, дай пройтись по улицам, и через какое-то время там не останется никого живого. Вот во что вы превратились, Виктор. Сами-то почувствовали?

Залеский перевёл дух и вновь наполнил стаканчики.

— Почувствовал, — задумчиво проговорил Вик. Действительно, Залеский сейчас озвучивал его недавние догадки. — И скажу честно — открытие не из приятных. Ну а этот «шкаф» с приборчиком, он, как видно, сдерживает мои новые возможности?

Двое в плащах тихонько стояли в сторонке. Один всё так же держал «коробку», другой пистолет. Слышат они беседу, или нет, было непонятно. Но Залеский внимания на них не обращал.

— Верно мыслите, Виктор. Этот приборчик — генератор. И генерирует он энергетическую ловушку, не позволяющую вам тянуть. Формирует вокруг вас своеобразный кокон, внутри которого вы безопасны для окружающих. Гениальная штука, скажу я вам. Вот сейчас кокон пропускает около одного процента витакса, ровно столько, чтобы в вашем поле болтались две-три единички. Чтоб вы могли дышать и говорить. И слушать меня.

— И единички эти я тяну?..

— Да! — широко улыбнулся Залеский. — С меня и с этих двоих.

— Вы настоящий герой невидимого фронта, господин полковник, — саркастически усмехнулся Вик. — Жизни не жалеете...

— Не переживайте, — успокоил собеседник. — Потери ничтожные, и все будут возмещены за казённый счёт.

— И помощникам зальёте?

— Им по рангу не положено, — усмехнулся Залеский. — Что поделать, такая работа. Но ребята получают очень неплохие премиальные.

— Хорошо, накинули вы на меня намордник, а дальше что? Будете водить на поводке, в цирке показывать?

— Зачем же в цирке, можно найти феномену лучшее применение. Пристроить, к примеру, рядом «пылесос» с канистрой и запустить вас в мир. Только успевай менять ёмкости...

Вик тут же представил сотни автобусных остановок, десятки баров, где валяются снопами люди, а этот монстр, довольно потирая руки, меняет заполненные чемоданы на пустые. Вору стало плохо.

— Не киснете, Сухов, — уловил полковник его настроение. — Я совершенно не намерен завалить город трупами. Даже более того, я гуманный человек и готов помочь вам в вашей беде. Дело в том, что современная аппаратура позволяет запечатать кокон. Вместе с пробоем. Да, после этого вы потеряете способность к тягачеству. Более того — вы не сможете ни сливать свой витакс, ни принимать чужой даже посредством клетки. Но полевой обмен не прекратится. Вы сможете жить как обычный человек, поддерживая собственное поле естественным путём. Заниматься спортом, например. Правильно питаться, ну и прочее... Поверите ли, сейчас есть такие люди! Да-да! Живут сами по себе, не посещают ви-пункты, не подсчитывают единички. Где-то в Тихом океане, кажется, на каком-то атолле живёт целая колония таких ненормальных. Смешно, правда?

— Вы предлагаете мне стать ненормальным? — криво улыбнулся Вик.

— Я предлагаю вам остаться в живых, — отрезал Залеский. — Таким, какой вы есть сейчас, в живых вас оставлять нельзя.

— Подозреваю, что всё это не бесплатно.

— Безусловно. Я уже говорил вам — придётся отслужить. Не буду темнить, нас интересует группа Грома. Слишком много эти молодчики стали себе позволять, пора с ними кончать. Вы ведь знакомы с Громом? Даже вели совместные дела...

Отречься от знакомства с Неукротимыми не имело смысла. Господин полковник основательно подготовил операцию, собрал о Викторе самую полную информацию. Да и не ждал он ответа, но Вика поразило другое.

— Гром погиб! Я слушал своими ушами передачу по радио — Гром и его группа расстреляны спецназом на площади Свершений. Во время митинга. По другим сведениям арестован. Но тогда он у вас... Хотя, это только слухи.

— Ох уж этот митинг, — крикнул Залеский. — И этот спецназ... Совершенно бездарно проведённая операция. Кстати, у этого мальчишки, что влез на трибуну, никакой взрывчатки не было. Всё блеф! А вот спецназ действительно открыл пальбу. Положили кучу лишнего народа, этих диких митингующих, а тот, кто был действительно нужен — Гром — ушёл. С кучкой своих товарищей. И не верьте слухам, люди такого понаворот...

— Значит, Гром жив, — задумчиво протянул Вик.

— Жив-жив, — нервно откликнулся Залеский. — И на свободе. Сколотил новую банду, опять проводит эксы. Внедрить к нему нашего сотрудника не удаётся, осторожны эти подонки донельзя, а вот вы в эти круги входите. Вам и предстоит уничтожить Грома с его боевиками. Простейшая комбинация. Приходите, будто для того, чтобы сдать товар, а в это время мой помощник снимает кокон. Я хочу, Виктор, чтобы от этой банды осталась кучка высушенных мумий. Фигурально выражаясь, конечно...

— Вы знаете, где его база?

— Пока нет, но работа в этом направлении ведётся. Мои оперативники уже напали на след. Ещё немного и мы будем знать точно его место расположения.

— Во всех ваших построениях, господин полковник, есть одно слабое звено. Мой друг Шестопёр знает о пробое. Бар «Шесток» — бойкое место. Думаю, все заинтересованные лица уже в курсе, и мимо Неукротимых такая информация тоже не пройдёт.

— Ваш друг Шестопёр знал о пробое, — спокойно поправил Залеский. — Да вот беда, в тот же вечер, когда вы приходили к нему за помощью, в подвале дома дала течь газовая магистраль. Случился жуткий пожар. Бар «Шесток» выгорел дотла со всеми обитателями. Валерий Безменов, его дружок Роберт, ещё кто-то — все сгорели. Печальное событие, но пожары в городах случаются.

Вик подавленно молчал. Прощай, Валерка, и прости. Если б он, Виктор Сухов, не пошёл тогда в «Шесток», всё могло быть по-другому. А впрочем, как по-другому? Куда было идти?

— А если я откажусь? — огрызнулся, было, он.

— Тогда пострадают определённые люди, — пожал плечами Залеский. — Прежде всего вы. Прибор может заморозить ваше поле намертво, Виктор. Есть у него такая функция. Кокон перестанет открываться, и вы обнулите без возможности подпитки. А это смерть в течение ближайших минут. Второй станет Софья. Девочка будет у нас во время всей операции, малейшее неверное движение с вашей стороны и ей конец. Вам не жаль Софьи?

И снова пришлось промолчать. Софью было жаль. Несмотря на её интриги, обман, вероломство, — несмотря ни на что — она была дорога ему. Сейчас он понял это совершенно ясно. Как там сложится дальше, неизвестно, но стать причиной смерти девушки он не имеет права.

— Если я выполню ваши требования, вы всё равно уберёте и меня, и Соню, — тихо, но внятно выговорил он.

— А вот и нет! — неожиданно вновь развеселился полковник. — Если всё пройдёт нормально, я отпущу вас — слово офицера. Да-да, и не смотрите на меня так — запечатаю поле и катитесь! А что? Тягуном вы уже быть не сможете, станете для меня бесполезным, а потому и безынтересным. Зачем вы мне? Более того, снабжу деньгами. Не чемоданом витакса, конечно, но некоторую сумму определю. И что ещё важнее — выдам чистые документы. Вам необходимо покинуть страну, за этим я прослежу сам. И знаете что — забирайте Софью! На пару — за кордон, к свободной вольной жизни. Вы ведь об этом мечтали?

— Об этом мечтал Бас. Ему тоже отвалите какой-нибудь бонус? — сказал Вик, и заняла душа. Чувство безысходности наваливалось как лавина.

— Конечно, — нехорошо усмехнулся полковник. — Орден посмертно. Вы ввязались во взрослые игры, ребятки. Здесь проигрыш частенько оборачивается могильной плитой. Привыкайте. Скажи ещё спасибо, вор, что даю возможность улизнуть тебе и твоей девчонке. — И тут же резко вернулся к шутливому тону: — Да-да, забирай её и увози. Чертовка совершенно измучила меня в постели! Такой горячей бестии я ещё не встречал! Если б не задание... — И вновь посерьёзnel: — Всё понятно?

Виктор промолчал, говорить было нечего.

— Вот и отлично. Сейчас ребята отвезут вас, Виктор, на квартиру. Там нормально поедите, отмоетесь, отоспитесь. Короче, приведёте себя в порядок. А завтра начинаем этап подготовки. Времени у нас немного, но я хочу быть уверен, что в нужный момент вы ураганно снимите витакс. Откроете полностью поле и высосете объекты в считанные секунды. Это нужно опробовать... Впрочем, всё завтра. Только Виктор, хочу, чтоб вы уяснили себе чётко — вы постоянно под контролем. Малейшее сомнение в вашей лояльности приведёт к печальным последствиям. Этот приборчик, это действительно поводок. Незримый, но от этого не менее прочный. Один поворот ручки, и вы испытаете примерно то же, что испытывает человек, попавший неожиданно в безвоздушное пространство. Так что не шутите со мной.

— Я всё понял, господин полковник, — кивнул вор. — Давайте попробуем сделать всё любовно.

— Давайте, — подтвердил Залеский. — При успешном завершении дела окажетесь скоро под теми самым пальмами, о которых так мечтал ваш друг.

Всё знает, сука, подумал Вик. Всё контролировал с самого начала, разыграл нас всех как по нотам. Теперь пожинает плоды. А Баса, как видно, сразу списал в расходный материал. И не только Баса — ты, парень, тоже расходник. И Софья, скорее всего, тоже.

Вика привезли в типовую пятиэтажку где-то на северо-западе Фуфайки. Водитель мастерски петлял по улицам, иногда даже выворачивал в предместье, потом вновь возвращался в спальный район. Хотели шпионы (как окрестил про себя помощников полковника тягун) сбить его с толку или проверяться на предмет слежки, Вик не знал. Но самостоятельно он этот дом не нашёл бы.

Квартирка оказалась самая обычная. Обстановка убогая, везде пыль. Было заметно, что пользуются ею редко. Но Вик надеялся, что долго ему здесь жить не придётся. Его завели в комнату: кровать, платяной шкаф, стол и стул. Всё, больше ничего здесь не было, если не считать окна с решёткой. Ажурной такой, вроде декоративной, но даже на вид достаточно прочной.

«Шкаф» повёл рукой, располагайся, мол, и направился на выход.

— Эй, — окликнул его в спину Вик, — а если мне что-нибудь понадобится? В туалет, например?

— Стукнешь в дверь, — пробурчал «шкаф».

На этом общение и закончилось.

Впрочем, дальнейшее течение вечера насколько улучшило настроение. Вику позволили помыться под душем. В шкафу оказалось свежее бельё, свитер неяркой расцветки и джинсы в фабричной упаковке. Всё пришлось впору. В заключение надсмотрщики накормили ужином. Лангет с картошкой, салат, даже стакан лёгкого светлого вина.

После всех перипетий — бегства под дождём, нервного напряжения и неизвестности, постоянно грозящей ещё большими опасностями, вор слегка расслабился. Да и не ел он последние дни толком, если не считать достопамятной колбасы, забытой Софьей в холодильнике. Потому сейчас, оказавшись в тепле, в сухой одежде и поев, его неуклонно потянуло в сон. Охранники не возражали — дали пройти в выделенную комнату. Дверь, впрочем, заперли.

Вик упал на кровать и провалился в глубокий, как омут сон без сновидений.

Утро прошло спокойно, словно вор отлёживался где-нибудь в берлоге после успешного дела. Охранник, уже другой, этого Вик вчера не видел, провёл в ванную комнату, дал умыться. Затем последовал лёгкий завтрак из яичницы с кофе. Вик с интересом оглядывался: завтракал он в гостиной. Всё та же спартанская обстановка, ничего лишнего. Молодой человек в неброском костюме подал еду и тут же отошёл в дальний угол комнаты.

У дверей расположился второй, в накинута, но не застёгнутой куртке. Из-под полы была видна оперативная кобура. Вчерашнего владельца прибора-поводка вообще не было видно. Поглощая завтрак, Вик сделал лёгонькую попытку потянуться к тому, что подавал еду. И ничего не вышло. Не увидел ауры, не почувствовал никаких признаков контакта — чёрно-белая картинка на картоне, а не живой человек.

Ясно, прибор работает. Он всё так же в коконе, но оператор где-то в другом помещении и на глаза не показывается. А по окончании завтрака вошли двое: один коренастый, в пальто, другой в «дутой» спортивной куртке — широкоплечий и высокий. За ними шествовал Залеский.

Сопровождающие подошли к Вику ближе, полковник остался у двери.

— Доброе утро, Виктор, — улыбнулся главный шпион. — Надеюсь, вы отдохнули после вчерашних приключений и набрались сил. Сейчас мы с вами совершим небольшую прогулку. Это ваши провожатые, они обеспечат безопасность. Я тоже буду рядом и чуть позже объясню, что от вас потребуется. Да, и напоминаю о благоразумии, это неременное условие нашего сотрудничества.

Ха, безопасность они обеспечивают, зло подумал Вик. Это ещё вопрос — кому и от кого нужно оберегаться. Но времени на размышления ему не дали. Высокий подал тёмную куртку и кепку, конвоиры плотно стали с обеих сторон, и повели его на выход. Интересно, ребята знают, что он с них сейчас потихонечку тянет? Один процент, это не много, но всё дело в экспозиции — если разгуливать под ручку достаточно долго, то можно потерять несколько лет жизни...

Впрочем, это заботы полковника. И самих конвоиров.

Они быстро спустились во двор. Опять лил холодный дождь, порывами налетал ветер. Деревья совсем облетели, а ведь всего несколько дней назад на ветках ещё сохранялась жёлто-бурая листва. Показалось, произошедшие события ускорили приход осени, и почему-то Вик принял это как дурной знак. Хотя и без знаков ничего весёлого впереди не предвиделось.

Прямо у подъезда стояла машина с тонированными стёклами. Его впихнули на заднее сидение, рядом разместились конвоиры. Залеский пошёл к другому автомобилю. Всё-таки побаивается полковник, понял Вик, не хочет слишком приближаться к тягуну, держит между ним и собой кого-либо из помощников. Пусть минимальный, но тяг идёт, и пусть он идёт с подчинённых. Так начальнику спокойнее будет. Ну-ну, поиграем в ваши игры, господин полковник...

На сей раз Вику натянули на голову вязанную шапочку — до подбородка. Маршрут он не видел, но петляли долго. Несколько раз останавливались — громыхали металлические ворота, при этом явно двойные. Машина останавливалась, впереди раздавался характерный лязг и скрежет, потом въезд, опять остановка, сзади ворота закрывали, а впереди открывали, и движение возобновлялось.

Но вот езда закончилась, Вика вывели из авто и сняли маску. Он оказался посреди угрюмого, совершенно пустого двора, по периметру которого тянулось трёхэтажное мрачное здание с зарешёченными окнами. Давешние сопровождающие молча повели его к входу, больше похожему на проходную. Двери тоже двойные, разделённые тамбурами: лязгающие запоры, вооружённые охранники в серой форме. Высокий предъявлял какие-то документы. Пока группа не оказалась в пустой комнате совершенно без мебели. Решётка на окне стала уже привычным антуражем.

Вик и конвоиры стали в одном углу, а в противоположном углу открылась другая дверь, и вошёл Залеский. С ним были ещё трое. Тягун сразу узнал висящие у них на плечах портативные конденсаторы, сделанные в виде сумок. Не составляло труда догадаться, что у кого-то на поясе приспособлен «пылесос».

— Ну вот, первая проба пера, Виктор. — Полковник по-прежнему предпочитал держаться под прикрытием подчинённых. — Сейчас мы с вами на территории внутренней тюрьмы службы государственной безопасности. Здесь находятся самые опасные преступники, враги общества. Вина их доказана, приговоры — пожизненное заключение. Указом президента все они должны быть подвергнуты процедуре полного изъятия витакса. Вы зайдёте в указанные камеры. Мы снимаем блок. Дальше... вот и посмотрим, как всё

будет происходить дальше.

— Насколько я знаю, — пересохшим горлом проскрипел Вик, — подобная процедура проводится через клетку и с соблюдением определённых формальностей...

— Здесь особый случай, Сухов. Пусть вас не беспокоит правовая сторона вопроса, все детали согласованы на самом высоком уровне. Когда вопрос стоит о безопасности государства, органы, призванные охранять эту самую безопасность, имеют особые полномочия. Однако оставим дискуссии. В первой камере содержится трое заключённых. Сколько времени вам понадобится на выполнение задания?

— Не знаю, — подавленно мотнул головой вор. — Я не палач и никогда не отмечал время, отведённое жертвам!

— Оставим лирику. — И тон, и вид Залеского не допускали сегодня и тени шутливости или вальяжности. Сгусток воли, собранный в тяжёлый каменный кулак. — В баре, насколько я знаю, всё происходило почти мгновенно. Но пусть, у нас есть самый простой вариант. По окончании акции стукнете в дверь камеры. Вот так. — И полковник отстучал по стене нехитрую мелодию.

Вышли в коридор. Вик подвели к камере под номером три. Один из конвоиров заглянул в глазок, потом отпер замок.

— Напоминаю, Сухов, без глупостей, — прозвучал за спиной голос Залеского. — Ставки очень высоки, если что-нибудь пойдёт не так, вы останетесь в этой камере навечно.

В этом сомневаться не приходилось. Помимо конденсаторов Вик успел рассмотреть у помощников ещё и автоматы.

Дверь распахнулась. Тягун вошёл в камеру.

Их действительно было трое. Два молодых парня и один пожилой мужчина благообразного вида и в очках. Ребята смотрели настороженно, видно, ничего хорошего от появления нового человека в камере не ждали. Пожилой, наоборот, выступил вперёд, и даже сделал приглашающий жест рукой:

— Проходите, прошу. Вас определили в нашу камеру? Вот свободная шконка, на втором этаже, правда, но не взъщитесь — другие заняты...

Вик стоял столбом у входа. За свою длинную карьеру вора ему приходилось попадать в изоляторы, но долго он там никогда не задерживался — тягуна можно взять только на горячем. Косвенные улики мало чего стоят, доказать ничего не возможно, и без железных доказательств — а это акт ви-контролёра о несоответствии показателей браслета и сканирующего жезла, плюс обследованный потерпевший, — долго без таких доказательств в участке не держат. Да и матёрые урки относятся к тягунам с опаской, стараются с ними не связываться. Никаких «прописок», проверок, провокаций. А тут политические заключённые...

Дед явно профессорской внешности, с интеллигентной речью. Мальчишки могли бы сойти за начинающих боевиков, но только за начинающих. Матёрые, поучаствовавшие в эксках, пострелявшие на улицах выглядят совершенно иначе. Взгляд другой, повадка... Вик общался с такими, узнавал их безошибочно.

И что, вот это особо опасные преступники?! С вынесенными самыми суровыми приговорами? Что мог совершить такого ужасного это «профессор», явный книголюб и теоретик? А мальчишки — точно ведь с институтской скамьи. Стишки, наверное, сочиняли да на митинги ходили. Может, похулиганили когда, да и то, наверняка, по-детски...

Но тут все сомнения Вика прервались разом. Будто сняли вдруг смирительную рубашку.

Или вернули слепому зрение. А может, так чувствует себя человек, воскресший после клинической смерти. Эти трое в камере, они заиграли красками — розовыми, переливчатыми, текучими. Мир изменился до неузнаваемости — он стучал под дых мягкой лапкой, вызывал дрожь в коленях, сам просился в руки...

И Вик не выдержал — потянулся. Так тянется, наверное, наркоман при виде дозы — неосознанно и неудержимо. Тронул поле чуть-чуть, самым лёгким своим движением, но этого оказалось достаточно. Под ложечкой тут же застучало и завибрировало, по позвоночнику резво покатился горячий шар, и сразу же взревела турбина — сейчас раскалённый поток обожжёт дверь камеры сзади. И даже будто пахнуло палёным.

Но это, конечно, показалось. Зато сокамерники начали валиться вполне реально. Первым упал пожилой мужчина профессорской внешности, не договорив какую-то учтивую фразу. Затем рухнули как подкошенные оба молодых. И всё сразу закончилось. Как будто Вика накрыли сверху железным ведром — ни света, ни звуков, ни воздуха.

Впрочем, нет — воздух в лёгких ещё оставался, и он заорал изо всех сил, последними глотками этого живительного газа:

— С-су-к-и-и-и! Будьте вы прокляты, суки-и-и...

Он построил внутри себя барьер. Отгородил свой разум, чувства, эмоции. Он заставил себя не думать — кто перед ним, что за люди, почему они оказались здесь, в этой тайной зловещей тюрьме. Какие преступления привели их в камеры с малюсенькими окошками под потолком, забранными крепкими решётками.

Каждый день повторялось одно и то же. Он завтракал — как автомат, машина, функцией которой является поглощение пищи. Вкуса не чувствовал, но съедал всё. Отвечал на вопросы — порой невпопад — и ехал в тюрьму. Сопровождающие всё время менялись, но тот «шкаф» в плаще, которого он видел с коробкой, на глаза не попадался. Зато каждый день начинался с Залеского.

— Отлично, Вик, — потирал руки полковник. — У вас определённые успехи! Вы знаете, что можете теперь регулировать зону захвата? Наша аппаратура фиксирует — позавчера вы сняли с двух объектов витакс, приоткрыв амбразуру всего на сорок пять градусов. Bravo! Объекты стояли рядом, и вам этого хватило...

Это были те две женщины. Похоже, мать и дочь. Они действительно жались друг к другу, угадав каким-то шестым чувством, что их пришли убивать. Вик запер себя на замок, превратился в бетонную глыбу — шершавую, холодную, неживую. И как только где-то за стеной с него сняли намордник, хватанул жизни этих двух женщин одним резким движением. И тут же забарабанил в дверь.

Да, он знал, что может теперь регулировать поток принимаемого витакса — его объём и интенсивность. Как только ослабляли поводок, он мог тянуть узконаправленным пучком, секторами различной величины, мог выпить донора одним глотком или произвести строго дозированный съём. Всё это было новым в ощущениях, навыки нарабатывались быстро, и очень пригодилось бы в воровском ремесле ещё недавно, но сейчас от него требовали другого...

— ...А вчера! Вчера вы показали нам и вовсе высший пилотаж! Сработать всем полем одновременно, по окружности?! Наши специалисты до сих пор не могут прийти в себя!..

А вот вчера были уголовники. Что ж это за внутренняя тюрьма у господина полковника, или Вику создают специальные условия? Но ошибки быть не могло: оловянные взгляды в прищур, татуировки, гнусавая речь. Притом, бакланы, не учёные ещё, не то просто так на тягуна не полезли бы. Какой-то молодец — даже не блатной, а так, приблатнённый, — тут же направился к Вику танцующей походочкой. Разговор завязать, на вшивость проверить.

С такими он встречался. Знал — тут или нужно уметь разговаривать на их языке, или не стоит говорить совсем. Выбрал второе. Как только почувствовал свободу, представил себя губкой, впитывающей влагу всеми своими порами. Турбина даже не зарычала — засвистела на высокой ноте. Сколько их там было — шесть, семь? Он не считал. Будто отжал комок ветоши и отбросил за ненадобностью.

А потом были ещё камеры. Разные. И ещё, ещё, ещё...

И силы заниматься всем этим давало только одно — неожиданное и невероятное открытие. Во время отключения кокона открывался крохотный канал к оператору. Тот, кто держал поводок, кто мог одним движением запечатать его поле, по прихоти своей то дарил, то отнимал способность к тягу — сам был уязвим. Что за обратная связь срабатывала в

данном случае, Вик не знал. Вникать в природу этого явления не было ни сил, ни желания, да и знаний, наверняка, не хватило бы.

Но из этого следовал один очень важный вывод. Однажды, подобрав выгодную ситуацию, он сможет перехватить поводок. Хоть ненадолго, но стать хозяином собственного намордника. И это был шанс. Призрачный, ещё не до конца оформившийся в виде мыслей и планов — но шанс. Осталось только терпеливо дожидаться момента его реализации.

И отыграть как по нотам.

Оператор, тот самый «шкаф» в плаще, мелькал рядом с полковником постоянно. Вик был уверен — генератор действует на определённой дистанции. Вряд ли у них есть прибор, блокирующий поле на сколь угодно большом расстоянии. Тогда расклады были бы совершенно иными, и схема контактов другая. Нет, коробочка пока способна работать лишь в непосредственной близости от «пробитого». Ну, метров сто, или чуть больше. Вот и водят они Вика как бычка на привязи.

Но в условиях тюрьмы ничего не сделаешь, единственная возможность может появиться лишь при охоте на Грома.

Поэтому через неделю он обратился к Залескому:

— Хватит, полковник. Я не убийца. Больше в ваши камеры я не ходок. Можете меня пристрелить, или заморозить поле, но я готов сделать ещё только одну акцию. Ту, о которой мы говорили в самом начале.

— Вы не в том положении, Сухов, чтоб диктовать условия, — нахмурился куратор. — Всё идёт по программе. Очень скоро мы примемся за Грома, это я вам обещаю.

— И я вам обещаю, полковник. — Виктор упрямо смотрел в глаза Залеского. — База Грома будет последним и единственным местом, где вам придётся снимать с меня намордник. Заключённых я больше пить не буду.

— Забью в любую камеру, или загоню во внутренний двор во время прогулки заключённых — и велю отключить генератор. — Залеский смотрел даже с интересом. — Ты ж себе больше не хозяин, тягун. Процесс пойдёт сам по себе. Наберу витакса, сколько нужно, и накину кокон. Как тебе такой расклад?

— Повешусь, вены вскрою, голову об стенку разобью. Что-нибудь, да с собой сделаю — не уследите. Но пить больше женщин и пожилых профессоров не буду. Да хоть и уголовников — тоже не буду...

Видно, углядел что-то такое полковник в глазах своего заключённого, тряхнул головой.

— Ненавижу, когда мне пытаются диктовать условия, — проговорил с едва сдерживаемым раздражением. — Однако вы неплохо держитесь. Да и время поджимает. Поэтому мы переходим к заключительной фазе операции. Буду с вами откровенен: найти Грома и его базу мы пока не смогли, но из достоверных источников известно, что завтра произойдёт встреча. Известно время и место, и то, что это люди Грома. Им нужен витакс. Через свои оперативные каналы я подвёл к ним посредника. Тот обещал прислать человека, у которого есть большая доза товара на продажу. Вот такого купца и будут ждать боевики в условленном месте.

— А роль купца сыграю я?

— Вы, Виктор. С совершенно незнакомым человеком они разговаривать не будут. Посредник намекнул, мол, продавец придёт известный. С ним и договаривайтесь. Квартира будет под нашим контролем, но кокон отключать не будем. Ваша цель — договориться о продаже двух чемоданов витакса. Поставьте лишь одно условие — передам, дескать, товар

только из рук в руки Грому. Можете сказать, что доверяете только ему, можете придумать что-то ещё. Ту я полагаюсь исключительно на вас, Виктор, но мы должны узнать адрес берлоги. Мол, приеду и привезу — и никак иначе.

— А если эти ребята схватятся за оружие? Там стеснительных нет, а того, что я могу высосать их всех одним махом, они ведь не знают...

— Повторяю, мы будем рядом. Если что — вмешаемся. Но ничего такого произойти не должно. Нужно договориться, найти слова, заключить сделку. Чёрт возьми, вы ж не первый раз контактируете с боевиками! Две канистры длительного хранения, это не маленький свёрток, который можно передать где-нибудь в переходе или на улице. Гром наверняка согласится, чтоб вы привезли товар к нему. Заодно, пощупаете обстановку, убедитесь, что Гром в городе.

— А что, есть сомнения?

— С этим... контингентом никогда ничего нельзя знать наверняка. К тому же, считайте эту встречу сценической репетицией перед контактом с Громом.

— Зачем это нужно? — насторожился Вик. — Он знает меня лично, мы встречались много раз.

— Вы встречались, чтобы сдать витакс, а не для того, чтобы убить. Поверьте, это совсем разные вещи. Главарь — матёрый зверь, чувствует опасность спинным мозгом. Заподозрит что неладное, пристрелит без лишних вопросов. Вы помните свою последнюю встречу с Шестопёром? А ведь вы были друзьями. Когда-то...

Доля правды в словах шпиона была. Валерка не рассуждал совершенно, сразу схватился за ствол. Может, Залеский и прав — за прошедшие дни он мог разучиться общаться с людьми на простом человеческом языке. Только через энергетические потоки.

— Я уверен в успехе, — проникновенно проговорил Залеский. — Вы справитесь, мы приведём в действие наш план, а по окончании акции я выполню все свои обязательства. Софья тоже ждёт этого, помните об этом, Вик.

На следующее утро высокий вывел его к обыкновенному автомобилю — потрёпанный бежевый седан, никаких тонированных стёкол. За рулём сидел невзрачный мужичок в поношенной куртке. На Вика он глянул лишь мельком.

— Садитесь, Виктор, — напутствовал высокий. — Водитель привезёт и укажет дом. Третий подъезд, пятый этаж, квартира сорок четыре. Три звонка: два коротких и один длинный. Спросят, мол, кого надо? Ответите — привет от Ермолая Крюка. Скажут, не знаем такого. Тогда добавите, что Ермолай от Субботы. Запомнили? Повторите.

— Ох, и хитры же ваши шпионские игры, — вздохнул Вик, но пароли и отзывы повторил.

— Когда закончите в квартире, спускайтесь вниз. Идите через двор, вас будет ждать машина. И ни пуха...

— Идите вы все к чёрту! — с чувством ответил Вик.

Высокий только усмехнулся.

Доехали быстро. Машина тормознула в том же районе Фуфайки, перед обычной пятиэтажкой, очень похожей на ту, где его содержали. Будто и не уезжал никуда. Перед домом неухоженный двор: заброшенная детская песочница, ряд гаражей напротив дома. Между ними что-то вроде аллеи со скамейками. Летом здесь, наверное, мамочки катают коляски с младенцами, а на лавках сидят пенсионерки, перемывая косточки всем: от президента страны до Люськи-шалавы из первого подъезда. Но в это холодное и сырое время

года двор был пуст. Всё пространство густо заросло кустами, сейчас голыми и неприветливыми.

И как всегда срывался мелкий и холодный дождь. Нудный, надоевший, хоть осень ещё была только в первой своей половине, делавший настроение совсем уж слякотным.

Въезд во двор был один, остальную территорию огораживал бетонный забор, неизвестно кем и для чего выстроенный. Машина, на которой привезли Вика, стала у въезда.

— Вам туда, — показал рукой на дом водитель.

Вик выбрался из салона, поежился под холодным ветром. Поднял воротник куртки. Машина тут же сдала задним ходом, развернулась и нырнула куда-то в боковую улочку. Вокруг никого не было видно — ни друзей, ни врагов. Казалось, пожелай сейчас Вик, и он мог бы отправиться куда угодно. Но впечатление обманывало — холодная тупость под ложечкой, та особая пустота внутри, к которой он начал уже привыкать в последнее время, были верными признаками, что он в коконе.

Никто не собирался его отпускать. И оператор с энергетическим поводком где-то рядом, и сам Залеский тоже. А там и группа поддержки, если что вдруг пойдёт не так. Полковник обещал присмотр, и так наверняка всё и обстоит. Знать бы еще, где они прячутся. Особенно поводырь.

Он прошёл до нужного подъезда, нашёл квартиру сорок четыре с облупившейся дверью.

На условный звонок дверь приоткрылась.

Показался здоровенный молодой детина, до глаз заросший щетиной. Хмуро оглядел Вика, выслушал пароль и назвал отзыв. Мотнул головой — заходи, мол, и когда Вик сделал шаг, ловко перехватил его за плечо, крутанул лицом к стене и прижал намертво. Одновременно ударом ноги захлопнул дверь. Сноровисто обшарил.

— Извиняй, — прогудел ломким баском, — но бережёного бог бережёт. Проходи в комнату.

В комнате за столом сидели двое: тихо разговаривали, курили, на столе стояли бутылки с пивом. Здоровяк прошёл и примостился третьим. На гостя вроде и не обратили внимания. Лицом к входу сидел мужчина средних лет, но с ранней сединой в голове и с морщинистым костистым лицом. Его Вик не знал. Здоровяк оказался боком к Вику, он тут же приложился к бутылке с пивом. Третий сидел спиной, сгорбившись над столом.

А ведь тут наверняка всё пишется и фиксируется, соображал Вик. Он должен сейчас разыграть торг, убедить Неукротимых, что ему можно доверять, и что у него есть товар. Много-много товара. И одновременно условиться о встрече с Громом, потому что боевик с внешностью байкера и пристрастием читать умные книги нужен ему, Вику, просто до зарезу.

Полковник помянул, что покупатели Вика знают, мол, чужого они близко к себе не подпустят. Но ни одной знакомой физиономии что-то пока не наблюдается, и что — импровизировать? Рассказывать, как он встречался с главарём, как познакомился? Подобная откровенность, вообще говоря, у этих ребят не в чести, последствия могут быть самые неожиданные. Виктор ещё мешкал у порога, размышляя как лучше начать разговор, когда третий неожиданно повернулся.

— Ну что ты, вор, топчешься как школьник, сбежавший в бордель с уроков? — сказал он и хрипло рассмеялся. — Заходи, здесь все свои. Потолкуем...

Это был Мрачный, правая рука Грома. Самый верный и проверенный его помощник.

Вик прошёл к столу, занял свободный четвёртый стул. Теперь они сидели кружком, как старые добрые товарищи, собравшиеся попить пивка. Морщинистый смотрел на Вика в упор, будто надеялся прочесть его мысли. Молодой хлебал из бутылки.

— Вот уж не ожидал тебя здесь встретить, тягун, — продолжал Мрачный. — Ты ж всегда был честным вором, с барыгами не связывался. Ну, разве что сдавал им добычу, так то совсем другое дело. А теперь что — перешёл на перепродажу?

— Времена меняются, — натужно улыбнулся Вик. — Подвернулась возможность срубить хорошие денежки, что бы не воспользоваться...

Он пытался просчитать варианты. Где-то рядом должны находиться Залеский со «шкафом». В соседней квартире, например. Не отпустит полковник тягуна далеко — а вдруг аппаратура на дальнем расстоянии даст сбой? И на самотёк дело не пустит. Он прикинул — на площадке было три двери. В одну вошёл он, другая дверь осталась сзади, и третья — справа. За одной Залеский с оператором, за другой — охрана? Кто где? Или они все вместе в одной из квартир?

— Мрачный, а ты этого хлопца хорошо знаешь? — неожиданно встрял морщинистый. — Что-то глазки у него бегают. Не подстава ли?

Молодой тут же отставил бутылку и насторожился.

— Успокойся, Никола, за этого паренька я ручаюсь. Не первый день витакс у него беру. Правда, раньше он сам таскал каштаны из огня, а теперь вот перекрасился. Но мы товар вначале проверим.

— Перекрасился, или ссучился? — опять встрял Никола.

— Если ссучился — удавим, — спокойно заявил Мрачный. — Говори, Вик.

— Вот с тобой, Мрачный, говорить я буду, — принял решение Вик. — Эти двое, если помощники твои, пусть помалкивают в тряпочку. Потому что если и связывался я когда с вашим братом боевиком, так только с Громом. Ему — верю. А ты — его человек, потому и тебе верю.

Никола с молодым переглянулись, но промолчали.

— Куш — две канистры по пятьсот лет, — продолжал Вик. — Сдаю оптом, потому цену немножко сброшу. Но торговаться буду только с Громом. И канистры отдам только ему.

— Знатный куш, слов нет, — задумался Мрачный. — Только непонятка выходит. Когда ты свою добычу нам сбрасывал, тут всё ясно было. А теперь — откуда дровишки? Тягуну, чтоб столько натаскать, нужно несколько лет без сна и отдыха бегать.

— У Царёва одолжил, — хохотнул Вик. — Он на своих митингах теперь всем раздаёт — кому сколько нужно...

— Я ж говорю, Мрачный, — просипел Никола, — ряженого к нам прислали. Вместо дела шутки шутит. Порезать его на ремни, чтоб шутил меньше, а витакс забрать!

Молодой набычился, но в разговор пока не вступал. А вот Мрачный напрягся. Слишком свежи были в памяти события на площади Свершений, а помощник главаря, несмотря на свой простоватый вид, обладал завидной сообразительностью. Упоминание митинга вызвало у него правильные ассоциации: боевик даже как бы невзначай огляделся — не слушает ли кто посторонний беседу?

Однако тут же взял себя в руки, усталился на Вика:

— Ладно, бог с тобой, вор. Нам твои секреты без надобности. Уговоримся так — назначаем место. Ты привозишь товар, мы — деньги. Совершаем честный обмен и разбегаемся.

— Нет, так не пойдёт, — упрямо покрутил головой Вик и пристально посмотрел в глаза собеседника. — Мне нужен Гром. Витакс отдам только ему.

— Гром прийти не может, — отрубил Мрачный. — Занят сейчас сильно.

— Тогда я сам ко двору подвезу, — не унимался тягун. — Мне нейтральная территория не светит. Вон, у тебя помощники какие. Такие и правда в тихом месте на ремни порежут, а чемоданы заберут. Гром — другое дело, это гарантия. Его имя среди Неукротимых все знают. И честность его в расчётах тоже хорошо известна.

— А я тебе не гарантия? — встрепенулся Мрачный. — Ты меня сколько знаешь — я тебя подводил? Сейчас времена смутные. Безопасники лютует, скоро отстреливать нас начнут как бешеных псов. Давай сделаем, как я говорю — назначим время, место, чтоб осмотреться можно было, подготовиться. И пересечёмся ещё разок, окончательно всё обговорим...

— Да чё кота за яйца тягать, — прорезался вдруг ломким баском молодой. — Гром ясно сказал — надо витакса добыть. Значит — добудем. Этого сейчас в мешок и на Змеиный остров. Там сразу сговорчивым станет, когда Никола его на ремни распускать начнёт!

В первый миг Вику показалось, что Мрачный сейчас убьёт пацана — одним ударом, он такое умел. Но уже в следующий миг почувствовал, как вместо зияющей пустоты под ложечкой появляется тёплый живой шар, начинается лёгкое покалывание в пальцах рук и опасно разогревается крестец.

Место прозвучало. Змеиный остров, довольно обширный кусок суши напротив пристани с остатками заброшенного судоремонтного завода. Никакого регулярного сообщения с островом не было, но добраться туда на катере, или даже на лодке не составляло труда. Вот, значит, где теперь обосновался Гром.

Место прозвучало, и эти трое сразу стали не нужны Залескому. Более того — опасны, и полковник тут же снял кокон. На раскрутку максимального тяга обычно требовалось несколько минут, но Вик кое-чему научился в последние дни.

С истошным криком «Все на пол!» он одним махом запрыгнул на стол — со звоном посыпались бутылки и стаканы. Молодой остолбенел — как сидел, так и остался сидеть, а Никола ринулся через стол к Вику, норовя ухватить за ноги. Но Мрачный успел его перехватить, заключил в мощный захват поперёк тела, как в дружеские объятия, и потащил на себя. Оба повалились в грохоте разлетающихся стульев и принялись бороться на полу, натужно кряхтя и матерясь.

А тягун замер посреди стола на слегка согнутых ногах и с растопыренными руками. Сейчас весь он превратился в восприимчивую антенну, в тончайшую мембрану, откликающуюся на малейшее колебание поля. В чуткий нос охотничьей собаки — потоки! откуда струятся потоки витакса?!

И уловил. Молодой боевик розовой переливающейся глыбой цепенел чуть правее, а прямо перед глазами, за стеной с выцветшими обоями в мелкий цветочек билась мощная волна чужой энергии. Подмога, понял Вик, группа поддержки, готовая вмешаться, если возникнет необходимость. Слева, из квартиры напротив, тянулся слабый сдвоенный сигнал. Один обычной, только как бы слегка приглушенный, а второй — самый необходимый

сейчас, самый важный для Вика — сигнал от оператора! Это было похоже на эхо: далёкое, едва слышное эхо в горах, когда и не можешь сказать наверняка — то ли слышишь ты его, то ли тебе это только мерещится. Но ошибиться было нельзя, и оставалось только довериться своему опыту тягуна, безоглядно отдать себя на волю интуиции, наития, тех неосознанных порывов, которые уже не раз спасали ему жизнь.

Все остальные, кто были в комнате, чувствовались ярко, но отстранённо. Сейчас Вик знал каким-то необъяснимым образом, иррациональным каким-то знанием — он может не тянуть с них ни капли.

Поток от «шкафа» — или кто там сегодня сидел у прибора! — представлялся тонкой, но прочной верёвкой с торчащим хвостиком. Тягун живо вообразил, как он ухватывает этот хвостик и тащит, что есть сил. А потом ещё наматывает для верности верёвочку на кулак. Когда появилось лёгкое сопротивление, дёрнул рывком — почувствовал, как что-то оторвалось в чужом теле, за преградой из нескольких стен кирпичной кладки. Оторвалось навсегда, с полным угасанием жизни...

Но нельзя было терять времени. Широким загребающим движением, открыв сектор градусов на сто двадцать, он втянул витакс из-за стены напротив. Турбина в позвоночнике взревела, из кобчика полыхнуло, а в соседней квартире стало невыносимо пусто. Ничего живого. Голые стены.

— Мрачный! — крикнул он, спрыгивая со стола. — Хватит бодаться! Поднимай своих ребят, надо попасть в квартиру напротив! Срочно!

Вик чувствовал, как в солнечном сплетении раскручивается могучая сила неуправляемого тяга. С этим неодолимым властным позывом он ещё только-только учился договариваться. Турбину нужно срочно выключать, или — ещё немного — и засвистит ото всюду: и с Мрачного, и с его помощников, и с жильцов дома, если таковые имеются в соседних квартирах. Нужно было срочно заполучить генератор!

Мрачный с Николой наконец расцепились, отдуваясь и позыркивая друг на друга недобрый взглядом. Вышел из ступора молодой Они вывалились на лестничную площадку. Было тихо, только запаленное дыхание мужчин заполняло тревожным нетерпением пыльную тишину.

Вик указал нужную дверь:

— Ломай!

К счастью, тут оказалась не модная броня, а обычная филёнка. Молодой бычок вынес её одним ударом плеча. В комнате на диване полулежал человек — тот самый, уже знакомый здоровяк в тёмном плаще. Шляпа скатилась на пол и лежала рядом раздавленным блином. Мёртвые руки сжимали прибор.

Вик рванул коробку — несколько окошечек с какими-то указателями. Кнопки, клавиши, светодиоды. Зелёный помигивает, под ним значок волны. Рядом такой же значок, но волна перечёркнута. И кнопка. Должна быть эта, другой не видно. Нажал. Прибор коротко пискнул, зелёный сигнал погас, а рядом вспыхнул красный. И тут же утих пожар в позвоночнике, под ложечкой образовалась уже знакомая пустота, которой тягун был сейчас несказанно рад.

Всё. Вик обессилено опустился на диван рядом с трупом оператора. Вокруг сгрудились боевики.

— И что теперь? — выразил общее мнение Мрачный.

Да, и что теперь, подумал Вик? Залеского-то здесь не оказалось. Превозмогая слабость в

коленях, он встал и прошёлся по комнате. В углу нашёл портативный конденсатор, сделанный в виде ранца и с подключенным «пылесосом». Значит, такой поворот событий полковник тоже предвидел, и предусмотрительно поставил ёмкость для витакса. Не пропадать же добру. Посмотрел индикатор — конденсатор был заполнен под завязку. Очевидно, сюда утекли жизни бойцов прикрытия — молодых, здоровых ребят. Что ж — на войне, как на войне.

— Мрачный, иди сюда. Тут для тебя трофей, — позвал он.

Пока боевики охали и цокали языками у невиданной раньше ёмкости, Вик прошёл на кухню. Обнаружил крошечную кладовку, а в ней замаскированный второй выход из квартиры. Вот как ушёл Залеский. Наверное, оператор пытался что-то сделать, как-то бороться за свою жизнь, но полковник сразу сообразил, что всё пошло не по плану и удрал. Даже прибор не забрал — только почувствовал опасность, тут же и ушёл.

А проблемы остались. Сейчас по боевой тревоге будут подняты бог весть какие силы. Или не будут? Что-то уж больно похожа комбинация Залеского не на продуманную многоходовую комбинацию, а на экспромт, затеянный на свой страх и риск. Неужели нельзя было подвести Вика к Грому тоньше? Даже он, непрофессионал, смог бы придумать пару вариантов с более надёжным исходом. Найти связи... Или для безопасника главное витакс? Хочет набить себе карман, одновременно выполняя задание по ликвидации опасной террористической группировки? Недаром же во время «периода подготовки» его помощники всё время таскали с собой конденсаторы...

Но Грома в любом случае нужно со Змеиного острова вытаскивать — место ведь теперь засвечено. И, наконец, ещё одно — Софья. Где она? И кто она для Залеского — заложница, или всё же помощница? Дополнительный повод держать его в узде. Всё это предстоит выяснить.

— Мрачный, — окликнул он боевика. — На площадке ещё одна квартира. Откроете?

Морщинистый Никола только усмехнулся. Видно, замки для него не представляли проблемы. Достал связку диковинно изогнутых железок, побренчал недолго, и дверь распахнулась.

В квартире лежали вповалку восемь мёртвых спецназовцев с оружием и в полной экипировке. Ни автоматы, ни броня, ни сферы им не помогли. Но знаков различия на камуфлированных комбинезонах не было. Ни эмблемы, ни звёздочки — ничего.

— Ну, ты даешь... — проняло даже Мрачного. Молодой побледнел от такого обилия мёртвой плоти, но держался стойко. Никола принялся деловито собирать оружие.

— А теперь, ребята, нам осталось самое трудное, — пробормотал Вик. — Выбраться из всего этого дерьма и попытаться спасти Грома.

Боевики надели рагрузки спецназовцев, вооружились автоматами и окончательно стали теми, кем и были — головорезами из лихой банды. С оружием умели обращаться все, это чувствовалось. Вика заставили надеть бронежилет и сферу. Так надёжнее — от шальной пули никакое тягачество не спасёт.

Пока экипировались, Мрачный пытливо глянул на Вика и спросил:

— Это ты их всех положил, что ли?

— Я. Я ж тягун, ты не забыл? — Вик попытался обойти скользкий вопрос. Но Мрачный не повёлся.

— Что тягун — знаю. И что таскал ты по двадцать-тридцать единиц, тоже знаю. От такого съёма нормальный человек даже не чхнёт, а тут трупы навалом. Или это машинка у тебя такая хитрая? — указал он на прибор в руках Вика.

— И машинка тоже, — согласился вор. — Но не только. Не забивай себе голову лишним, Мрачный. Ты ж понял уже, что всё это была западня. За Громом охотятся. Гоном руководит полковник Залеский. Знакомая фамилия?

— Знакомая? — усмехнулся Мрачный. — Очень даже знакомая! Только бывший полковник, Вик, бывший. Погнали этого героя из «ге-бе» за дискредитацию. Уже почти год, как наш бравый безопасник на вольных хлебах. Сколотил банду из бывших сотрудников и промышляет сбором витакса. Покойнички в комнате — это ведь его люди. До недавнего времени и с Громом контактировал, пытался сделки проворачивать, да уж больно тёмные. Гром с ним знаться отказался, а теперь, значит, Залеский решил воевать? Под себя Неукротимых подмять вздумал? Ладно, будет ему война...

— Информация точная? — не поверил Вик. — Он же меня во внутреннюю тюрьму безопасности возил...

— Это он может. И в тюрьму, и настоящий спецназ подключить. Связи у бывшего полковника будь здоров. А может, играет и нашим, и вашим. С него станется...

— В любом случае, он был здесь, но среди мёртвых я его не вижу. И название Змеиного острова прозвучало. — Вик глянул на бычка, тот понурился. — У тебя связь с островом есть? Предупредить Грома можешь?

— Уже сделано, — усмехнулся Мрачный. И когда только успел? Пока он искал второй выход, что ли? А Мрачный смешки отбросил: — Гром приказал любым способом выбираться на Змеиный. Там у нас такие катакомбы — что «ге-бе», что Залеский с бандой век искать будут. Лучше объясни, каким боком ты во всей этой истории оказался?

— Это другой вопрос. Как-нибудь расскажу, только сейчас времени нет. Но если б не я, были бы вы уже во внутренней тюрьме управления госбезопасности. Да и сейчас ещё все мы можем туда угодить, если будем сидеть и ждать, когда бойцы Залеского подтянутся.

— Что-то не то с тобой, тягун, — покачал головой боевик. — Не знал бы тебя раньше, грохнул бы от греха. Но Гром сказал привести тебя к нему. Так тому и быть. Только помни, я за тобой присматриваю.

Знал бы ты, подумал Вик, за кем приглядывать решился, бежал бы, наверное, без оглядки. Но вслух сказал:

— Можете ещё конденсатор прихватить, — и указал на рюкзак.

— И прихватим, — согласился Мрачный. — Столб, — он кивнул на молодого, — парень здоровый. Ему не в тягость.

Осмотр двора явной опасности не выявил. Всё те же голые кусты, мокнущие под дождём, понурые гаражи с проржавевшими воротами и огромная лужа в забытой детской песочнице. Грибок покосился, и выглядело всё это донельзя уныло.

— Нужно выбираться, — сказал Никола. — Столб оставил машину за домом, но с другой стороны. Если по двору, то обходить придётся...

— Можно поверху, — предложил Столб. — На чердак, и до последнего подъезда. Так быстрее будет и скрытно.

— Вперёд, — решил Мрачный.

Дверь на чердак оказалась заперта, но Никола вновь подтвердил свою высокую квалификацию домушника. Пыльное пространство под крышей они проскочили быстро, но вот люк в последний подъезд преподнёс неприятный сюрприз. Он был не просто заперт — это для Николы семечки, — он был заварен наглухо.

— На крышу, — ткнул Столб в сторону прикрытого пожарного выхода. — Там по «пожарке» спустимся!

Выскочили на крышу — плоскую и добротную, как всегда строили на Фуфайке. Подошли к поребрику, где начинались дуги пожарной лестницы...

И тут началось.

Во двор с воем ворвался чёрный фургон. Проскочил вдоль дома и с визгом затормозил как раз под «пожаркой», на которую нацелились беглецы. Дверцы распахнулись, из салона посыпались бойцы в броне и сферах, с автоматами наизготовку. Сходу ринулись в подъезд, через считанные минутки будут здесь, на крыше...

Следом за первым фургоном въехал второй. Спецназовцы окружали дом, перекрывали выходы со двора, отрезали все пути к отступлению. Никола зло сплюнул:

— Дождались!..

И будто ответом его плевку в низком сером небе раздался вой и рокот вертолётного винта. Лёгкая обтекаемая машина вынырнула из-за крыш ближних домов неожиданно, будто находилась там с самого начала. Зависла над крышей. На одиночном пилоне грозно щерился пулемёт Гатлинга. Следом откатилась дверца, из кабины высунулся снайпер с винтовкой, пошарил стволом по сбившимся в кучу людям.

И тут ожил мегафон: «Бросить оружие! Стать шеренгой, руки вверх! Не двигаться, не шевелиться! В противном случае открываю огонь на поражение! У вас нет шансов!..»

Из пожарного выхода на крышу уже выскакивали спецназовцы, окружали по дуге, разбегаясь так, чтобы при стрельбе не задеть своих, брали беглецов в клещи.

— Бросайте оружие! — сдавленно просипел Вик товарищам, хотя за воем вертолётного винта его вряд ли мог слышать кто-то из посторонних. — Выполняйте их требования...

— А может, повоюем?! — ощерился Мрачный. — Помирать, так с музыкой...

— Рано помирать, камрад, — всё так же придушенно ответил Вик. — Ты тех, в комнате, помнишь?

— Ну, смотри, тягун, если что, я тебя голыми руками удавлю. — И скомандовал Николе и Столбу: — Бросили пукалки! Делаем, что говорят!

Вертолёт ещё немного поболтался в воздухе, а потом мягко сел на крышу, не останавливая винта. Из чрева вертушки выскочил человек в штатском костюме, неторопливой походкой направился к беззащитной четвёрке.

Боевики, выполнив команду, смотрели на приближающегося человека. То, что произойдёт дальше, каждый представлял себе по-своему, но никто не ждал ничего хорошего.

— Из вас кто-нибудь вертолётom управлять умеет? — тихо пробубнил Вик. Из-за воя ротора и нервного напряжения вначале его никто не услышал. Или не понял. И лишь через несколько томительных секунд Столб промямлил:

— Я трактор водить учился. Только научиться не успел, выгнали...

— Ну, тогда слушай мою команду, — сквозь зубы процедил Вик. — Как вскину руки — падайте сзади меня. Всем понятно — сзади меня!

И нажал кнопку на приборе. Ту, что располагалась под изображением волны.

— Советую прекратить сопротивление, господа... — начал «костюм», не доходя с десятков метров. Шёл он расслабленной походкой, чувствовал себя хозяином положения. — Вы окружены, мы можем уничтожить вас одним ударом. Но остались некоторые вопросы и ещё есть возможность договориться...

Этот вальяжный господин стал номером первым. Организм уже почувствовал свободу от поводка: солнечное сплетение, ладони, позвоночник — всё пело, вздрагивало в радостном предвкушении, зудело от нетерпения. Наверное, я стал своеобразным наркоманом, мельком подумал Вик, не могу уже без этого. Но лишние мысли пришлось отбросить.

Направленным узким хватом он снял витакс с приблизившегося противника. Снял ровно столько, чтоб тот не грохнулся сразу, оставался ещё какое-то время на ногах. Он и остался: Вик видел бледность, залившую лицо, выступивший пот. Заготовленная фраза застряла у господина в глотке, но он продолжал двигаться, словно манекен, заводная кукла, у которой ещё не кончился завод. И спецназовцы пока не видели опасности. Лишь бы не начали палить раньше времени!

Вик переключил всё внимание на кабину вертолётa. Пилот, которого нужно сохранить живым во что бы то ни стало, и снайпер. Этого наоборот — валить сразу и надёжно. Тягун сосредоточился: мир для него сейчас превратился в одни сплошные потоки витакса. Затухающий ручеёк парламента, стена огненно-багровых всполохов над напряжёнными спецназовцами. И в кабине — один поток жёсткий и горячий, как луч лазерного прицела, а второй — аморфный, плывущий.

Сомнений не осталось — как и в случае с оператором, поток которого представился натянутой нитью, Вик ухватился за «лазерный» луч. Рванул, и витакс вылился весь и сразу, как будто только и ждал этого момента. Запекло под ложечкой, отчётливо рыкнула турбина, Вик расслабил кисть, затряс ею — не дай бог зацепить лётчика!

Но турбина уже набирала обороты. Как голодный хищник, она требовала пищи. Как чудовищный молох жаждала эфемерной, трепещущей субстанции витакса, от которой зависят человеческие жизни. И Вик раскинул руки!

Послушно попадали сзади сообщники. Только там, за спиной остался узкий, закрытый для забора участок поля. Всё остальное пространство превратилось в жадную распахнутую пасть, готовую всасывать в себя жизненные соки людей. Но пилот! — ни на миг не забывал Вик о пилоте, без которого всё теряло смысл!

Взмах правой рукой — и все те бойцы, что были справа, угодили в петлю экстренного забора! Взмах левой — охват группы, расположившейся слева. Вик работал сейчас на два отдельных сектора! Никогда ещё не приходилось ему делать чего-то подобного, и никто не мог гарантировать успех... Да какие гарантии! — тут самого бы не разорвало пополам! Такие игры с полем не проделывал никто и никогда...

Но думать было некогда. Сомневаться было некогда. Бояться было некогда.

Вик сжал кулаки, рванул руки на себя, ещё и помог тягу глубоким — аж всхлипнул! — вдохом. Он был похож на вдохновенного дирижера, управляющего невидимым оркестром, но играл тот оркестр симфонию смерти и разрушения.

Турбина взревела. Под ложечкой встал не мягкий комок — повис раскалённый булыжник! В области крестца пекло невероятно, но слева и справа начали падать фигуры в броне. Ничком и навзничь. На бок, неловко подогнув ноги. Запрокинув голову, свернувшись калачиком.

С глухим стуком выпускали мёртвые руки оружие на мокрый бетон крыши.

И когда где-то глубоко внутри — он и сам не смог бы сказать точно, где — судорожно вздрогнуло, ухнуло, застонало почти жалобно — выключил прибор. Потому что знал — за этим пределом идёт уже полный разнос. Он станет дырой в пространстве, куда птицами полетят то ли людские жизни, то ли души...

Вик обернулся. Боевики лежали ничком, накрыв головы ладонями, как под артобстрелом.

— Подъём! — просипел вор своей новой команде. — К вертушке, быстро!

Жизнь боевика из крайне левого крыла Неукротимых полна опасностей и непредвиденных ситуаций, поэтому люди здесь собрались сплошь опытные, с хорошей реакцией. Они рванули с низкого старта, подхватывая на ходу оружие и не задавая лишних вопросов.

Пилот, вцепившийся в штурвал, был жив, но напуган до полусмерти. Он ошалело круглил глаза на демонов, уложивших в мановение ока и без единого выстрела подразделение спецназа, и как лошадь тряс головой. Слова до него не доходили, пока Никола не сунул ему под нос ствол и не сказал каким-то особым голосом:

— Если сейчас не поднимешь в воздух свою птичку, я тебя самого превращу в воробушка!

То ли оружие подействовало, то ли тон, которым была сказана фраза, но летун будто проснулся. Ротор взвыл на тон выше, набирая обороты, и в следующую секунду вертолёт оторвался от крыши злосчастной пятиэтажки. Снизу не раздалось ни единого выстрела. Судя по всему, подразделения, блокировавшие подступы к дому, посчитали операцию благополучно завершённой. Ни пальбы, ни драки, ни попыток бегства. Значит, командир выполнил задачу и сейчас, скорее всего, последует отбой тревоги.

Вертушка беспрепятственно поднялась в небо, заложила крутой вираж и, повинаясь указаниям Мрачного, пошла курсом на реку. Внизу замелькали улочки Фуфайки со снующими автомобилями и прохожими на тротуарах. Слева проплыл и скрылся из вида игрушечно красивый Центральный район, а впереди уже показалась свинцовая гладь Змейки.

— Над пристанью не летай, — напутствовал пилота Мрачный. — Подойди к острову со стороны реки. Там у воды площадка есть, сядешь.

Всё прошло благополучно. Вертушка приземлилась недалеко от уреза воды, команда покинула кабину. Мрачный показал пилоту жестом — лети, мол, не задерживаем. Тот не заставил себя упрашивать, через минуту гул двигателя удалялся за реку.

— Может, не стоило его отпускать? — с сомнением проговорил Никола.

— Ерунда, — отмахнулся Мрачный. — Птичка арендованная, летун не при делах. Использовали в тёмную. Ну, спросят его, куда он нас отвёз? Ну, покажет он место — и что? Здесь можно найти сотню мест для посадки, толку-то. А лишний грех я себе на душу не возьму. И тебе не позволю.

Они направились в глубь острова, туда, где виднелись останки судоремонтного завода. Вик глазел по сторонам: доки, краны, какие-то громоздкие механизмы, предназначения которых он не знал. Кое-где высились потрёпанные судовые корпуса без надстроек, казавшиеся чудовищными дохлыми рыбами, выброшенными на берег. Всё вокруг было ветхим, проржавевшим, давно пришедшим в негодность. Мелкий белый песок, сейчас серый от влаги, замёл пути узкоколеек. Мерзость запустения и разрухи.

Однако Мрачный уверенно вёл между полуразрушенных построек и ржавых остовов, ориентируясь по каким-то своим, только ему ведомым приметам. Время от времени он

подавал особые знаки рукой, и Вик понял, что путешествие их не остаётся незамеченным. Где-то между развалин доков и гор строительного мусора были устроены секреты с часовыми, и при необходимости незнающий человек вряд ли прошёл здесь и треть того пути, что преодолели они.

Внезапно Мрачный остановился у невзрачного приземистого строения, не отличавшегося видом от многих других, наклепленных здесь впритык, и толкнул скрипучую дверь. Открылся вход в подземелье — металлическая, тоже основательно проржавевшая лестница. Справа, из темноты тут же показались ружейные стволы, но Мрачный буркнул что-то, и стволы исчезли.

Спускаться пришлось довольно глубоко, потом потянулся горизонтальный бетонный коридор, освещённый редкими фонарями. Было холодно и сыро, но дозоров больше не наблюдалось. Наконец, в неприметной нише показалась ещё одна дверь. Мрачный набрал код на пульте (пульт выглядел совершенно новеньким, в отличие от всего того, что попадалось на глаза ранее) и с усилием распахнул тяжёлую бронированную створку.

— Вот мы и на месте, — удовлетворённо выдохнул он.

Здесь располагался вполне жилой бункер: калорифер создавал приятное сухое тепло, имелась мебель в виде стола со стульями и продавленного дивана. Под потолком горела яркая лампа. В углу особняком стояло кресло, в котором восседал Гром.

Вид главаря Неукротимых с последней их встречи не изменился: всё та же грива нечесаных волос, перетянутая тонким ремешком, и байкерский наряд, и неизменная сигара в руке. Только похудел Гром, и взгляд стал настороженным, как у человека, готового немедленно выхватить оружие.

— Ну, заходи, — с лёгким сомнением проговорил он. — Давно не виделись. С чем явился?

Вик тяжело плюхнулся на стул, перевёл дух. Гром встретил его теми же словами, что и тогда, в избушке. Сколько всякого случилось с тех пор, а фраза и интонация остались прежними. Может, это знак и удастся ещё вернуть жизнь в прежнюю колею?

— Вик у нас теперь супертягун, — сказал за Вика Мрачный. — Валит людей пачками, даже машинкой какой-то хитрой обзавёлся...

Никола со Столбом прошли к дивану. Столб освободился наконец от конденсатора, который таскал всё это время на плечах, и поставил его в углу. Мрачный расположился на стуле, напротив Вика. Помощники Грома пытливо смотрел на вора.

— Позовите Опера, — спокойно произнёс главарь. — Без него я разговоров о тягачестве не веду.

Усевшийся, было, Столб дисциплинированно вскочил и покинул бункер через другую дверь в углу, которую Вик сразу не заметил. Не прошло и минуты, как явился главный специалист по витаксу. Подсел к столу, с любопытством уставился на Вика. Вик без слов выложил на стол генератор.

— О, — обрадовался Опер, — блокиратор поля! Интересная игрушка. Но у нас такие тоже есть. Зачем он тебе, Вик?

— Я знаю ему лишь одно применение, — тихо проговорил тягун. — И сейчас эта штука для меня как намордник для бешеного пса.

Он рассказал им всё. Как рассказал бы близким друзьям, потому что во всём мире не осталось других людей, готовых выслушать исповедь пробитого тягуна. Зато нашлось бы множество охотников либо пристрелить его на месте, либо запрячь вновь на сбор витакса.

Как запрягают вола тащить непосильный груз.

Дымил сигарой Гром. Кивал и время от времени бормотал что-то себе под нос Опер. Сумрачно, но сочувственно смотрел на Вика Мрачный.

На столе прибор мирно помигивал красным сигналом, тем самым, что расположен под значком перечёркнутой волны.

— И что думаешь делать дальше? — спросил Гром, когда тягун умолк.

— Не знаю, — честно признался тот. — Точнее, знаю две вещи. Первое, я должен посчитаться с Залеским. Второе, нужно вызволить Софью. А потом...

— Первое поддерживаю, — откликнулся Гром. — Этого подонка нужно просто утопить в собственном дерьме. И тут я тебе помощник. По поводу второго — сомневаюсь. Девочка сама влезла во всё это. Подставила тебя, смерть Баса на её совести. Заслужила ли она помощи и прощения — не знаю. Но и решать не мне. И, наконец, насчёт «потом»... Опер, что скажешь?

— Ты можешь не знать, Вик, но технология блокировки поля не такая уж новая штука. — Опер поудобнее уселся на стуле. — Феномен кокона известен давно, другое дело, что ему пока не могут найти достойного применения. К легальным носителям он не применим, эти люди имеют право сдавать витакс и получать подпитку в ви-пунктах. Конституционное право! К тягунам?.. Была идея вооружить похожими машинками ви-контролёров, но когда её применять? Тягуна надо вначале поймать и доказать, что он тянул. Остаются только «пробитые». Но явление это столь редкое, и столь легко ликвидируется в клетки, что ради нескольких случаев пробоев поля нет смысла выпускать большое количество таких блокираторов. Вот и существует прибор в виде нескольких моделей...

— Что ты сказал?.. — поражённо прошептал Вик. — Легко ликвидируется в клетки?!

— Да. Это у вас, в среде тягунов усердно поддерживается миф об опасности «пробитого». И работа эта ведётся, прежде всего, ви-контролем и «ге-бе». Им выгодно, чтобы вы шарахались друг от друга. Не верили, даже убивали. Вы и так-то сугубые индивидуалы, работаете строго в одиночку. А вот ещё сказочка об опасности пробоя, чтоб погорячее было. Вашим противникам выгодна всеобщая подозрительность и вражда. Не хватало ещё, чтоб тягуны объединились в собственную федерацию и профсоюз! — хохотнул он.

Вик потрясённо молчал. Он уже поставил на себе крест, прикидывал, как бы поэффектней хлопнуть на прощание дверью, а тут... Легко ликвидируется в клетки!

Впрочем, поражены объяснениями специалиста были все. Мрачный слушал, открыв рот. Никола со Столбом сидели тихо, как мыши, не пропуская ни одного слова. Только Гром невозмутимо пыхтел сигарой. Возможно, он всё-таки читал труды по теории биополя.

— И ты можешь это сейчас сделать? — подался Вик к Оперу. — Ну, закрыть прореху?

— Да без проблем, — улыбнулся специалист. — Если, конечно, шеф не будет возражать... — покосился он в сторону Грома.

— Не будет, — пыхнул дымом тот. — Шеф возражать не будет.

— Только вот тягуном ты уже быть не сможешь. Это единственная правда из того, что наплёл тебе Залеский, — закончил мысль Опер. — Тут уж так: клеть поле залагает, утечку снимет, но и восприимчивость заблокирует наглухо. Спонтанную восприимчивость, ту, которая позволяет тебе тянуть. Влить витакс через ту же клеть по обычной методике — пожалуйста! Это вполне возможно, тут экс-полковник тебя пугал. Но вот тянуть... нет, уже нельзя.

И тут блокиратор ожил. Незаметный до сей поры индикатор — красный, в левом верхнем углу прибора — тревожно замигал. Все отпрянули, только Опер рассмеялся:

— Аккумулятор садится. Это ж портативная модель. Так что решай быстрее...

— Да уж решил всё!.. — вскинулся Вик.

— А может, это?.. — неожиданно навалился на стол Мрачный. — Может, повременим? — И обернулся к Грому: — Шеф, ты б видел, как этот парень спецназовцев валил! Любо-дорого! Это ж оружие невиданной силы! Вик, будем содержать тебя в лучших условиях. Опер за этим приборчиком проследит, чтоб работал как часы. Подзарядит там, сделает, что нужно, и... В виде разовых акций, а?! Ну, хотя бы против наиболее опасных представителей тоталитарного витакс-режима!

Все молчали. И смотрели на Вика. Он буквально чувствовал физически, как перспектива обладания таким оружием кружит голову — Мрачному, Николе, Столбу. Даже Оперу!

Только Гром невозмутимо курил сигару.

— Как тебе такое предложение, вор? — спросил он так, будто речь шла о покупке новых туфель.

А Вик вспомнил автобусную остановку. Девчонок, падающих под дождём. Бар. Камеру с женщинами. Валерку Безменова по прозвищу Шестопёр. Будь оно всё проклято! Ведь мечтал же он стать художником, и быть может, ещё станет им?..

— Клеть, — тихо и внятно сказал он.

— Так хоть на время! — застонал Мрачный. — С Залеским разобраться! Чёрные Бессмертные голову поднимают, говорят, собирают свои эскадроны. Если их сейчас не прижать, потом лиха хватим! Хотя бы самое горячее погасить, а потом уже!..

— Клеть, — без тени сомнения повторил Вик.

— Эх! — махнул в сердцах рукой Мрачный. — Такое бывает раз в сто лет, а вы...

— Отставить, Мрачный, — закрыл обсуждения Гром. — Человек сделал выбор, и я его уважаю. И человека, и выбор. Не каждый согласится быть постоянным проходом в преисподнюю. Я бы, например, не согласился. Опер, готовь аппаратуру...

— Да она у меня всегда готова, — улыбнулся специалист, похожий более на недоучившегося студента.

— Но ты расплатишься со мной витаксом, вор, — повернулся главарь к Вику.

— С удовольствием, — откликнулся тот. — Я даже знаю, где его взять.

В тот жуткий, незабываемый вечер Софья чуть не умерла. От страха, разочарования, обиды. Нет, больше всего, наверное, всё-таки от страха.

Как всё изменилось в один миг!

Залеский, это конопатое ничтожество — ведь только и умел, что жрать ветчину, каждый раз запинаясь при слове «хамон»! — вдруг стал совсем другим человеком. Жёстким как подмётка, и опасным как нож в рукаве. И голос стал другим, и фигура. Даже нос-пипка на широкой ряске побелел, и от этого стало почему-то совсем жутко. Хотя казалось бы, куда уж больше...

А когда схватил он её за плечи и поставил перед Виком! Думала — всё, смерть пришла! У Витьки глаза такие были — с такими глазами убивают. Она знала. А этот подонок орал — что, высушишь нашу подружку как осенний листочек?! Бедный, жёлтый листочек, что летит по воле холодного ветра, нигде не находя себе пристанища. Лишь хрустнет под каблуком равнодушного прохожего, спешащего по своим делам.

Но Витька не смог. Он никогда бы не смог её убить. И его скрутили. Нет, как крутили ему руки, она не видела. Может, и не было такого, просто пошатнулся Вик, когда ворвался в комнату тот бугай со своим приборчиком. Качнулся, еле на ногах устоял. Значит, всё-таки скрутили...

А руки — это ей. Грубо, сильно, так, что лопатки чуть не вывернулись. Эти мрачные отвратительные типы — засунули в ванную комнату, лучшего ничего придумать не смогли. Один — длинный, с рябым лицом, стоял рядом, взглядом раздевал. Ещё бы чуть-чуть, и под юбку бы полез. Она уже нашарила сзади на полочке флакон с шампунем. Массивный, стеклянный. Попробовал бы, вмиг по головёнке своей похотливой схлопотал — мало б не показалось...

В комнате бубнили: говорил в основном Залеский, но иногда и Витькин голос прорывался. О чём говорят, не разобрать, и от этого снова стало жутко и пусто на душе. Захотелось немедленно, вот прямо сейчас оказаться где-нибудь далеко-далеко. Например, под теми растрёпанными ветром пальмами. И чтоб рядом были Вик и Бас. Живые и невредимые...

Потом все ушли. И этот рябой, и Вика увели — все протопали через коридор. Заглянул только Залеский, усмехнулся:

— Поживёшь пока здесь. Это ж твоё любимое гнёздышко, не так ли? И заруби на своём хорошеньком носике — никаких звонков, встреч, квартиру вообще не покидать вплоть до дальнейших моих распоряжений. Сидеть тихо, как мышь. И тогда, может быть, останешься живой. А будешь меня слушаться, станешь, быть может, ещё и богатой. Чтоб скучно тебе не было, да чтоб глупостей не наделала ненароком, оставляю Эдика. Нормальный парень. Только хвостом перед ним поменьше верти, не провоцируй...

С тем и ушёл.

Софья выбралась в комнату. Комната стала чужой, холодной, и пахло в ней чужими людьми, а вот беда была её собственной. Она прошла к бару — конька не было. Вообще ничего не было: ни конька, ни будущего, ни надежды.

— На вот, — протянул флягу Эдик, коренастый тип в полупальто.

Она приложила к горлышку — какое-то ужасное пойло, но крепкое, и скоро стало всё равно. Мир покачнулся и поплыл, и чтоб удержаться в этом неверном, зыбком мире она рухнула на диван — единственный островок обманчивой стабильности во всей этой дикой истории.

Прошло пять тягучих, одуряющих дней. Бесконечно тянулся шестой. Эдик, несмотря на бандитскую внешность, оказался действительно приличным молодым человеком. С разговорами не приставал, вообще не приставал. Сидел в кресле у окна, листал толстые спортивные журналы и бюллетени скачек. Звонил несколько раз на тотализатор, это Софья заметила, но интереса к женщине не проявлял.

Еду им приносили из ресторана, Эдик вежливо спрашивал, чего бы ей хотелось поесть. Софья вначале капризничала, делала невыполнимые заказы. Потом надоело, отмахивалась — закажи, мол, что-нибудь на свой вкус. По её же просьбе приносили коньяк. В первые дни пила сама, пила много, к вечеру становилась совершенно пьяной и падала лицом в подушку.

Охранник смотрел на всё это равнодушно. Однако скоро пить одной стало невозможно, и Софья пригласила Эдуарда. Тот вначале отнекивался: он, мол, на работе, нельзя. Но Софья уговорила. Не родился ещё мужчина, которого она не смогла бы уговорить. За рюмкой коньяка поболтали «за жизнь». Не слишком откровенно, но это ведь только на первый раз. Потом отношения стали более простыми, человеческими, что ли, как-то само собой наладилось общение. А ещё чуть позже Софья стала ловить на себе уже совсем другие его взгляды.

Ох, уж природу таких вот взглядов она чувствовала позвоночником! А что, хоть какое-то разнообразие в тоскливых тюремных буднях...

Залеский не появлялся, но люди от него приходили. И приходили не пустыми: вначале объявились те три чемодана, что наполнили Вик с Басом. Потом канистры стали прибывать с небывалой скоростью — по две-три в день. На вчерашний вечер в углу комнаты выстроились в ряд десять канистр. Пять тысяч лет витакса!

Это был уже не стартовый капитал, это был прямой билет в мир бессмертных. И Софья заказала ужин. На двоих. С хорошим сухим вином и свечами.

— Мы пять дней живём бок о бок, Эдик. Давай хоть раз поужинаем по-человечески.

Эдик кивнул. Эдик улыбнулся — давай поужинаем, это так невинно...

Обстановку Софья создала почти интимную. Именно «почти» — поспешишь, людей насмешишь. Оделась так, что кое-чего ещё не видно, но фантазию уже будоражит. Она всегда это умела — подвести к самой грани и... — не так скоро, дорогой, дай мне чуть-чуть времени... Под вино и лёгкие закуски пошёл лёгкий, чуть хмельной разговор. И улучила момент — спросила про планы, виды на жизнь, надежды и мечты. А после аккуратно и ненавязчиво перешла к десяти заветным чемоданам.

— Ты представь себе, Эд, — так она стала называть его с начала ужина, — какое будущее можно построить на этой куче денег! Мир распахнётся перед тобой! Вот скажи, просто интересно, сколько тебе нужно времени, чтоб заработать столько денег на службе у Залеского? И как бы ты их потратил?

Эд смеялся, корчил задумчивые рожицы, пытался что-то высчитывать, не забывая заглядывать в декольте. Всё в шутку, конечно же. Софья не мешала: ни смеяться, ни заглядывать. Софья тоже перечисляла, куда бы она вложила такой капитал, и тоже шутила. И только потом с горечью добавила:

— А ведь там большая часть витакса — моя. Да-да, не удивляйся, Эдик. Моя была идея,

да и исполнение тоже. И люди были мои. А теперь этот прохвост приберёт всё к своим рукам. Хорошо, если кинет какие-нибудь крохи... А то вовсе пристукнет. Зачем ему рядом женщина, которая сделала его богатым? Живое напоминание...

Эдик оказался мальчишкой сообразительным, сразу понял, что шутки кончились.

— Нам не уйти с таким куском, Соня, — так стал он называть её после второго бокала вина. — У Залеского длинные руки: достанет и заберёт чемоданы вместе с нашими головами.

— Ещё вчера я думала так же. А позавчера и помыслить не могла ни о чём подобном. Но сегодня... У Залеского сейчас очень трудные времена, ему бы самому ноги унести.

— И откуда информация? — насмешливо спросил Эдик. — Ты ж тут в полной изоляции.

— В изоляции, — согласилась Софья, — но не в такой уж полной. Это ведь моё гнёздышко, я сама его обустраивала. Кое-что предусмотрела...

— Ты хочешь сказать?.. — поразился собеседник.

— Да, — кивнула Софья, — маленькая щёлочка во внешний мир у меня осталась.

Она блефовала. Нещадно врала, рассчитывая лишь на своё обаяние и фактор внезапности. Ещё — на умение убеждать мужчин.

— Да! Да, Эд! — Она кинулась к нему, обвила шею руками, выдохнула жарко и сладко прямо в ухо. — Я знаю, что говорю! У нас совсем мало времени, но если сейчас — прямо сейчас! — мы прихватим эти чемоданчики и скроемся, никто нас не найдёт! У меня есть документы. Мы сможем покинуть страну. Ты представляешь, как мы заживём — только ты и я!

— У меня здесь мать... — пролепетал охранник.

— К чёрту! У меня здесь прошла вся жизнь, и что из того? Когда-то нужно принимать решения — такие, которые меняют судьбу! Твою маму мы сможем забрать позже, это не проблема. Ну?! Ну же — решайся! У тебя есть машина?..

— У меня есть машина, Сони, — послышался от двери насмешливый знакомый голос.

Они отпрянули друг от друга, будто школьники, застигнутые строгим учителем за чем-то постыдным. В дверях стоял Залеский.

— Даже фургон, — продолжал полковник, входя в комнату. У двери остались стоять истуканами двое крепких ребят в беретах. — Десять конденсаторов длительного хранения не такой маленький груз, тут нужен транспорт посolidнее. А вы неплохо проводите время, ребята. Вино, хорошие закуски. И планы! — конечно, грандиозные планы от госпожи Станкевич! Эдик, ты проникся?

На охранника было жалко смотреть.

— К сожалению, у меня совершенно нет времени. — Залеский стал серьёзным. — Мальчишки, начинайте носить конденсаторы в машину.

«Береты» опроретью бросились выполнять приказание, а командир повернулся к Эдуарду:

— Ты только что предал меня, парень. По себе знаю, эта стерва умеет уговаривать, но ты меня предал. А что делают с предателями?

Эдик съёживался на глазах, будто из него разом выпускали весь витакс вместе с воздухом.

— Ладно, не трясись, пока я тебя убивать не буду, — закончил Залеский. — Послужи пока. Когда погрузим конденсаторы, уберёшь этих двоих. Быстро и тихо. И сядешь за руль.

Может, ещё заслужишь место рядом со мной. Преданностью! — он поднял палец вверх, — только преданностью!

Охранник быстро-быстро закивал головой, начал сползать со стула, а полковник уже смотрел на Софью:

— И всё-таки ты ехидна, Сони! Никогда нельзя ни положиться на тебя, ни оставить без присмотра. Стоит отвернуться, и раз! — у собственных губ обнаруживаешь бокал с отравленным коньяком! Или что вы там сегодня пьёте...

Софья смотрела на Залеского с ненавистью. Страх не было, паники не было, ничего уже не было. Только ненависть.

— Такой ты мне нравишься даже больше, девочка, — хмыкнул то ли безопасник, то ли бандит. — Но вот тебя я, пожалуй, с собой не возьму. Сыт я твоими выкрутасами по горло. Вокруг полно красивых женщин, и все они покупаются за деньги или витакс. Дело лишь в цене...

— Позвольте с вами не согласиться, господин Залеский, — вдруг раздалось от дверей.

Все обернулись одним движением: спутанные, давно нечесанные волосы, стянутые ремешком, грубоватое, но по-своему красивое лицо с резкими чертами, клепаная «косуха» и ботинки с высокими берцами.

— На мой взгляд, каждая человеческая жизнь не имеет цены. Если не брать в расчёт витакс, конечно...

— Гром! — взвизгнул Залеский. — Нет! Тебя сейчас не должно быть здесь!

— Почему? — удивился главарь Неукротимых. — Потому что спецназ штурмует Змеиный остров? С применением авиации и тяжёлой техники. Да, сейчас там всё объят пламенем. И я, стало быть, должен гореть вместе с развалинами судоремонтного завода?

— Ты должен гореть в аду! — вырвалось у Залеского. — Ты уже пару часов как должен валяться дохлый в компании своих головорезов!

Словно в ответ на его слова за спиной Грома появились здоровенный молодец, по глаза заросший щетиной, и жилистый мужик с мрачным лицом. Эдик, словно проснувшись, дёрнулся, и тут же грохнул выстрел. Охранника отбросило на сервант, тело медленно сползло, оставляя на полировке тёмный след.

— Со Змеиного есть много путей отхода, — философски проговорил Гром. — И не только по воде. Но мы здесь по другой причине.

Он чуть отодвинулся, и в комнату вошёл Вик.

В Софье всё дрогнуло — Вик! живой! всё тот же смелый, честный, благородный Вик!

Залеский изменился в лице. Слова, готовые сорваться у него с языка, застряли в глотке. Всё что он смог — выставить перед собой руку с растопыренной пятернёй.

Но Виктор шёл к врагу размеренной походкой человека, прибывшего для свершения определённой миссии.

Приблизился.

Между ними остался один шаг.

— Вы знаете, Залеский, с какого объекта происходит отток витакса в первую очередь? — спросил Вик. — А если контакт с объектом будет максимально плотным? Например, вот таким?

С этими словами он резким движением схватил врага за горло и сжал.

Залеский захрипел, вцепился пальцами в руку Сухова, но не оторвать её от себя, ни вывернуться сил у него не было.

— Вот и всё, Залеский, — проговорил Вик. — Вспомни напоследок Себастьяна Лагеря Да и других тоже, — а их было много — вспомни.

Свинцовая бледность залила лицо полковника, губы посинели. Он захрипел совсем уже страшно, ноги дёрнулись и подогнулись. Вик отпустил руку, и тело рухнуло на паркет с грохотом, словно сбросили вязанку дров у камина.

— Эй, как это ты его, Вик?! — подал голос Гром. — Ты ж у нас теперь не по части тяга. Или снова всех нас обманул, вор?

— Да уж какой тут тяг. — Вик склонился над телом, пощупал пульс. — Готов. Сам сдулся. Видно, сердце у негодя было ни к чёрту. Не выдержало, так сказать, грандиозности планов. Да и смог бы тянуть, с него бы не стал. Мусор один...

Софья не верила ни своим ушам, ни своим глазам. Вик уже не тянет витакс, но убивает Залеского одним прикосновением? В комнате, всего в метре стоит легендарный Гром? Что за чертовщина здесь происходит?

Виктор будто услышал её мысли:

— Да, Соня, я больше не тягун.

Спросила с испугом:

— А кто ты?

— Не знаю, — честно признался Вик.

— Вот кстати, — вступил в беседу Гром, — пора бы тебе, Вик, определяться. Войсковая операция на Змеином уже, наверное, окончена. Сейчас там разберутся, что штурмовали голые камни, и начнут поиски. Нас будут искать — есть за что, но и тебе шлейф трупов не простят. То, что многое свершилось по незнанию или по принуждению вряд ли зачтётся.

— А ты куда, Гром? — спросил Вик.

— Мы уходим на другой берег Змейки. В городе сейчас будет слишком опасно. Поставим новую базу, нарастим мышцы. И вернёмся, всё начнём заново. Нас, знаешь ли, совершенно не устраивает нынешнее распределение витакса. А что до тебя... Ты мог бы высосать нас всех как леденец. По приказу Залеского. Но не сделал этого. Да и раньше я кое-что о тебе слышал, среди блатных тоже иногда люди встречаются. Так что, однажды я тебе уже предлагал присоединиться, предложение остаётся в силе.

— Но я ж не тяну больше... — грустно усмехнулся Вик.

— Зато опыт какой! — хохотнул Гром. — Оперу давно нужен помощник в его изысканиях в области витакса.

— Опять же разобраться надо, как «пылесос» с конденсатором реагирует? — встрял неизвестно откуда вынырнувший Опер. — И как эта система воздействует на тягунов? Все твои беды, Вик, начались с этого. Вот и покумекаем...

— В крайнем случае, будешь рисовать для нас листовки, — продолжил с улыбкой Гром. — Шутка. Дел в этом мире для нас с тобой найдётся с избытком, брат. Итак, заканчиваю дискуссию. Витакс, несправедливо нажитый преступником Залеским, я объявляю конфискованным в пользу фракции Неукротимых. Решать судьбу Софьи Станкевич не имею права, да и не хочу этого делать. И нам пора. Тут ещё прибрать нужно, — показал он в сторону мёртвых тел. — И внизу двое холодных.

Вик повернулся к Софье.

Вик шагнул к Софье.

— Пойдём со мной, — сказал он. И посмотрел — совсем не так, как когда-то на речке. И не так, как смотрел, когда миловались они в гнёздышке.

«Пойдём, я не смогу без тебя!» — крикнули его глаза.

А Софья глаза опустила.

Ах, мой славный, мой честный, смелый и благородный Вик. Какой лес, какая база? Что мне там делать — стирать бельё твоим новым товарищам? И самое главное: разве можно из вашего подполья попасть в мир бессмертных?

Молчание повисло между ними глухое, как пыльный занавес на сцене всеми забытого театра. И нерушимое, как окончательный приговор.

— Пошли, брат, — хлопнул Вика по плечу Гром. — Боюсь, эта дама не горит желанием разделить твою судьбу. Бог ей судья. Пошли.

— Прощай, — проронил Вик и развернулся к двери.

И уже на выходе не выдержал, обернулся, прежде чем навсегда покинуть эту квартиру: Софья, сидящая на диване, словно птица со сломанными крыльями, и Гром с усмешкой сыплет к её ногам горсть жетонов на витакс:

— Это вам, сударыня, на первое время. Чтобы с голоду не помереть...

Больше книг на сайте - Knigolub.net